

В.Н. Черепица

**ГРОДНЕНСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ НЕКРОПОЛЬ
(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА)**

Гродно 2001

УДК 947.6 (476.6)

ББК 63.3 (4 Бей)

Ч 46

Рецензенты: канд. ист. наук, доц. Васюк Г.Н.

канд. ист. наук, доц. Павлюченко Н.В.

Черепица В.Н.

Гродненский Православный некрополь

(с древнейших времен до наших дней). –

Гродно: ГрГУ, 2001. - с.

В книге впервые комплексно исследуется история всех древнейших православных захоронений и кладбищ, в г. Гродно, образующих своеобразный некрополь-«мертвый город». Первая часть исследования посвящена общеисторическим проблемам, касающихся ухода в мир иной, погребальным обрядам и т.п. Во второй части рассматривается история древнейших гродненских кладбищ на Замковой горе и у Каложской церкви, по улицам Антонова, Белуша, переулку Победы и др. В третьей - содержатся сведения об наиболее известных лицах, захороненных на гродненских православных кладбищах. Материалы исследования адресуются историкам и широкому кругу читателей.

JSBN 985-417-162-

*Светлой памяти моей мамы
Валентины Ивановны Черепица (Шатохиной)
посвящаю*

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕЧНОМ *(вместо предисловия)*

Об уходе в мир иной

Незадолго до смерти замечательный русский писатель Владимир Солоухин написал книгу-размышление о бытии людском с весьма своеобразным названием «Чаша». Начинается она со слов: «Ну что же, семьдесят два года. Позади пора операций и реанимаций. Самое время писать о кладбищах». При всей внутренней самоиронии в них чувствуется острая и лишь слегка замаскированная потребность поговорить о сокровенном - жизни и смерти обо всем том, чего всем нам не избежать. Впрочем, действительно, что мы знаем о нашем сегодняшнем дне, а тем более о последнем? Задумываться над этим вопросом еще совсем недавно было не принято. Может быть поэтому этот вопрос как бы пронизывает все произведение и особенно те его фрагменты, которые посвящены кладбищам: «...ко мне с годами все чаще приходит мысль: почему природа, высший разум, Бог, в конце концов, не устроили так, чтобы человек, дема-те-реали-зовывался бы. Умер, возникла струйка пара там, где лежал человек, возникла и растворилась в атмосфере Земли. Родным и близким – ни похоронных бюро, ни гробов, ни (б-рр) крематориев, ни глины, в которую закопают, ни суеты, ни... впрочем, поминки можно оставить. Собрались, разлили по стопкам (не чокаться, мужики, не чокаться), и душевно, эдак-то, помянуть. А могила... Я думаю, что к большинству могил на земле в конце концов перестают приходить люди... А если ходят, то не ради какого-либо человека, закопанного тут, а ради того, что вот - известное кладбище, как бы музей, памятники произведения искусства»¹.

С последним суждением автора трудно согласиться, ибо есть все-таки множество известных и неизвестных могил, к которым не зарастает и, думается, никогда не зарастет человеческая тропа, да, и что, собственно, плохого в том, если кладбище со временем превращается в памятник старины, музей. Разве тем самым оно не несет в себе то, значительно важное, что вызывает наше преклонение перед неумолимым временем и людьми, которые жили в нем, и перед историей. И разве не прав был М.Е.Салтыков-Щедрин, утверждавший следующее: «когда мы забываемся и начинаем мнить себя бессмертными, сколь освежительно действует на нас простое выражение: *memento mori!* (помни о смерти)»². Думается, что мысленное обращение к этому мудрому приветствию древних, актуально в любом возрасте, и чем раньше задумаются о смысле его люди, тем лучше и более наполненной и целеустремленной в желании приносить добро себе и ближним станет человеческая жизнь. Между тем, много ли мы знаем об этом великом таинстве; обычаях, связанных с различными способами захоронения покойников и выражающих отношение людей к умершим и смерти, а также о местах захоронений. Практически ничего, если не считать личного печального и всегда неожиданного опыта, связанного со смертью родных, близких людей и сослуживцев, а также необходимостью решения тех практических проблем, о которых в повседневной жизни не хочется думать в силу их трагизма, возвышенности и приземленности одновременно.

Попробуем, однако, бросить хотя бы беглый взгляд на наиболее значимые мировые

религии через призму того, что внушают они смертному человеку.

Самой оптимистичной из всех культур земного типа следует признать ислам. Мир представляется человеку ислама незыблемой твердыней, по отношению к которой нельзя ставить вопрос о каком-либо прогрессе, моральном совершенствовании и т.п. Исламский идеал упрощен в мере, обеспечивающей ему немедленную реализацию всего того, что связано с расширением материальных сил и наслаждения земными благами. Все это дано человеку богом, требующего от человека слепого повиновения. За это правоверному мусульманину заранее обещано место в рае, а потому уход в другую неземную жизнь для них должен быть совершенно не страшным, вполне естественным.

Китайская культура решает проблему ухода в мир иной также оптимистически спокойным образом. Собственно, ухода здесь нет. Для китайских мудрецов «смерти» в абсолютном смысле не существует. Для них как все появляется из небытия и возвращается в небытие, так и смерть – переход в жизнь, а жизнь переходит в смерть. Китайцы без боязни, с удовлетворением смотрят на смерть. Уходящий относится к смерти как к предстоящему далекому путешествию к людям, которых давно не видел, а остающееся нередко продают все, чтобы устроить пышные похороны родственнику.

Не умирает и человек индийского мироощущения. Ему уготована бесконечная цепь рождений в разных обличьях и телесных воплощениях. Но в отличие от китайского отношения к жизни и смерти индийское окрашено пессимизмом во всем, что касается жизни. Цепь рождений превращается в тяжелую цепь, в бремя, от которого необходимо освободиться. Жизнь в любом ее проявлении есть страдание; освобождение от жизни, абсолютная и окончательная смерть есть благо и если умирать, так умирать, превращаясь в ничто, сливаясь с великой пустотой, а это удел людей святых.

Что касается еврейской культуры с ее «глобальным пессимизмом» - неверием в потустороннее — и чрезвычайно обостренно отрицательным отношением к настоящему, то она делает весьма проблематичным и существование самого еврейского социума, свидетельством чему является вся напряженная мятежная история еврейского народа.

В христианской культуре этот глобальный пессимизм смягчается идеей Воскресения. Христианин получает надежду на спасение, но надежда эта не столь безусловна и беспроblemна, как в рассмотренных выше вариантах китайского и индийского мироощущения. По сути дела, европеец, умирая, уходит в неизвестное. Он не знает, наверное, что ждет его по ту сторону гроба, как будет оценена его жизнь на весах высшего суда, да и сам высший суд есть дело непосредственного будущего. И если жизнь есть приготовление к смерти и существованию после смерти, то и сам тот свет есть лишь приготовление к царству небесному, которое наступит после второго пришествия. Поэтому все существование человека европейской культуры есть напряженное ожидание, полное острого ощущения зависимости будущего от настоящего, что устроение настоящего может быть основой и залогом будущего. Уход человека из этой жизни воспринимается поэтому как горестное событие, как потеря.

Вся жизнь русского человека от рождения до смерти, день за днем, в будни и праздники осуществляется по незыблемым законам бытия, где все события и дела текли по руслу многовековых обычаев и традиций, высоких нравственных понятий, дававшим каждому человеку мироощущение, в силу которого он не просто работник, а действующее лицо священной истории торжественно несущее свое высокое предназначение.

Русский человек достаточно спокойно относится к смерти. Пример тому множество народных пословиц: «Не бойся смерти, бойся грехов!», «Бойся жить, умирать не бойся!», «Жить страшнее, чем умереть», «Меньше жить, меньше грешить», «Дай Бог умереть, да дай Бог покаяться!», «Смерть без покаяния - собачья смерть», «Земной быт не всему конец», «Смерть - душе простор», «Смерть злым, а добрым вечная память», «Злому смерть, а доброму – Воскресение».

Совершив это маленькое обозрение нескольких культур, вернемся к себе домой - и

сразу на поминки, переходящие в веселье и пьянку. Что говорят они покойнику? Что жаль его - много потерял несвоевременно ушедший, да, что греха таить, остающиеся в конце концов от этого только выигрывают. Вот - сослуживцы, подумывающие о вакансии, вот соседи по коммуналке, на время почтительно забывшие о мелочных склоках («нам-то хорошо, а ему каково!»), вот какие-то отдаленные знакомые, едва знавшие покойного, но довольные поводу выпить... В сочувственном отщеплении от всего этого остаются лишь самые «ближние» к ушедшему: для них смерть родного человека - удар и ущерб.

По мнению современного психолога Л.Седова, «ничто не дает такого богатого и доказательного материала об отношении к смерти, как эмпирическое исследование о судьбе кладбищ в нашем Отечестве в сопоставлении с судьбой мест захоронений в других регионах»³. Можно предполагать, что нигде не найдется столько забытых, разрушенных и перепаханных кладбищ сколько у нас восточных славян. Откуда у нас такое удивительное ощущение преимущества всякой жизни перед всякой смертью? Откуда берет начало наше мироощущение, достаточно метко охватываемое формулами: «Живи пока живется», или другой, обыденной - «Здесь и сейчас лучше, чем там и потом».

Так, наверное, сеют зерна...

Сквозь раздумья об уходе видятся разные похоронные обряды. На первых этапах развития человеческого общества мертвецов хоронили в ямах и пещерах. Это была известная форма заботы об умершем, связанная с зарождением религиозных представлений. Со временем вера в загробную жизнь породила у людей двойственное отношение к умершему: с одной стороны, заботясь о нем, его украшали, одевали в особый костюм, оставляли ему пищу, орудия труда, оружие, иногда и средства передвижения (сани, лодку, повозку и т.п.); с другой стороны, опасаясь покойника, старались его обезвредить и помешать его возвращению - труп иногда связывали в скорченном положении, выносили из жилища через специально сделанное отверстие. Кроме наиболее распространенного захоронения в землю с древних времен было известно сожжение трупов. У европейских народов после сожжения покойника прах погребался в землю; у некоторых народов Средней Азии - помещался в миниатюрные гробики, которые устанавливались в особых помещениях. В Индии и ныне сжигают трупы на кострах, а прах бросают в воду. А отдельные религиозные секты оставляли трупы на расклеивание птицам. Некоторые народы Океании клали умершего в лодку и спускали ее на воду. Австралийцы, индейцы Северной Америки, некоторые народы Сибири оставляли труп на воздухе (на деревьях, помостах). С появлением племенной знати культ предков перерос в культ умерших вождей, жрецов, царей. Вера в то, что душа будет существом пока сохраняется тело, породила обычай консервации трупа, т.е. мумификации или создание портретных изображений - погребальных масок, надгробных фигур. В честь умерших на могилах насыпали искусственные холмы-курганы, возводили пирамиды, строили заупокойные храмы, часовни. Для умиловливания духа умершего властителя ему приносили жертвы: убивали рабов и жен, закалывали скот, коней. Усопшего клали в лодку и обкладывали дровами, чтобы ярко горело. Так делали скифы, древние славяне и др. Над могилой устраивали поминальную трапезу, состязания и военные игры («тризна» у древних греков, германцев, славян и др. народов). Моряков во всем мире заворачивали в брезент, другую ткань и к свертку привязывали тяжелый предмет. У современных народов распространены как захоронения в землю, так и сожжение трупов – кремация⁴. Отношение к ней на протяжении веков менялось. С распространением христианства особенно в европейских странах, где оно стало преобладающей религией, сожжение трупов было запрещено, поскольку христианство считало его языческим способом погребения, противоречащим христианскому учению о загробной жизни и Воскресении

из мертвых. Лишь во второй половине XIX века в европейских странах вновь начали сжигать трупы в специально сконструированных печах. Преимущество этого способа погребения заключалось в полном и быстром уничтожении органических веществ трупа в строго гигиенических условиях. В СССР кремация была санкционирована специальным правительственным декретом от 7 декабря 1918 года. На протяжении XX века кремация получила распространение во многих странах мира. Прах после кремации помещают в погребальную урну, которую хранят в колумбариях (специальных помещениях при крематориях, на кладбищах), или хоронят в земле.

Всякое погребение, как бы оно не осуществлялось, самим фактом своего существования отвечает на основной вопрос философии, как нас учили в школе: что первично - материя или сознание? Ответ этот не однозначен, но ясно одно: тело человеческое хоронят не потому, что первично тело и не потому, что первично сознание. Точно также строители птицефабрики не решают вопроса: что было раньше - яйцо или курица; они знают, что яйцо и курица - это единство. Если мы оберегаем, храним останки человека, то нами движет убеждение, что тело и душа - единство, что материя, которую покинуло сознание, не есть все же только материя, как камень или дерево, она по-прежнему имеет некое иное качество и по-прежнему соотносена с сознанием. Даже кремация говорит о том же. Независимо от того, имеет ли она гигиенический смысл как в Москве, или мистический, как в античном Риме или Бомбее, она остается обрядом, действием, которого достойны останки человека и недостойны остатки застолья.

Кладбище хранит, конечно, материю - такую же, как кладбищенская земля, достаточно сослаться на знаменитые слова: «Земля еси и в землю пойдеши». Но кладбище все же знает, что человек - земля иного качества и оно хранит в себе надежду на бесконечность человеческого существования. Кладбище верит в вечную жизнь именно человека - не порознь его души и тела, оно подсознательно верит в то, что называется Воскресением, воссоединение души и тела, в возможность восстановления их единства.

Часть людей склонна полагать, что до Христа представление о Воскресении не было. На самом деле мысль о Воскресении из мертвых существует столько же, сколько люди хоронят людей, а они это делают, кажется, с тех пор, как слезли с деревьев. Читая сообщения археологов, можно подумать, что обезьяна стала человеком, «взяв в руки палку» только для того, чтобы вырыть могилу. Ведь похороны - это проявление отношения к смерти как к чему-то чуждому человеку, как к завоевателю, как к узам, поэтому похороны есть знак самоопределения человека в мире, знак, отличающий его от животного. И только Христос развязал эти узы, но Христос не был незванным гостем. Он пришел, потому что Его ждали. Вера в Воскресение предшествовала Воскресению. Христос даровал жизнь «сущим во гробех», и кто бы получил ее, не будь гробов, не будь оптимистического кладбищенского безмолвия. Никто не закапывает мусор так бережно, как закапывают труп, - так, наверное, сеют зерна...

Могила, в сущности, дом...

Только после Христа и только благодаря Ему, в христианском мировоззрении утвердилось положение о будущей жизни человека именно в теле. Даже в мелочах кладбища возглашают нерасторжимость тела и души. Могила, в сущности, дом. Пирамида фараона - дом, да и славянские курганы тоже напоминают дома. Дело не только в архитектурных формах, но и прежде всего в утвари, которой снабжали посмертное жилище и которая делала символический дом действительно домом, позднее в славянские христианские могилы перестали ложить посуду, ножи, украшения. Но в них появилось нечто, что еще более уподобило могилу дому, однако совершенно иначе: плоские каменные надгробия - походили на дверь. Это завершающий штрих, и не удивительно, что

посуда стала лишней. Дом без двери не выпускал хозяина. Надгробие – дверь - знак, что Воскресение есть не только надежда, но и опыт во Христе.

Христианство впервые увидело в смерти новое качество бытия, не продолжение жизни и не исчезновение жизни, а трагический итог греха, преодолеваемый с победой над грехом, более того, христианство узнало, кроме жизни и смерти, еще одно измерение: жизнь вечную после Воскресения и Страшного Суда. Эта вечная жизнь отличается от земной не протяженностью своей, а содержательностью: земная жизнь – жизнь суеты сует, а вечная - слава и исполнения личности.

Естественно, что христианская могила в средние века превращается в маленькую модель Голгофы. Напомним, что по преданию Церкви, под Голгофой, где распяли Христа, был похоронен Адам - отсюда изображение черепа под крестом в церковной символике. Смысл ее прост: над могилой первого человека, Адама, умирает «последний Адам» - Христос, открыл выход из могил для всех людей. И обычная деревенская могилка более других напоминает Голгофу: холмик над захоронением и крест на холме. Неудивительно, что «крестьянин»... от слова «христианин». И все же двускатная крыша над могильным крестом, достаточно типичная для большинства сельских кладбищ начала века, не только защищала от непогоды, вольно или невольно она напоминала крышу крестьянской хаты.

Символика могилы-дома благополучно существует и сегодня. На большинстве кладбищ холмы с крестами, надгробия-плиты и др. часто окружены металлическими или деревянными оградками с непременно скамейкой, напоминая нынешнюю крестьянскую усадьбу, с оградой же и непременно скамейкой у дома. Кажется и степень ухоженности одна и та же. И там и тут множество свидетельств нашего естественного беспорядка. В Прибалтике могилы непривычно для нас чисты и металлических оградок практически нет - все также, как на местных усадьбах.

Не говори с тоской: их нет...

Эпитафия - надпись на могильном камне - составная часть всякого надгробия. Для нашей культуры реальная эпитафия, т.е. та, что встречается на кладбище - явление заимствованное. Ведь для христианина, собственно, эпитафия хотя бы в виде имени, не нужна. Его могила при всей схожести с домом, все-таки более подобна камере хранения, «шифр» от которой ведает один Господь. Титулы и имена были уместны лишь на гробницах венценосцев (князей, царей) и высших представителей церковной иерархии, которые все имели власть от Бога, так что титулы их были не столько анкетными данными, сколько литургическими поименованиями. Человек бессмертен не потому, что его помнят люди, а потому, что его помнит Бог. Об усопшем молятся не «Помоги мне, Господи, помнить раба Твоего», а «Помяни, Господи...». Пока творец - художник или писатель помнит созданную им картину или книгу, ей ничего не грозит: в случае утраты он восстановит картину, напишет заново книгу, да еще улучшит, преобразив. Человека восстановит его Творец. Поэтому отсутствие имени на древнейших надгробиях – огорчение для историков и торжество для идеи Воскресения.

Как кладбищенский жанр эпитафия в России появилась во времена Петра Великого. После него эпитафия менялась как по форме, так и по содержанию. Сначала текст просто расширялся за счет фактических данных, так что иногда на надгробии указывали час и минуту кончины, продолжительность прожитых годов - с точностью до дня, называли имя святого, в день которого совершилась смерть. Всплеск поэтических и прозаических размышлений о смерти на надгробиях пришелся на сверкающий век Екатерины Великой, но он не затухал до конца XIX века. Лейтмотивом эпитафий стала мысль о суете, о посмертной пустоте; надежды на Воскресение звучали в том потоке как пустая вежливость, дань традиции.

При всей благочестивости эпитафий этого периода (с молитвами, цитатами из Библии) очевидной была суть: смерть перестала быть дверью в вечную жизнь, она стала обрывом. Могила отныне – разверстая пасть, поглощающая и бесследно переваривающая трупы. Надгробие из крыши дома или двери превращается просто в камень, на котором можно писать все, что угодно. Эпитафии XVIII - XIX веков нельзя назвать атеистическими по словам, но они таковы по сути своей – они обращены к людям, но не к Богу. Именно к людям обращены эти бесконечные «от неутешной жены», «от внуков и детей». Из камеры хранения могила становится предметом, вещью, принадлежащей семье покойного, в лучшем случае музеем, где показывает принадлежащие знаменитости останки, как показывают его кабинет или спальню. Во всяком случае, никто не думает, что знаменитости еще понадобится тело. Даже неловко молиться о прощении грехов того, кто удостоен покоиться под пышным надгробием с похвальной эпитафией. Да и зачем? Грехи прощаются, чтобы победить, а теперь, когда вечная жизнь аннулирована вместе с вечностью, долг памяти берут на себя живые - попытка столь же благородная, сколь безнадежная: «Кто ближним помогал, кто всех любил душою, того надгробие не зарастет травой», «Всего-то?»,- хочется спросить в ответ; и еще: «Неужели?». Чаще всего «напыщенная надпись» зовет не Бога, а прохожего, и зовет не молиться, а «вздыхнуть». Неожиданно странным для христианина выглядит частое употребление слова «непробудный» сон. О пробуждении в Воскресении забыто. И если тут упомянута «библейская мораль», то эта мораль дохристианская, мораль Ветхого Завета. Новый Завет учит не смерти, а Воскресению. Ветхозаветностью дышал Пушкин, томясь по Благой вести, но находя в себе лишь «любовь к родному пепелищу, любовь к родительским гробам». Ветхозаветная светлая печаль о мертвых непревзойденно выражена Жуковским:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: «Их нет»,
Но с благодарностью – «Были».

Слово «будут» из поэтического запаса исключено. И это уже в XIX веке.

Кладбища нашего времени воплощают в себе самые разнообразные подходы к жизни и смерти, к образу погребения, символике надгробий. Может быть потому так легко в последние десятилетия исчезали кладбища. Вероятно, таков удел большинства из них. Но нашим кладбищам - вот в чем трагедия - не дано умирать своей смертью: их либо уничтожают на глазах у детей и внуков умерших, либо возводят в ранг «престижных», чтобы через века люди дивились надгробием прочно забытых чиновников, деятелей культуры, орденоносцев. От новой кладбищенской философии хочется бежать. По-своему это сделал Константин Симонов, завещавший развеять свой прах над полями Смоленщины. Но это обряд для Востока, а для нас бегство от проблемы кладбища и могилы. Современный русский философ Яков Кротов, подводя итоги своим рассуждениям на скорбную и одновременно возвышенную тему, заметил: «Кладбища лежат, поджидая нас и каждый рано или поздно примкнет к той или иной философии кладбища»⁵.

Суть кладбищенского кризиса.

Существуют самые разнообразные типы кладбищ. В «Толковом словаре великорусского живого языка» Владимира Даля - кладбище (от слова «класть») как общее место погребения усопших, называется еще и так: кладовище, клабвище, погребалище, гробница, могилки, погост, жальник, божьянива, усыпалище, упокоище и т.д.⁶

В России кладбища создавались при монастырях, городских и сельских церквях. Покойников хоронили при каждой приходской церкви. Так, в Москве в конце XVII века

было более 300 мест погребения. Для иностранцев существовало особое «немецкое» кладбище. Усыпальницей московских князей и русских царей служил Архангельский собор Московского Кремля, русских императоров - Петропавловский Собор в Петербурге, высших иерархов русской православной церкви - Успенский собор в Москве. В 1758 году в Москве открылось первое городское кладбище. Одновременно делались усилия для организации похорон вне городской черты, но спустя десятилетия в связи с ростом городов, они все равно становились городскими.

В XVIII-XIX веках наряду с особыми привилегированными и городскими кладбищами появляются кладбища военные, морские, тюремные, раскольничьи, инфекционные и др. Связь государства с официально господствующей православной церковью определила необходимость существования кладбищ по религиозно-национальному признаку («армянские», «еврейские», «иноверческие», «лютеранские», «мусульманские», «татарские», «римско-католические», «польские» и т.д.). Как это не странно, но ни в одном из документов прошлого и настоящего нам не встречалось упоминание о «белорусских» кладбищах. Что лишний раз подтверждает тесную связь белорусского народа с Русью, с русской цивилизацией. Большинство белорусов покоится на русско-православных кладбищах и лишь незначительная их часть – на польско-католических и др. Ряд привилегированных кладбищ в конце XIX - начале XX веков превращается в своеобразные национально-исторические памятники. В создании кладбищенских надгробий и памятников участвовали виднейшие скульпторы той поры. Столичная «мода» на солидные и художественные надгробия быстро завоевывала и провинцию. Ее «достижения» нашли свое зримое воплощение на старейшем в Гродно Антоновом кладбище.

После революционных событий 1917 года декреты советской власти об отделении церкви от государства, о свободе вероисповеданий превратили кладбище из религиозного учреждения в гражданское, светское. На смену религиозным обрядам похорон пришли гражданские. Изменился вид надгробий, на них стали размещаться пятиконечные звезды, серп и молот и т.д. Эпитафии полностью потеряли религиозное содержание. Получили распространение захоронения участников военных действий и революционных событий в братских могилах, иногда с особыми почестями; стали создаваться, особенно после Великой Отечественной войны, своеобразные мемориальные сооружения; приобрели известность многие «элитные» кладбища-захоронения – у Кремлевской стены, далее Новодевичье, Кунцевское, Троекуровское....

Рост в советский период городов и их реконструкция во многом ускорили закрытие и частичную ликвидацию старых кладбищ. Были приняты новые правила сооружения мест захоронений с учетом современных санитарно-технических требований. Их стали располагать на расстоянии из менее 300 метров от жилых и общественных зданий. Участки под кладбище отводились из расчета 1,2 гектара на каждые 10 тысяч жителей, зеленые насаждения должны были составлять не менее 20 процентов всей их площади. Соблюдение предлагаемых санитарных правил должно было обеспечить «нормальное обезвреживание» и минерализацию трупов, исключить возможность превращения кладбищ в источники эпидемии или инфекционных болезней⁷. Однако правила правилами, а проблема кладбищ и на сегодняшний день остается достаточно острой.

Площадь кладбищ стремительно растет, земли постоянно не хватает. Кладбищенский кризис налицо. Но почему же нет кризиса в т.н. цивилизованных странах, почему его не было и в дореволюционной России? Ответ ясен. С отстранением Церкви от кладбищ был отброшен многовековой опыт кладбищенского дела, кладбища лишились хозяина. Между тем, кладбищенское дело ранее не только подкреплялось многовековым опытом практической деятельности, но и опиралось на фундаментальные научные исследования. Так, в конце XIX - начале XX века были проведены работы Федора Эрисмана и его учеников, обосновавших основные требования к свойству грунтов

кладбищ и давших научно-обоснованное определение кладбищенского периода для климатических и почвенных условий европейской части России протяженностью в 25-30 лет. Это означало, что по истечении этого периода (времени завершения процесса распада) возможно повторное захоронение в могилу. Эти выводы советские чиновники поняли весьма оригинально, почему-то оказалось необходимым по происшествию этого период строить на месте кладбищ танцплощадки, стадионы. Пошел массовый снос кладбищ и лишь отдельные сохранившиеся кладбища стали теперь элитными.

С передачей мест захоронений в руки специалистов коммунальных служб кладбищенское дело было централизовано - так удобнее надзирать. Кладбища стали гигантами. Человек вынужден теперь из своего кармана оплачивать не только стоимость похорон, а стоимость содержания чиновников. Если бы кладбища были небольшими, то меньшими были бы расходы по уходу за ними. При наличии же кладбищ-гигантов чиновники вынуждены сокращать кладбищенский период до 20-15 лет. Пренебрежение наукой, требованиями к свойству грунта (легкий, сухой, воздухопроницаемый) приводят к тому, что процессы распада резко замедляются, а это может привести со временем к неприятным экологическим последствиям.

Положение с кладбищенским делом привлекло внимание Святейшего Патриарха Алексия II. В мае 1991 года Патриарх благословил создание Православного похоронного центра (ППЦ). Благодаря его усилиям, к исследованию похоронного дела были привлечены ученые Российской Академии Науки (РАН) во главе с академиком М.Я.Лемешевым. В результате проведенной работы центр признал, что кладбищенское дело в стране развивается по ошибочному пути, экологически безграмотно и безнравственно. Этот вывод был подтвержден решением Комитета по экологии Госдумы России от 14 апреля 1994 года.

В процессе работы Православного похоронного центра над изучением опыта в этом деле западных стран было установлено, что у них санитарные нормы погребений практически совпадают с прежними российскими, т.е. дореволюционными. От 70 до 90 процентов всех кладбищ являются негосударственными предприятиями. Все кладбища - объекты историко-культурного значения (в России - культурно-исповедального). «Там» нигде нет огромных кладбищ. Зато есть десятки вузов для подготовки специалистов похоронного дела. «Там» без специальной и основательной подготовки и близко не допустят ко всему, что связано с уходом человека в мир иной⁸.

Ответ на вопрос «Что нам делать?» дан в вышедшей в 1995 года в Москве под эгидой ППЦ небольшой книги «Начала теории Православного кладбищенского хозяйствования». Несмотря на малый тираж и объем, эта книга, несомненно, займет особое место в кладбищенском деле. Прежде всего, в ней применен современный математический аппарат для описания работы кладбища. Показано, что при соблюдении ряда условий площадь кладбищ остается постоянной. Показано, что причины «кризиса» - непонимание механизма работы кладбища. Наконец, получены рабочие формулы, описывающие основные параметры кладбищ, в том числе и параметры семейных участков, позволяющих «обслуживать» неопределенно долго конкретную семью⁹. Одним из показателей высокого уровня книги явилось то, что представители американских похоронных фирм во время презентации этого труда изъявили желание приобрести на нее права, в чем им мягко было отказано. Но не в этом дело. Крайне важно подчеркнуть, что впервые ученые РАН выполнили цикл работ совместно с Православной Церковью. Для практических работников - это руководство для грамотного составления устава кладбища, ибо устав этот будет экологически обоснован и поддержан авторитетом науки и церкви. Важно также отметить, что российское законодательство не запрещает создавать негосударственные кладбища. Такие кладбища уже появились в России. Тенденции подобного рода характерны и для Беларуси. Нужно ясно осознать: кладбище - объект не для сиюминутных потребностей, а объект, которым будут пользоваться и наши далекие

ПОТОМКИ.

Нужна ли обществу история кладбищ?

Как-то выступая перед учителями истории Гродненщины (преимущественно из сельских школ) на тему воспитания историей в целом и история края в частности, я совершенно искренне высказал им свое пожелание: взять и попробовать провести школьный урок, причем - первой урок по истории - не в классе, не в музее, не у памятника героям последней войны (как это традиционно было принято), а у церкви, на скромном сельском погосте или городском коммунальном кладбище. Ведь на этих скорбных местах лежит большая часть наших предков, тех, кто в разные годы жил, трудился, воевал, в радостях, муках и сомнениях создавал возможность нашего сегодняшнего земного бытия. Разве увидев знакомые и где-то позабытые имена на надгробиях, не задумаются наши дети и внуки о цене и смысле жизни, о преемственности поколений, о своей ответственности за все происходящее на свете и рядом с собой. Места захоронений многому учат, ибо они содержат в своем внешнем облике и материальном состоянии массу информации об историческом прошлом края. Причем, не только в области социальной экономической, политической, культурной, конфессиональной, национальной, ни и житейско-бытовой. Кладбище в определенном смысле есть слепок со всего многообразия жизни нашего народа. По одним только надгробиям можно узнать какая власть, какая идеология господствовали в стране, как жили и о чем мечтали те, кто покоятся в ней земле. Помните, красные тумбочки со звездочками? Сегодня вы их почти не увидите, взамен их на наших городских коммунальных кладбищах – преобладание православных крестов, затем идут католические и, наконец, могилы просто без крестов.

Сказанное мною о воспитательной и образовательной роли кладбищ, как и следовало ожидать, у большинства присутствующих вызвала улыбку, недоумение и лишь у некоторых сочувствие и понимание. Причины такой реакции достаточно понятны: десятилетия формирования прежними партийно-государственными структурами негативного отношения людей ко всему тому, что связано с религией и Церковью еще долго будет давать о себе знать не только в силу естественной инерции мышления, но и полного отсутствия представлений у учителей о такой специальной отрасли исторических знаний как церковное краеведение. Одной из задач которого, помимо изучения истории монастырей, церквей, святых икон и т.д., является повышенное внимание к местам упокоения христиан. Убежден, что знание истории этих святых мест необходимо и учителю, и священнику, и каждому из нас.

Следует заметить, что в Западной Белоруссии в 20-30-е годы польские власти придавали этой проблеме большее значение. Под эгидой министерства образования в помощь учителям в Вильно и Гродно издавались методические пособия, в которых можно было найти описание всех католических святынь, включая старинные кладбища. Серьезные достижения в этой области имеются и в современной Польше. Многого делалось для развития церковного православного краеведения в Белоруссии и в дореволюционное время. Большой вклад в его разрытие внес наш земляк-гроднец профессор Петербургской Духовной Академии, известный историк, публицист и общественный деятель М.О.Коялович (1828-1891). Успешно занимались изучением православных святынь его многочисленные ученики (П.Н.Жукович, Ю.Ф.Крачковский, В.З.Завитневич, О.В.Щербицкий, И.А.Котович, Н.Р.Диковский, К.В.Харлампович, братья Киприановичи, Будиловичи и др.). Значительное влияние М.О.Кояловича испытали на себе такие историки и краеведы Белоруссии как Г.И.Шавельский, Е.Ф.Орловский, И.В.Корчинский, Л.С.Паевский, А.В.Ярушевич, Л.М.Солоневич, Н.А.Червяковский и др.

Большинства из них осуществляло свою теоретическую и практическую работу в лоне тогдашних православных братств. В начале XX века центрами изучения церковной истории в Белоруссии стали епархиальные церковно-археологические комитеты. Вместе с братствами они много делали для создания описи старейших кладбищ. В дореволюционные годы над выявлением и описанием захоронений трудились и профессиональные ученые и духовные лица, и служащие губернских статистических комитетов. Результаты их работы публиковались в различных научных архивных изданиях, выходили отдельными книгами. В 1908 году по всем епархиам был разослан указ Священного Синода о представлении списков лиц, погребенных в церквах и на кладбищах, с полным обозначением надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян, купцов и представителей других сословий. К 1912 году такие списки были получены. После издания ряда справочных трудов, содержащих сведения о лицах, захороненных на наиболее известных кладбищах Российской империи (Саитов В.И.; Модзалевский Б. Л. Московский некрополь, т. 1-3, 1907-1908; Саитов В.И. Петербургский некрополь, т. 1-4, 1912-1913) встала задача создания единого сводного некрополя российских провинций. В 1914 году увидел свет первый том такого издания (Шереметевский В.В. Русский провинциальный некрополь), но с началом Первой мировой войны его дальнейшее издание было затруднено, а после революции вообще оказалось невозможным. Научные изыскания и публикации в этой области были прекращены. Накопленный в лоне церковного краеведения оказался ненужным. Непоправимый урон понесли и старейшие православные кладбища Гродненщины¹⁰. Однако отдельные ученые – подвижники, не имея никакой надежды увидеть при жизни свои работы обнародованными, продолжали начатое дело. К ним принадлежал и московский историк Н.П. Чулков (1870-1940), один из участников трудов по составлению русского провинциального некрополя под руководством В.В. Шереметевского. После смерти Чулкова в его фонде было обнаружено немало уникальных документов, но наиболее ценной была признана хранящаяся у него картотека. Ее изучение дает основание считать, что это ничто иное как материалы для последующих томов вышеупомянутого издания. Сравнительно недавно картотека, найденная в архиве Чулкова, была опубликована в альманахе «Река времен» (Москва, т.4, 1996). Тем самым была продолжена благородная традиция составления книг памяти и истории захоронений. Первые шаги в этом отношении сделаны сегодня и на Гродненщине. В 1999 году гродненский историк Ю. Гордеев (совместно с польским исследователем Я. Розмусом) опубликовал в Кракове труд, посвященный старейшему в Гродно католическому кладбищу. Годом позже историк и краевед Н. Гайба издал в Минске свою работу о кладбищах и захоронениях в Новогрудке. И, наконец, подошла очередь стать объектом исследования православным захоронения и кладбищам древнего Гродно. Искренне надеемся, что настоящая книга так же послужит не только делу возрождения утраченной историко-культурной и научной традиции, но и целям духовно-нравственным, ибо сегодня, когда стремительно исчезают многие места захоронения наших православных предков, это едва ли не единственная возможность зафиксировать факт их пребывания на нашей земле.

ГЛАВА I. ПРАВОСЛАВНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ И КЛАДБИЩА ДРЕВНЕГО ГРОДНО.

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей,
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.*

Г.Р.Державин

О древних гродненских кладбищах известно крайне мало. Определенно ясно лишь одно: как только здесь (при впадении Городничанки в Неман) возникло поселение людей, жители, его, естественно, начали заботиться о захоронении останков своих сородичей, вкладывая в этот обряд все богатство своих еще скромных познаний. Между тем, до сих пор исторической науке не известно ни одного захоронения дохристианской эпохи на территории Гродно. С крещением же Руси и появлением в пределах Гродненского княжества многочисленных православных церквей и монастырей, покойников стали хоронить в церквях рядом с княжеской резиденцией или при каждой приходской церкви. Во время археологических раскопок на Замковой горе в 1930-е годы польским археологом З.Дурчевским были обнаружены останки нескольких покойников, похороненных около так называемой Нижней церкви, одной из древнейших церквей (XII века), находившейся на территории гродненской крепости. Эти захоронения по времени были отнесены к XII – XIII векам, а точнее к тому периоду осады города, когда умерших или погибших приходилось погребать на территории княжеского замка (крепости). Таких погребений (головой на запад) было обнаружено в 30-е годы несколько. В слое на глубине чуть более 7 метров был, в частности, обнаружен гробик с останками скелета ребенка, датированного серединой XIII века. Расположение покойников головой на запад было связано с тем, что алтарная часть храма, к которой всегда были обращены взоры молящихся традиционно находилась на востоке, а покойникам алтарь заменял крест, который по древнему православному обычаю ставили в ногах.

Погребения такого же типа, связанные с неоднократными нападениями немецких рыцарей на Гродно, были обнаружены известным местным археологом Ю.Иодковским в 30-е годы при раскопках им в древнейшем гродненском храме XII века – Каложской или Борисо-Глебской церкви. По его мнению, этот заброшенный и запустевший православный храм в XIII веке стал местом захоронения покойников, о чем свидетельствует обнаруженное внутри церкви, под полом, погребение головой на запад с плоским бронзовым браслетом. За многовековую жизнь вокруг древнего храма отложился значительный (до 1,5 метра) культурный слой, нарастание которого усиливалось тем, что около апсид и северной стены храма в XII-XIX веках производились одиночные захоронения людей. При археологических работах 1935 года Иодковским при апсиде жертвенника было вскрыто погребение XII века опять-таки головой на запад, рядом находилось множество погребений позднейшего времени (вплоть до середины XIX века), нарушавших изучение более ранних захоронений своим хаотичным расположением.

Раскопки, проводимые в 1949 году на Замковой горе выдающимся советским археологом Н.Н.Ворониным, выявили поразительное сходство материалов XI-XIII веков с находками в слоях XIII-XIV веков, что свидетельствовало о прочности старых традиций русского города и в так называемый литовский период его истории. Эти традиции, по

мнению ученого, упрочивались еще и тем, что население гродненской крепости длительное время вело героическую борьбу с нашествиями немецких рыцарей. В то время как на территории крепости в результате вражеских осад выгорали, а затем вновь отстраивались деревянные строения и уровень поверхности быстро поднимался, в центре этой застройки по-прежнему возвышались руины стен Нижней церкви, все больше «враставшие в землю». Это сохранение руин на протяжении полутора столетий в условиях маленькой крепости, продолжавшей жить и бороться с врагами, для Н.Н.Воронина было непонятным. Ведь руины, полагал он, могли быть использованы на бытовые и строительные нужды, в результате чего стены могли быстро исчезнуть, однако, этого не случилось. Как показали раскопки руин, причина уважительного отношения к ним со стороны населения крепости состояла в том, что внутри этих стен очень рано начались захоронения людей, и они, эти стены стали своеобразной «оградой» маленького привилегированного кладбища.

Над северным нефом Нижней церкви (т.е. частью помещения, ограниченной с двух сторон колоннами или столбами), в щелчке ее обвала на глубине около 6 метров было обнаружено наиболее раннее погребение девочки 9-10 лет. Голова - на запад, руки скрещены на поясице. На черепе, руках, плечах и кисти правой руки были найдены стеклянные, керамические или медные окислы. В нижней части грудной клетки - крошечный кусочек медного украшения (?). Все украшения относились к древностям Черной Руси не позже XIII века. Положение рук, скрещенных, а не вытянутых, указывало на то, что погребение это христианское (православное). Следов гроба не было. Рядом было другое детское захоронение, кости ребенка были совершенно раздавлены, череп расколот. Скелет лежал также головой на запад. Следов гроба и каких-либо вещей при нем обнаружено не было.

Кроме описанных погребений, открытых в 1939 году, в руинах Нижней церкви над западным нефом И.Иодковским было обнаружено погребение мальчика-подростка. Там же - два черенковых ножа, один из них был в кожаных ножнах, украшенных орнаментом и имевших бронзовое колечко для прикрепления к поясу. На пальце руки был бронзовый спиральный перстенок. На груди был изящный восьмиконечный крест-нательник, искусно сделанный из серого мрамора. Другое погребение, обнаруженное З.Дурчевским над алтарем Нижней церкви и одновременно «под фундаментом» Верхней церкви - памятника XIV-XV веков, было в ходе раскопок нечаянно повреждено. Скелет лежал головой на запад, со скрещенными на животе руками, на нем были «златотканые пояса» шириной 6-7 см. Судя по вещам, сопровождавшим эти и другие погребения, кладбище в руинах Нижней церкви было своеобразной усыпальницей гродненской знати XIII-XIV веков.

Изучению этого древнего кладбища в полном объеме мешала расположенная над руинами Нижней церкви Верхняя церковь, которая представляла собой остатки небольшого квадратного храма с одной апсидой (т.е. полукруглым выступом здания), точно так же, как и Нижняя очень точно сориентированная по сторонам света - апсидой на восток. На уровне 4-5 метров под юго-восточным углом Верхней церкви было обнаружено крайне разрушенное прямоугольное сооружение из тонкого кирпича на известке с глиной, являвшееся, как выяснилось, надгробным памятником знатному по происхождению мужчине 45-50 лет, очень мощного телосложения, ростом 182-183 см. Погребенный был положен без гроба, непосредственно на дно могилы, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, кисть правой руки заходит под бедренную кость, кисть левой - в области таза. Справа от черепа были прослежены обрывки истлевшего позумента под затылочной костью - фрагменты орнаментированной ткани. Это золотая лента (от повязки) длиной 31,5 см и шириной 3 см, сохранившая расшивку мелким жемчугом и вызолоченным мелким бисером. Справа и слева от черепа в области уха - обломки ажурных филигранных подвесок-серег. В области ключицы - обломки двух металлических подвесок или нашивок. На пальце левой руки - золотой перстень с

неграненым красным камнем, гнездо которого держат по сторонам львиные головы. Лицо погребенного относительно тонкое, с узким носом. Нижняя челюсть небольшая, отмечен значительный кариоз зубов. Костяк принадлежал европеоиду.

Под северо-восточным углом Верхней церкви на уровне около 5 метров экспедицией Н.Н. Воронина было расчищено погребение также в яме, вырытой в щебне. Костяк принадлежал молодому мужчине не старше 25 лет, погибшему в бою. Череп круглый, лицо тонкое, с высоко выступающим носом, нижняя челюсть небольшая, четкого рисунка, с выступающим подбородком. На черепе видны следы ударов, нанесенных тонко вибрирующим клинком, вероятно, саблей. Один удар рассек правую теменную кость, второй удар клинка пришелся по лицу, по открытому рту, на нижней челюсти оказались срублены все зубы, а на верхней - три коренных зуба левой стороны; от удара пострадал венечный и суставной отростки нижней челюсти. Положение костяка, опять таки – головой на запад, руки вдоль туловища; труп был положен, видимо, также без гроба. Оба погребения были датированы XIII – XIV веком.

К западу от Верхней церкви в 1930-е годы было вскрыто около 30 скелетов. По мнению И.Иодковского, здесь располагалось кладбище. З.Дурчевский считал, что это не погребения, а остатки защитников крепости, погибших во время одной из осад города в конце XIV века (один из скелетов сохранил впившуюся в кость стрелу арбалета) и наспех захороненных на месте кончины. Н.Н.Воронин был близок к точке зрения И.Иодковского, относя к этому кладбищу и погребения, случайно уцелевшее в осыпи с юга от остатка ограды Верхней церкви. Костяк принадлежал женщине 32 - 35 лет, ростом не менее 175 см. Череп ярко выраженного европейского типа. Ряд погребений был обнаружен и к западу от Верхней церкви на глубине 5-6 метров.

Основной вывод, который можно сделать из анализа обнаруженных погребений на Замковой горе, следующий: Гродно - это город-крепость, сохранивший в трудных условиях пограничья тесные духовные связи с остальной Русью, в особенности с Поднепровьем и Волынью. Приверженность к Православию находит свое отражение в погребальной обрядности, а также в следовании традициям предков - хоронить своих сородичей у стен храмов. Особенно характерно в этом смысле сохранение длительное время руин Нижней Церкви, избираемых как священное место для усыпальницы гродненской знати XIV века, а затем и постройка здесь Верхней церкви, использующей приемы архитектуры Гродно XII века. Места захоронений у ее стен есть также дань древней православной традиции¹¹.

За пределами Замковой горы самым древним и большим местом погребений, как уже упоминалось, было кладбище у стен Борисо-Глебской Каложской церкви. После ее упадка в течение XVI – XVII веков выборочные захоронения осуществлялись и в самой церкви. Об этих погребениях есть упоминания почти во всех работах, посвященных истории храма. Наиболее подробно написал о них в своем труде «Гродненский православно-церковный календарь или Православие в Брестско-Гродненской земле в конце XIX века» (Воронеж, 1899) епископ Иосиф (Соколов). Он, в частности, сообщает о том, что при описании состояния Каложской церкви в 1864 году было зафиксировано следующее: «У левого клироса - вход в склеп-усыпальницу под каменным плитным помостом. Между помостом – надгробная плита супруги князя Михаила Васильевича Голицына, княжны Анны Александровны Голицыной, урожденной Головиной, преставившейся в 1784 году. Возле первого от алтаря столба, по правую руку погребен важный благотворитель Коложи - Коложского монастыря, ныне Гродненского Борисо-Глебского, королевский писарь и Трокский городничий, благочестивый Богуш-Богувитинович, возобновивший в свое время Борисо-Глебскую церковь, остававшуюся в течение нескольких десятков лет в запустении, записью 1506 года 20 июня пожертвовавший монастырю свое сельцо Чашевичи-Чешевляны, утвержденное за монастырем королевской грамотей, составляющее досель лучшее из имений монастыря,

доставляющее ему из имений монастыря наиболее выгоднейшую статью дохода и содержания, в 7 верстах от г. Гродно, скончавшийся в 1513 году»¹².

Почти дублируют названную информацию и последующие исследователи этого памятника. В 60-е годы XIX века Всеволод Крестовский в своем историческом романе «Кровавый пуф» так выразил свои впечатления от пребывания в стенах древнего храма: «У ног чернел полузаваленный сход в церковные склепы. Там и сям валялась несколько надмогильных плит. Стершиеся надписи на них с трудом можно было разобрать. На одной виднелось имя какой-то Голицыной, на другой высеченное по-латыни имя Лизогуба»¹³. Вероятно, от древности надписи на надгробных плитах действительно было трудно прочесть, ибо спустя полвека Е.Ф.Орловский последнюю фамилию прочитал в отличие от Крестовского совсем по-иному: «У левого клироса - вход в склеп-усыпальницу под каменным помостом. Имеются следы надписи на могильной плите супруги князя Михаила Васильевича Голицына - Анны Александровны, урожденной Головиной (+1784), а также сохранились надписи на другой плите – «Семен Лизоник» (+1734)¹⁴.

Сегодня практически невозможно разрешить существующее противоречие в прочтении упомянутой фамилии (Лизогуб или Лизоник), впрочем как и вообще обозреть упомянутые выше надгробия. Часть из них была уничтожена во времена неудавшихся попыток восстановления храма (XVII – XVIII века). Другие же плиты с надписями XVI и XVII веков – в результате восстановительных работ после обрушения церкви в Неман в 1853 году, по свидетельству очевидцев - современников этой трагедии, долго еще лежали на берегу реки, удивляя гродненцев своей древностью. Значительная часть надгробий была повреждена в конце XIX - начале XX веков.

Об упокоившихся в стенах Каложского храма известно немного. Наиболее полную информации об Богуше Боговитиновиче можно почерпнуть из «Инвентаря Гродненского Коложского монастыря», составленного в 1738 году бывшим архимандритом этого монастыря Игнатием Кульчинским. Автор называет Боговитиновича первым среди тех, кто надеялся восстановить древнейшую гродненскую святыню. Описывая ее ремонт, начатый в начале XVI века, по инициативе королевского писаря и Трокского городничего, Игнатий Кульчинский отмечал: «сей пан..., видя Коложскую церковь очень разрушенной..., прежде всего восстановил разрушенные стены и сделал на церкви крышу, а затем и внутри украсил дом Божий с должной пышностью...»¹⁵. Вид храма после его восстановления хорошо представлен на гравюре Матвея Цюнда (1568-1572), где храм изображен с юго-восточной стороны, именно той, которая в результате обвала 1853 года рухнула в сторону Немана, еще раньше эта же печальная участь постигла изображенное на гравюре древнее кладбище (помеченное М.Цюндом крестом). В 1857 году у основания западной стены храма еще находился камень с надписью: «Положен раб Божий Елизар лета от сотворения мира 6 998 (1490 г. - В.Ч.)», однако в последующие годы упоминаний о нем не было.

Что касается погребений в самом храме, то главными из них были: 1) большая кирпичная крипта (часовня под алтарем храма) Богуша Боговитиновича в северном нефе, использованная позже для погребения княгини Анны Головиной-Голицыной; 2) погребение в главной апсиде (вероятно, XIII в.); 3) погребение в среднем нефе около фундамента головой на запад с ожерельем из многогранных синих бус с золотистыми прожилками; 4) погребение меж северными подкупольными столбами в склепе (вероятно, середина XVIII века)¹⁶.

Что касается могилы, упоминаемой княгини, то в начале следует заметить, что это не первое захоронение представителей этого знатного рода на гродненской земле. Как сообщает Е.Ф.Орловский, в 1619 году в Гродно проездом из Мариенбурга в Москву, скончался князь Василий Васильевич Голицын, пробывший 9 лет в польском плену¹⁷. Во время междуцарствия он был отправлен в качестве посла вместе с митрополитом ростовским - впоследствии патриархом Филаретом (Романовым) - в стан к королю

Сигизмунду III просить сына его Владислава на московский престол. Сигизмунд сам хотел завладеть Русским государством и требовал от послов земской думы безусловного покорства, встретив же сопротивление незаконным требованиям своим, заключил участников посольства в темницу. После Деулинского перемирия (1618 года) между Русским государством и Речью Посполитой был произведен обмен пленными, в результате которого в Москву вернулся находившийся в плену отец царя Михаила Романова патриарх Филарет и ряд других послов. Но князя Василия Голицына с ними уже не было. Информация Е.Ф. Орловского при всей ее скупости (как и при каких обстоятельствах скончался в Гродно князь, где похоронен и т.д.?) чрезвычайно важна тем, что в «Истории родов русского дворянства» (составитель П.Н. Петров СПб, 1886; М., 1991) указывается, что князь Василий Голицын скончался в темнице 25 января 1619 года¹⁸. Думается, что слово «темница» в данном случае означает скорее «неволю», «чужбину», чем реальное место смерти.

Какими судьбами оказалась в Гродно княгиня Анна Головина-Голицына ответить определенно достаточно сложно, в связи с отсутствием источников на эту тему. Поэтому обратимся к ответу на этот вопрос лишь в общем контексте. Когда в 1756 году началась Семилетняя война, во время которой коалиция государств в составе Франции, Австрии и России нанесла Пруссии сокрушительные удары Речь Посполитая вследствие своей внутренней слабости и политической разрухи уже не была в состоянии выступить против своего старого врага - Пруссии. В ходе войны Россия добивалась того, чтобы в Речи Посполитой, через которую проходили русские войска, были организованы базы снабжений - провиантские и другие склады. Правительственный совет при императрице Елизавете вынес в связи с этим такое решение: «Польшу исподволь приготавливать, чтобы она проходу русских войск для атакования Пруссии не только не препятствовала, но паче на то охотно смотрела». Следует заметить, что население Речи Посполитой встречало русскую армию как армию дружественной державы. В русской армии служило немало уроженцев здешних мест, причем некоторые из них занимали высокие должности (генерал-майор Древский, генерал-лейтенант Любомирский и др.), а Август Сулковский участвовал в формировании отрядов добровольцев, которые участвовали в боях против Пруссии на стороне коалиции.

Командование русских войск аккуратно расплачивалось за провиант и фураж, доставляемые помещиками на русские провиантские склады. Для ликвидации возможных недоразумений и упорядочения снабжения были созданы специальные смешанные русско-польские комиссии в городах Торунь и Гродно¹⁹. Вероятно, что по протекции генерал-поручика Александра Михайловича Голицына (1715-1783) сюда, в Гродно, для работы именно в такой комиссии и был направлен находившийся на излечении после ранения капитан Семеновского гвардейского полка Михаил Васильевич Голицын (родился 10 января 1729 года - умер в 1783 году). На новое место службы князь Михаил Голицын приехал с женой Анной Александровной (в девичестве Головиной, родившейся в 1732 году). В год окончания войны бездетный князь Михаил скончался (ни обстоятельства смерти, ни место погребения нам не известны), супруга же его осталась в полюбившемся ей городе. Здесь в возрасте 54-х лет она отошла в мир иной²⁰. Женщиной она была набожной, а потому вместе со знатностью происхождения это было достаточно весомым основанием для погребения ее в крипте Борисо-Глебской церкви. Во время многочисленных попыток восстановления святыни, а также археологических изысканий внутри храма останки погребенных здесь в разные сроки лиц были изъяты, а затем бесследно затеряны.

Со слов епископа Иосифа (Соколова), еще в 1864 году в полуоткрытой усыпальнице храма виделось множество человеческих костей... «Но чьи они, - полагал он, - уже не узнать и не отыскать. Колоротными волнами быстротекущего Немана много унесено бесследно и безвозвратно... На теперешней при церковной к северо-востоку от

церкви площадке тоже довольно большое количество могильных горбков, на некоторых из них есть плиты, камни, совершенно вросшие в землю и ею почти закрытые. Это тоже места упокоения останков уже совсем неведомых лиц, может быть именитых в свое время особых, блюстителей во оные далекие времена Православия и Руси... Но каких покойников эти камни, плиты, горбки - не узнать никому, никак, никогда. Как ни грустно сие, но действительность наличная такова»²¹.

Справедливые сетования и печаль владыки Иосифа еще более уместны к местам захоронений гродненцев у других православных храмов. К концу XV - началу XVI столетий в Гродно существовали три православные церкви (Борисо-Глебская XII века, Воскресенская каменная, находившаяся на горе напротив старого замка и на месте Нового (XIII-начало XIV века); Пречистенская соборная - на ее месте находился православный женский монастырь (середина XIV- начало XV века) - и один костел (фара Витовта). К середине XVI века к ним прибавились - Троицкая церковь, находившаяся на Троицкой улице неподалеку от здания городской управы (1910 год), а ныне - угол Большой Троицкой. При каждой из названных церквей имелись небольшие привилегированные кладбища. Как правило, на них находили упокоение знатные прихожане, представители духовенства и фундаторы. Так, в 1626 году староста Ярош Волович завещал Пречистенской церкви несколько крестьянских дворов с 16 душами мужского пола. Пожертвование это было сделано Воловичем в память о его матери (из рода Мелешко, известных фундаторов Жировицкого монастыря), которая была похоронена «под великими воротами» Пречистенской соборной церкви. О других захоронениях здесь мало что известно, за исключением упоминаний о том, что при постройке здания нового храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы (взамен сгоревшей в 40-х годах XVII века соборной церкви) строители находили на ее месте много человеческих костей. К этому времени и Воскресенская церковь поменяла свое место. Кладбище же при нем было уничтожено в ходе строительства Нового замка. Определить место, куда была перенесена Воскресенская церковь, с точностью до реального сегодня уже невозможно. Во всяком случае Е.Ф.Орловский полагал, что она находилась «близ угла Полицейской улицы и Банковой на месте нынешнего дома Баумгартена» (сегодня это пересечение улицы Кирова и Социалистической.- В.Ч.). Здесь при Воскресенской церкви также со временем сформировалось достаточно большое православное кладбище. Доказательством тому было то, что при постройке дома Баумгартена, рабочие, копавшие землю для его фундамента, находили много человеческих костей. Точно также при устройстве фундаментов на всем пространстве между улицами Полицейскою, Купеческою и Банковой находят очень много костей (например, при постройке дома Анцелевича найдено и отвезено на кладбище 2 или 3 воза их)»²².

Во второй половине XVI века в Гродно к пяти существовавшим церквям добавились - церковь св.Никола на Городнице, на месте архиерейского дома (середина XIX - начало XX века) и Симеоновская церковь на Купеческой улице (ныне ул.К.Маркса), «позади дома Софийского собора».

В середине XVIII века каких бы то ни было упоминаний о Семеновской церкви не имеется, однако можно полагать, что в ограде ее продолжались захоронения прихожан. Церкви св.Никола уже к 1736 году не существовало, так как еще в 1681 году место, на котором она находилась, отошло во владение короля, т.е. к замковой юрисдикции, а в 1736 году на ее месте оставался лишь крест и кладбище. Во время строительства дворца графа Валицкого кладбище значительно пострадало, но даже и после того, как в графском доме обосновалась резиденция местного православного архиерея (середина XIX века), отдельные надгробия в ее пределах еще сохранялись²³. Теперь на месте, где находилась Гродненская духовная консистория, размещается одна из кафедр местного медицинского университета. В 1993 году часть помещений т.н. архиерейского дома была передана возрожденной Гродненской епархии.

В конце XVIII века, вместе с вхождением Принеманского края в состав Российской империи и образованием в 1801-1802 годах Гродненской губернии, в городе начинает формироваться православное кладбище, вынесенное за пределы центральной части города. Отдавая дань традиции приходских православных кладбищ, новое православное кладбище (в конце современной улицы Антонова) было отдано под попечительство Гродненского Софийского православного собора. Основанием для такого рода решения было, вероятно, и то, что у подошвы этого кладбища, вдоль всего берега Немана (в продолжение нынешней Подольной улицы находились две православные церкви с «могилками». На одной из старинных гравюр с изображением Гродно в 1593 году²⁴ первая из них (название не установлено) размещалась в районе современной водной спасательной станции, другая (Крестовоздвиженская церковь) располагалась чуть поодаль, а за нынешним железнодорожным мостом, как раз по низу нынешнего старинного православного кладбища находилась кладбищенская часовня, принадлежавшая Пречистенской соборной церкви. В начале XIX века этой часовни уже не существовало, а ставшая соборной Софийская церковь взяла на себя обязанность бывлой Пречистенской церкви попечительствовать над могилами усопших.

ГЛАВА II. ГРОДНЕНСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ КЛАДБИЩА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам
В них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека,
Залог Величия его*

А.С. Пушкин

Православное кладбище (улица Антонова, ранее Иерусалимская)¹

Письменных свидетельств о времени основания старейшего православного кладбища в городе над Неманом исследователи пока не имеют. Однако, если судить по хронологии проводившихся здесь захоронений, то имеются достаточно убедительные основания считать началом его истории конец XVIII столетия. Одним из подтверждений этому могут быть сохранившиеся до настоящего времени надгробия в форме округлых или квадратных обелисков-колонн, изготовленных из кирпича, скрепленного известью с глиной. Вероятно, одни из них были отштукатурены изначально, на другие штукатурка наносилась спустя годы с целью консервации, третьи и сегодня стоят во всей своей кирпичной наготе. Такие же по времени и архитектуре надгробия имеются и на соседнем католическом фарном кладбище, основанном в 1792 году²⁵.

Датировку самых старых из обелисков-колонн затрудняет отсутствие у их основания специальных плит со сведениями об упокоившихся. Вывороченные из своих ниш, а затем варварски уничтоженные, они не оставляют никаких надежд на их прочтение. Сегодня в Гродно, пожалуй, не найдется уже ни одного человека, кто бы знал, кому поставлены эти необычные памятники, увенчанные кованными крестами. Отдельные городские старожилы свидетельствуют, что еще в 1930-е годы некоторые из сохранившихся колонн (сегодня их семь) люди называли "суворовскими столпами", тем самым давая понять, что под ними покоятся воины, участвовавшие вместе с А.В.Суворовым в усмирении польского восстания 1794 года во главе с Тадеушем Костюшко. Другие высказывали версию о том, что под одним из этих «столпов» лежат воины, павшие в период подавления восстаний 1830-гг и даже 1863 годов. Сторонники этой точки зрения, не отрицая легенды о «суворовских столпах», как правило, усиливали ее своими обязательными ссылками на то, что под подобными по архитектуре и

¹ Известно несколько наиболее распространенных в повседневном лексиконе горожан названий этого кладбища («Православное», «Старое», «Русское», реже «Софийское»), однако чаще всего его называли и называют по улице ведущей к нему (ранее «Иерусалимское», а сейчас – «Антоново»), и это, несмотря на то, что большая часть кладбища примыкает к улице, ранее называвшейся Фордштатской, а ныне – Пригородной. Вначале XX века весь этот район назывался «Кладбищенской слободой». Он начинался от упомянутых православного, католического и военного кладбищ и простирался по оврагам все ниже к седому Неману.

технологии изготовления надгробиями на соседнем католическом кладбище похоронены польские повстанцы конца ХУШ - XIX веков. Отсутствие же надписей на «суворовских» и других надгробиях объяснялось многолетним противостоянием и взаимными обидами тех, кто в годы восстаний стоял, образно говоря, по разные стороны баррикад.

Из оставшихся до сих пор на кладбище обелисков-столпов лишь на двух имеются надписи, повествующие о том, кому они поставлены. Сохранность этих надписей можно объяснить, вероятно, лишь тем, что возведенные надгробия были памятниками гражданским лицам, не давшим втянуть себя в политические распри тех лет. На первом из этих обелисков, на каменной плите сохранилась надпись: «Здесь погребен губернский секретарь Александр Литвиненко, умерший на 22 году жизни 6 февраля 1827 года». Скромная должность и молодой возраст покойного убедительно подтверждают вышесказанное. Второе надгробие находится рядом с первым, и ситуация здесь мало отличается от прежней: «Здесь покоится прах Петра Андреевича Дмитриева, коллежского советника, умершего 27 мая 1837 года». Оба памятника, датируемые началом XIX века и отличающиеся лучшей по сравнению с «суворовскими столпами» сохранностью, также свидетельствуют в пользу того, что кладбище возникло в конце ХУШ века. Сохранилась еще одна полустертая надпись на одной из одиноких колонн, но кроме отдельных слов «прах», «царствие», она не несет в себе никакой конкретной информации, если не считать того, что по своей каллиграфии она весьма близка для конца ХУШ - начала XIX веков.

Нельзя не заметить и того, что большинство этих надгробий размещено на небольшом удалении от памятника, в архитектуре и технике изготовления которого использованы те же элементы (фундамент, колонны) и технологии (кирпич, штукатурка), что имеют место применительно к вышеописанным обелискам-столпам. Этот памятник - один из числа старейших на православном кладбище, сохранивших сведения о погребенном под ним человеке. Читаем надпись на мемориальной доске: «Здесь погребено тело генерал-лейтенанта Сергея Николаевича Ланского, с честью и славой служившего на полях брани; от полученной раны под селением Краоном февраля 23 дня к общему сожалению своих товарищей и подчиненных преставился в городе Намюре от рождения на 35 году сего 1814 марта 18 дня по полуночи в 2 часа». Сегодня мраморной доски уже нет, а в нише от нее находится лишь скромная металлическая табличка с надписью масляной краской: «Герой войны 1812 года Ланской Сергей Николаевич, умер от ран в 1814 году на 35 году жизни». Не сохранился и крест, находившийся в центральной части памятника над траурной вазой. Более старого памятника, сохранившего дату кончины покойника, на данное время на кладбище обнаружить не удалось.

Судя по датировке расположенных вокруг могилы С.Н.Ланского (на краю высокого обрыва) других надгробий, отсюда, именно с этого места, и начиналось «расти» кладбище. Некоторые надгробия от тяжести времени и выпавших на их долю нелегких испытаний наполовину ушли в землю, что мешает установлению времени проводимых захоронений. Сразу же за могилой генерала находится одно из таких надгробий. Надпись на нем удалось прочитать с большим трудом: «Здесь покоится прах Председателя Гродненской палаты уголовного суда, статского советника и кавалера Максима Анисимова, прослужившего в государственной службе 58 лет. Умер 8 июня 1849 года на 72 году от рождения».

После того, как на кладбище была построена кладбищенская церковь, именно она и стала центральной частью кладбища, а могила генерала С.Н.Ланского начала постепенно перемещаться к его периферийной части. Разумеется, что памятник герою Отечественной войны 1812 года С.Н.Ланскому не был первым на этом кладбище, но он до сих пор является единственным из сохранившихся, благодаря как своей исторической значимости, так и размерам сооруженного над ним памятника. Важно отметить, что именно на пространстве от этого места до кладбищенской церкви более всего могил, датируемых

первой половиной и серединой XIX века: Случановский Павел Анисимович (1794-1815), Глобачев Иван Иванович (1776-1816), Савицкий Яков Иванович (+ 1818), прапорщик Прасолов Георгий Георгиевич (1823-1847), дочь полковника Софья Яковлевна Фон Бранденбург (1820-1847), жена священника Сынклетия Лазаревна Боричевская (+1849), Суслов Петр Андреевич (1830-1855), статская советница Анна Барковская (+1858) и др. Последние из упомянутых захоронений были совершены уже почти рядом с кладбищенской церковью.

Документальные материалы, относящиеся к истории кладбища, весьма скудны. В фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно обнаружены лишь отдельные дела, косвенно касающиеся данной темы. Одно из них, тем не менее, представляется исключительно важным для датировки древнейших захоронений на православном кладбище. В 1836 году с целью оказания содействия военному историку, генерал-лейтенанту А.И.Михайловскому-Данилевскому в сборе сведений, «необходимых для составления им истории Отечественной войны 1812 года», министерство внутренних дел дало указание гродненскому губернатору на необходимость сбора такого, рода сведений, включая описание значительных сражений и мест передвижения русских воинов на всей подконтрольной ему территории. Вот тогда-то и вспомнили о могиле С.Н.Ланского на православном кладбище. Более того, в одном из документов этого дела была обнаружена запись: «...20 июля 1812 года скончался в Гродно генерал-майор Николай Ланской». Заметим, что в это время город был оккупирован французскими войсками. В поисках ответа на вопрос: а кто такой генерал-майор Николай Ланской – владелец имений Олтуш и Збураж Брестского уезда Гродненской губернии и какое отношение он имеет к генерал-лейтенанту Сергею Николаевичу Ланскому, похороненном в марте 1814 года на православном кладбище – исследователи пришли не только к констатации кровного родства всех Ланских, включая Петра Петровича, женатого на вдове А.С.Пушкина; министра внутренних дел Сергея Степановича, гродненского губернатора в 1803-1813 года Василия Сергеевича и других представителей этой фамилии с Ланскими, преданными гродненской земле в начале XIX века, но и важному выводу о том, что Николай Сергеевич Ланской, умерший 20 июля 1812 года в Гродно, был отцом Сергею Николаевичу Ланскому - герою Отечественной войны²⁶. Более того, в ходе этих генеалогических и других изысканий была установлена конкретная дата одного из старейших захоронений на православном кладбище. Могилу генерал-майора Н.С.Ланского найти пока не удалось. Но кто знает, может быть прах его покоится под одним из ближайших к могиле сына безымянных обелисков в форме колонн? Колонны украшают и могилу героя войны 1812 года.

Кстати, еще раз обратимся к сюжету, связанному с кладбищенскими колоннами. Вопрос о них неожиданно всплыл, когда в 1910-1912 годах по всей России началась масштабная подготовка к празднованию 100-летия Отечественной войны 1812 года. Именно в рамках ее утвержденный императором Николаем II Особый Комитет по устройству в г. Москве музея 1812 года в сентябре 1910 года обратился к гродненскому губернатору В.Н. Борзенко с просьбой в кратчайшие сроки выслать в его адрес сведения о памятниках Отечественной войны 1812 года, имеющихся на территории губернии. В обстоятельном ответе Борзенко, подготовленном при участии гродненского историка Е.Ф. Орловского, среди прочих указаний на сей счет, на первом месте значилось следующее: «В г. Гродно на Православном кладбище имеется кирпичный памятник, сооруженный на могиле генерала Ланского, умершего от ран, полученных 23 февраля 1814 года в битве под Краоном. Памятник этот в настоящее время находится в периоде разрушения». Не ограничившись лишь констатацией непреложного факта, губернатор, тотчас же отдал распоряжение о приведении памятника герою войны 1812 года в надлежащий ему вид. Выполнение этого распоряжения было возложено на Гродненское губернское по городским делам присутствие. После скрупулезного изучения состояния

памятника исполняющим обязанности губернского инженера (фамилия неразборчива) 18 мая 1911 года уведомил городское присутствие, «что после произведенных мною опросов старожилков, я не мог выяснить вопроса – были ли колонны памятника генерал-лейтенанту Ланскому покрыты антаблементом (т.е. верхней частью сооружения, обычно лежащей на колоннах. – В.Ч.), или же они при постройке его были сделаны обломанными, какими и находятся в настоящее время. Я склонен полагать, что при постановке памятника колонны не были покрыты антаблементом, так как при этом условии памятник имел бы высоту около 5 ? сажень, что вряд ли правдоподобно. В настоящее время постамент имеет размеры: длину 2,30 сажень, ширину 0,70 сажень и высоту 0,85 сажень. Две колонны диаметром 0,50 сажень и высотой 1,25 сажень. Памятник находится в состоянии разрушения, кирпич выветрился, штукатурка отпала. Из мраморных досок уцелела только одна (сейчас пропала и последняя – В.Ч.). Памятник отремонтировать невозможно и придется его строить заново. Постройка памятника тех же размеров как и существующий, из кирпича полужелезняка на смешанном известково-цементном растворе с отштукатуркой его тем же раствором, обойдется в 900 руб., а постройка такого же памятника из цементного бетона с отштукатуркой цементным раствором будет стоить 1150 руб. Предпочтительнее памятник выстроить из бетона, так как этот материал мало подвергается действию атмосферических влияний»²⁷. Надо полагать, что доводы губернского архитектора убедили начальство и памятник С.Н. Ламанскому был отстроен в те годы практически заново. Более того, в планах Гродненского губернского комитета по устройству празднеств 100-летнего юбилея Отечественной войны (см. протокол заседаний от 24 апреля 1913 года) имелся пункт, предусматривавший постановку в г. Гродно, кроме памятника генералу Ланскому, еще одного памятника, «придав ему значение памятника общего для всей губернии». Для определения места сооружения нового памятника, внесения необходимых средств и составления проекта была образована специальная комиссия в составе генералов М.Н. Кайгородова, И.И. Ветвеницкого, Прохорова, чиновников высшего ранга Э.Э. Листовского, С.Л. Пинаева, Д.В. Маркова, Д.В. Ивашинцова и председателя Гродненского церковно-археологического комитета В.А. Кадыгробова²⁸. Комиссия, судя по всему, выполнила свое предназначение, но начавшаяся первая мировая война помешала выполнить задуманное в жизнь.

Потребность в церкви и часовне на православном кладбище в Гродно ощущалась уже с начала XIX века, о чем неоднократно писали в Священный Синод Виленско-Литовские архиереи и гродненские губернаторы, опираясь на многочисленные ходатайства мирян. Однако строительство церкви в губернском городе, как это нередко бывает, началось не «сверху», а по инициативе самих верующих, т.е. «снизу». Весной 1846 года в возрасте 74-х лет умерла мать уроженца Гродненской губернии архиепископа Иркутского, а потом и Якутского Нила (Исаковича) - Марфа Носкович. Скорбя по тяжелой утрате, любящий сын для погребения на гродненском кладбище своей набожной матери решил построить здесь небольшую церковь, получившей название во имя преподобной Марфы. Серьезное содействие в деле ее строительства сыграл тогдашний директор Гродненской гимназии и училищ губернии Иван Павлович Барковский. В 1848 году церковь была освящена, а через год в ней была погребена мать епископа Нила, до этого преданная земле неподалеку от кладбищенских ворот. Тогда же в алтарной части храма была установлена памятная мраморная плита со следующей надписью: «Здесь покоится прах священницы Марфы Носковичевой, матери архиепископа Иркутского и Якутского и Кавалера Нила, в память коей воздвигнут сей храм в 1848 году»²⁹. Тот же архиепископ Нил прислал Гродненскому Софийскому собору, попечительствующему за местным кладбищем драгоценный дар - перламутровый крест с частицей мощей св. Петра (XIУ в.), митрополита Московского.

В начале 1864 гродненский благочинный, протоиерей Софийского собора Антоний (Шеметилло) обратился к Виленскому генерал-губернатору графу М.Н. Муравьеву с просьбой о замене обветшалой черепичной крыши собора на новую железную, а также об возведении каменной ограды вокруг православного кладбища, «находящегося при линии Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги»³⁰. По поручению генерал-губернатора Гродненская губернская строительная комиссия произвела необходимые расчеты, в результате чего оказалось, что на устройство каменной ограды кладбища с трех сторон (четвертая - за счет жертвователей из числа горожан) необходимо 3584 руб., на все же работы - примерно 11336 руб.2 коп. серебром. Граф Муравьев в ответ на просьбу гродненского губернатора И.Н. Скворцова о выделении выше названной суммы в своем послании вежливо отказал просителю, сославшись на финансовые затруднения, и предложил «обвести оное кладбище земляным валом с живой оградой из посадок кротегуса (вид кустарника.- В.Ч.), обложив вал дерном; устройство такого вала, по соображениям архитектора Чагина, обойдется не свыше 6 руб. за прогонную сажень в два аршина шириной и в 1,5 аршина вышины». При всем нежелании вступать в конфликт с начальством, Скворцов тем не менее выразил свое несогласие с Муравьевым, сославшись на следующие обстоятельства: «1) что еще в прошлые годы была начата постройка каменной ограды и таковой построено уже около 58 погонных сажень, также устроены при ней и каменные ворота, а в настоящее время без издержек казны заготовлен для фундамента бульжный камень на всю остальную часть ограды. Вблизи православного кладбища находится и католическое кладбище, облеченное уже с древних времен каменной оградой, равно и при лютеранском устроена такая же ограда; 2) православное кладбище расположено на склоне горы и заключает в себе плавучий глинистый грунт, по неустойчивости которого от стока весенних вод образовались продольные и поперечные рытвины. От образования их земляной вал не спасет, а при устройстве каменной ограды этого избежать можно...».

Признав соображения гродненского губернатора достаточно убедительными, М.Н.Муравьев 31 июля 1864 года дал свое разрешение на постройку каменной ограды кладбища «хозяйственным образом согласно представленному плану и сметам»³¹. Смета на это строительство была составлена 21 мая 1864 года. Все работы по ремонту, кладбищенских ворот, часовни и возведению ограды взялся произвести строительный подрядчик Кирилл Лысенков. 5 августа того же рабочие (каменщики, плотники и штукатуры) взялись за работу, но из-за неравномерного поступления денежных средств и материалов подрядчик не смог справиться с обещанными сроками (декабрь 1864 года) и завершил все виды работ на кладбище только через год³².

Летом 1866 года епископ Брестский, викарий Литовский епархий Игнатий (Железовский) в своем письме к губернатору Скворцову, вместе с благодарностью за помощь в ремонте Софийского собора и обнесением каменной оградой православного кладбища, обратился к последнему с просьбой - об перестройке кладбищенской церкви, которая, по его мнению «и по наружности своей не имеет вида православного храма, и по внутреннему устройству весьма бедна, а по своему объему до того тесна, что затрудняет как священнослужителей, так и мирян, особенно при отпевании усопших». Владыка просил на перечисленные работы 1650 руб. 28 коп. За неимением местных средств он обратился за помощью к инспектору строительства Свято-Марфинской церкви архиепископу Нилу, и последний великодушно прислал в Гродно на предстоящие расходы по перестройке церкви 300 руб³³. В последующем были найдены и недостающие средства. Весной 1867 года были начаты, а в ноябре того же года все работы по реконструкции кладбищенской церкви были закончены. Подрядчиками на этом строительстве были прусские поданные Карл Кельм и Бернард Гениуш. Именно их стараниями и заботами епископа Игнатия (Железовского) Свято-Марфинская кладбищенская церковь обрела столь привычный нам архитектурный облик. Уже внешне

– теплая и уютная, она успокаивающе воздействует на каждого кто впервые ее созерцает, а тем более входит под ее своды. На профессиональном архитектурном языке эта хранительница кладбищенского характеризуется следующим образом: «Памятник архитектуры позднего классицизма. Строение крестоподобное в плане 1-столповое, крытое покатыми 2-наклонными крышами. На торцах боковых крыльев и апсиды 3-угольные фронтоны. Оштукатуренные стены опоясаны карнизом и расчленены высокими арочными оконными проемами со стилизованными под камень архивольтами. Фасады помечены арочными и крестовыми нишами, экседрами подоконной тягой. Сбоку главного фасада пристроена квадратная в сечении 2-ярусная колокольня, крытая покатой 2-наклонной крышей с маковкой. На первом ярусе арочный проем главного входа, второй ярус прорезан круглыми люкарными и просветами с балками для колоколов. К апсиде присоединена низкая ризница. В перекрытый плоским потолком молитвенный зал выступают деревянные хоры с балюстрадой»³⁴. «Проще и понятнее», наверное, не скажешь...

Известно, что кладбищенская церковь имеет подземные погребальные катакомбы (склепы). В знак глубокого почитания верующими преосвященнейшего епископа Игнатия в этих катакомбах под церковью справа от входа, в 1872 году и был погребен его прах. В 1890 году при вратах кладбища на средства гродненского мещанина Сергея Толочко была построена часовня в честь Воскресения Христова.

В конце XIX- начале XX века город на Немане быстро рос: его население с 51 тыс. чел. в 1894 году выросло к 1898 году до 59 тыс., значительно увеличился в количественном отношении и военный гарнизон; число промышленных предприятий с 1874 по 1898 годы также увеличилось с 31-х до 74³⁵. Все это не могло не обострить кладбищенскую проблему. В 1901 году Гродненская городская дума по ходатайству причта Софийского кафедрального собора планировала отвести под расширение православного кладбища городскую землю, прилегающую к его юго-западной границе. Однако этот проект был признан причтом непригодным в виду значительного количества оврагов на данном земельном участке.

В 1905 году кладбищенская тема неожиданно выплеснулась на страницы «Гродненских губернских ведомостей» (№34 от 2 сентября 1905 года и №35 от 9 сентября того же года) в форме объемной статьи под названием «Из истории Софийского соборного прихода». Автор этой статьи, укрывшись под псевдонимом «Соборный прихожанин», ратуя за сохранение Софийского Успенского прихода и выступая против «постепенного урезания его в пользу других церквей города», обращает внимание на ту положительную роль, какую играл в прежние годы Софийский приход по приведению в порядок кладбищенской церкви и самого кладбища. Сообщая, что кладбищенская церковь была построена в 1848 году на средства преосвященного Нила для вечного поминовения его матери, автор показал, как на протяжении последующих лет она приобретала свой новый облагороженный облик. «Эта перестройка и внутренне обновление храма, - пишет «прихожанин», - были произведены на добровольные пожертвования верующих, и только одна тысяча рублей была выделена властями в пособие приходу на это дело. Параллельно производился и ряд работ по благоустройству кладбища под опекой старост и причта: расширение и перестройка кладбищенской ограды, постройка каменного домика для смотрителя, служебного сарая, прокладка и мощение дорожек на кладбище, планировка их, неустанное наблюдение за чистотой кладбища и целость его насаждений, еженедельное богослужение в летние месяцы...». Перечисляя заслуги прихода по уходу за кладбищем автор статьи делает вывод, что «все это делалось старостами и причтом собора в том сознании, что гродненское православное кладбище есть недвижимая собственность Гродненского соборного прихода».

В этой связи в статье высказывается недоумение по поводу открытия 25 апреля 1905 года при кладбищенской церкви (согласно представления епископа Гродненского и

Брестского Никанора и указа Священного Синода) самостоятельного прихода «с причтом из священника и псаломщика с тем, чтобы содержание этого прихода относилось исключительно на «изысканные местные средства»». «Прихожанин» сетует по поводу этого непонятного для горожан решения и при этом задается вопросом: «Что же такое учинил Софийский собор, за что бы следовало отнять у него созданное им в течении ста лет кладбища (подчеркнуто нами. – В.Ч.)?» Не находя ответа на поставленный вопрос, автор статьи предлагает читателям «Гродненских губернских ведомостей» разобраться в этом так называемом «кладбищенском деле». Смысл начатого разбора в общих чертах сводился к следующему: 1) учреждение в Гродно самостоятельного кладбища осуществлялось в начале века при наличии в городе одного-единственного православного Софийского прихода, а потому это кладбище было и должно быть приписным к собору; 2) перераспределение православных жителей по другим приходам и создание самостоятельного кладбищенского прихода является решением неправильным, и что оно ослабит не только материальное положение всех приходов, но и приведет городское православное кладбище к полному запустению. Считая правильным сохранение кладбища в качестве приписного к собору, автор статьи оправдывает свое мнение следующим образом: «Когда мы спросили нашего соборного старосту повлияет ли отделение кладбища на соборный бюджет, то он с первого слова определил, что собор потеряет при этом, по меньшей мере, тысячу рублей, да столько же и соборный причт. Кладбище, доведенное усилиями и заботами собора до теперешнего своего благосостояния нуждается в крайне ограниченных расходах, между тем плата за места для могил, за пользование катафалком, сбор за постановку памятников, а также свечной доход – все это давало собору более тысячи рублей в год, и эта статья церковного дохода была постоянной...». Одновременно в статье ставится вопрос: «Как отзовется самостоятельность кладбищенской церкви на самом кладбище? Будет ли она способствовать его дальнейшему благоустройству? Может ли наше кладбище, будучи бесприходным дать достаточные средства для содержания при нем особого причта?»

При рассмотрении этих вопросов, автор статьи настаивает на том, что «надобно отделять церковь от причта и не смешивать церковных доходов с причтовыми. Такое маленькое здание как наша кладбищенская церковь и благоустроенный ее погост, требуют небольших расходов для своего поддержания и кладбищенские доходы с избытком покроют текущие расходы собственно по кладбищу; но особому причту при этой церкви содержаться будет не на что, если он не будет иметь казенного штата. Заказные обедни и даже кладбищенские панихиды – этот единственный доход кладбища – надолго останутся достоянием приходов, как и похороны умерших, по той естественной связи, которая устанавливается в приходах между пастырем и его паствой. Разрешительную молитву над умершим прилично читать его духовнику, а не лицу, для которого произносимое имя – «звук пустой». До сих пор отпевание умерших прямо на кладбище бывало в случаях крайней бедности семейства и большею частью даром. Нам известно несколько случаев, когда гродненские священники давали на руки осиротевшим беднякам в таких случаях удостоверения о несчастном положении, и Софийский собор первым выступал с фактической помощью при таких похоронах. Может ли этот вид благотворительности практиковаться при новом порядке, когда кладбищенский причт только похоронными доходами и будет существовать?... Административная регламентация в кладбищенском деле, по справедливости, должна быть названа бюрократическим вмешательством в приходское дело и не в состоянии изменить к лучшему положение кладбища. В кладбищенском деле «что город – то норы, что деревня – то обычай». Есть обычай крайне разорительный для семейств, справляющих похороны; есть кладбищенские священники, примазывающиеся ко всяким похоронам и считающие это своей привилегией. При изменении всякого установившегося обычая всегда рождаются вопросы о том, будет ли новый порядок лучше прежнего или нет. до сих пор соборное духовенство для

кладбищенских богослужений обыкновенно отправляло, кроме священника, еще двух - трех человек. Это были отличные чтецы и певцы, сладившиеся, спевшиеся мастера своего дела, и выходило поэтому у них настоящее богослужение, ничем не нарушающее молитвенного настроения за упокой близких нам душ. Так ли будет теперь, когда весь штат при кладбище будет состоять из священника и псаломщика?... И кто пойдет туда в псаломщики без жалования и квартиры?... Во всяком случае этот единственный кладбищенский дьяк не заменит нам прекрасного соборного богослужения... Не можем мы быть спокойными и относительно поддержания кладбищенского благоустройства, над которым столько десятилетий трудились наши просвещенные соборные старосты и причт, теперь отстраненные от этого общественного по преимуществу дела административным управлением... Если же понадобится особый священник для кладбища, то надлежит ему быть только при соборе, хотя бы и сверх штата, и пусть собор, а не этот случайный избранник епархиальной власти, распоряжается кладбищем, которое собором создано и устроено во благо своего прихода».

В 1910 году в связи с проведением вблизи кладбища шоссейной дороги, духовенство Софийского собора вновь возбудило ходатайство «об отводе под расширение кладбища земли, прилегающей к забору одного до границы шоссе мерою всего 1 десят. 340 кв. сажень, оставляя лишь полосу земли в 1,5 сажень вдоль шоссе для прохода и резервов». Городская дума на своем заседании 22 марта 1910 года согласилась с заключением управы и постановила: «отвести под расширение православного кладбища, указанный на плане и составленный землемером Оглоблиным, участок городской земли», ранее запрошенный причтом Софийского собора, попечительствующего над ним³⁶. Параллельно с расширением площадей под захоронение на православном кладбище, городские власти после рассмотрения многочисленных прошений жителей города и ходатайств Софийского братства принимали меры по благоустройству как самого кладбища, так и подъездов к нему. В отчете гродненской городской за 1889 год среди прочего имеются также сведения об «вновь устроенных мостовых, включая улицу Иерусалимскую, ведущую к православному, католическому, лютеранскому и военному кладбищам на пространстве 432-х квадратных сажень».

С началом первой мировой войны кладбище вновь стало объектом повышенного внимания к себе со стороны столичных и губернских властей. По свидетельству старожилов в первый месяц войны на православном и католическом кладбищах имели место случаи единичных захоронений воинов, скончавшихся от ран в местном военном госпитале. К сожалению, ни одной из могил того периода увенчанных простыми деревянными крестами (за исключением могилы военного иерея, до этого священника Вертелишского прихода Николая Пачковского, убитого на фронте в 1915 году), до сих пор не сохранилось. Надгробие на этой могиле с изображением Гергиевского креста, судя по всему было установлено спустя годы, то есть уже после окончания войны. Причиной видимого отсутствия захоронений жертв первой мировой войны на этом Гродненском кладбище могло быть и следующее обстоятельство. В конце октября 1914 года исполнявший обязанности министра внутренних дел Н.А. Маклаков обратился к гродненскому губернатору В.Н. Шебеко с предписанием такого рода: «Александровский комитет о раненных в заботах об увековечении памяти жертв войны, приняв во внимание, что прибывающие во многие города империи с театра войны раненные и больные воины размещаются в местных госпиталях, казармах и больницах, где некоторые и умирают, полагал бы крайне желательным, чтобы умершие воины были хоронены в городах лишь на определенных кладбищах и в одном месте с сооружением на них часовен, крестов, памятников и др., дабы особые братские кладбища, обсаженные впоследствии деревьями и обнесенные решеткой (оградой - В.Ч.), служили напоминанием последующим поколениям о жертвах Великой Европейской войны. Изложенные предложения Комитета 19 сентября с.г. удостоились Высочайшего его Императорского Величества одобрения.

Для возможно широкого осуществления таковой величайшей воли Государя Императора представляется настоятельно необходимым, чтобы общественные городские и земские учреждения оказали всемерное содействие в создании в надлежащих местах братский кладбищ и в сооружении в ознаменовании памяти жертв настоящей Великой войны, в местах родины воинов, павших на поле брани и от полученных ран, во всех приходских церквях досок с начертанием их имен или других памятников в виде часовен, крестов, каменных столпов»³⁷ (подчеркнуто нами для подтверждения достаточно обоснованной датировки сохранившихся на православном кладбище столпов концом ХУШ - началом XIX веков и наличия преемственности воинских традиций в русской армии. - В.Ч.).

Несмотря на условия военного времени, начавшееся отступление русских войск, на Восточном фронте, такого рода специализированные военные кладбища были открыты в ряде населенных пунктов губернии - в Белостоке, Слониме, Гродно и др. К сожалению, документов по братскому кладбищу в Гродно пока не обнаружено, но в реальной жизни оно существовало в районе нынешнего военного кладбища по улице Белуша. Вполне вероятно, что это было связано с так называемой «перегруженностью» городского кладбища уже в конце XIX века (имеются основания говорить об 1888 году), когда местными властями была выделена специальная территория под военное кладбище в районе расположения казарм 26 арт бригады. На сегодняшний день из захоронений тех лет здесь сохранилась лишь могила генерал-майора А.А.Руссау (1834-1896) и капитана-артиллериета В.П.Станкевича (1878-1912). Разумеется, что здесь производились и захоронения русских воинов погибших в ходе оборонительных боев за город, но сделать это кладбище в полной мере соответствующим директиве Н.А. Маклакова в тех условиях было уже невозможным.

Убитых в ходе оборонительных боев за город Гродно в 1915 году русских воинов хоронили, как правило, рядом с их боевыми позициями: у форта №3, у деревень Барановичи, Ратичи, Селивановцы, а также вдоль шоссе Гродно-Сопоткино. Здесь, по самым предварительным подсчетам, было погребено около тысячи нижних чинов и офицеров царской армии. На сегодня известны имена лишь незначительной их части: капитан Ефимов Александр Александрович, прапорщик Овчинников, подпоручик Земнецкий, прапорщик Асеев, капитан Агнивцев Павел, прапорщики Шнурков, Артомонов, Селиванский; подпоручики Вуничевич Сергей, Зайковский Владимир; нижние чины: Никита Бабаев, Митрофан Глусов, Потапий Васильев, Александр Шулепин, Даниил Наличкин, Степан Юншин, Тимофей Седых, Емильян Потурай, Алексей Зубков, Иосиф Жуковский, Исаак Шишман, Анатолий Палагин, Василий Стаценко, Арсений Гречкин, Михаил Липаев, Кирилл Бершановский, Павел Охлопков, Семен Чернолог, Иван Панченко, Федор Зангалов, Роман Дроздов, Иван Харченко, Александр Масленков, Алексей Фураев, Василий Шальной, Семен Бахарев, Иван Техоненко, Федор Беляков, Александр Кошелев, Никита Самбул, Степан Кузьмин, Иван Бурданков, Филипп Лихтарь, Илья Немцов, Михаил Акшин, Иван Левченко, Дмитрий Бабнев, Матвей Петраков, Максим Парихалов. Упомянутые воины свою службу проходили в подразделениях 103-го Петрозаводского, 104-го Устюжского, 162-го Ново-Трокского, 170-го Молодеченского, 24-го Симбирского, 30-го Полтавского, 335-го Челябинского полков, а также в 66, 191, 211 и 294-ом запасных пехотных батальонах. Погребения погибших воинов по православному обряду совершал полковой священник 43-ей артбригады отец Игнатий (Вишневецкий)³⁸.

Ярким примером развития в Гродно традиций увековечивания памяти погибших воинов путем строительства, специальных храмов-памятников является Гродненский Рождество-Покровский собор, внутри которого до сих пор хранятся памятные мемориальные доски, установленные в честь воинов местного гарнизона, павших на полях Маньчжурии в русско-японскую войну 1904-1905 годов³⁹.

На протяжении XIX - начала XX века в православное кладбище в Гродно содержалось благодаря попечительству духовенства Софийского собора и Свято-Марфинской церкви в образцовом порядке. В годы первой мировой войны кладбищу был нанесен значительный урон в результате артиллерийского обстрела города кайзеровскими войсками. Не меньший ущерб ему нанесло отсутствие должного контроля за его состоянием в годы безвластия, революционной смуты, а также военных действий в годы гражданской и советско-польской войн. Нельзя не учитывать и того, что большая часть православного духовенства в 1915 году была эвакуирована вглубь России. Имели место случаи прямого вандализма, разрушение или уничтожение отдельных памятников по политическим, религиозным и другим мотивам, именно в это время была уничтожена могила известного гродненского историка и краеведа Е.Ф.Ордовского, скончавшегося в 1913 году.

В 20-е годы православная общественность сумела восстановить на кладбище былой порядок. Свидетельством тому может служить одна из статей в газете «Dziennik Grodzieski» (№ 23) за 1923 год, автор которой, описывая плачевное состояние католического кладбища, приводил в качестве примера для подражания отношение православных христиан к месту упокоения своих единоверцев: «посмотрите на наше кладбище - ограда развалена: коровы, свиньи и собаки разгуливают среди могил без всяких помех... Не могу при этом не отметить, что соседнее православное кладбище содержится в образцовом порядке. Там даже небольшие повреждения ограды исправляются тотчас же. А у нас!»⁴⁰

В межвоенный период успешно развивались традиции мастеров малых архитектурных форм. В Гродно работало несколько мастерских по изготовлению и установке надгробий (А.Качан, И.Бабарико и др.). Кладбищенские проблемы были объектом заботливого отношения со стороны Русского Благотворительного общества (РБО) и православного духовенства.

В годы Великой Отечественной войны католическое и православное кладбища подвергались артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха в связи с их близким расположением к железной дороге и игравшему стратегическую роль железнодорожному мосту через Неман. Любой недолет-перелет производил губительное воздействие на могилы и памятники. Во время освобождения города от немецко-фашистских захватчиков кладбищенский район города был местом дислокации подразделений Красной Армии, готовящихся к переправе на левый берег реки. Вот как вспоминал об этом ветеран 882-го стрелкового полка 290-й стрелковой дивизии, почетный гражданин г. Гродно Г.М. Артемьев: «Бои на подступах к Гродно и в городе были напряженными и тяжелыми. Наш полк после ночных уличных боев весь день 16 июля располагался в городском парке, а моя 9-я рота - в долине реки Городничанки. Готовились к форсированию Немана: чистили оружие, снаряжали патронами диски автоматов. Перед началом наступления в роте было около ста человек, а теперь - менее пятидесяти. В ночь на 17 июня полк переместился в район католического кладбища у Немана. Рано утром один из батальонов начал форсирование. Но плыть на плотках в направлении противоположного берега было трудно. Их сносило быстрым течением и направляло вдоль русла, делая хорошей мишенью для противника. Гитлеровцы открыли ураганный огонь из орудий, минометов и пулеметов. Один за одним плоты разбивались в щепки. Гибли люди. Переправа была прекращена. Нашему батальону было приказано форсировать Неман по формам рухнувшего моста. Но спуск к нему находился под прицельным огнем фашистов...»⁴¹. Подтверждением ожесточенности боев в районе кладбищ могут служить десятки надгробий буквально изрешетенных пулями и осколками, сброшенных взрывной волной наземь. По свидетельству горожан, уже после освобождения города, когда в спешном порядке велось

восстановление железнодорожного моста, немецкая авиация неоднократно делала попытки уничтожить его, но безрезультативно. Опасаясь зенитного огня наших батарей, они куда попало сбрасывали бомбы, которые частично падали и разрывались в районе православного и католического кладбищ.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны над братскими могилами воинов Красной Армии, захороненными на православном кладбище, в 1944 году были установлены по типовым проектам памятники. В самой большой из братских могил покоится 51, а в двух других – 16 и 15 человек. Впоследствии здесь же производились и захоронения воинов, умерших в Гродненском военном госпитале в период с 1945 по 1946 годы. На православном кладбище имеется много индивидуальных захоронений воинов Красной Армии, сотрудников органов внутренних дел и госбезопасности, павших в 40-50-е годы от рук участников антисоветского подполья.

Большую часть старого православного кладбища занимают могилы горожан 50-70-х годов. В это время на кладбища, ставшим уже городским и коммунальным, хоронили людей, не взирая на их национальность и конфессиональную принадлежность. Среди них имеется много замечательных людей, оставивших яркий след в жизни города. Несомненно, что эта часть православного кладбища нуждается в самостоятельном, углубленном изучении.

Что касается культовых строений на старом православном кладбище, то во время последней войны находившаяся здесь Воскресенская часовня пришла в запустение и ныне используется как подсобное хозяйственное помещение. В послевоенное же время была закрыта и Свято-Марфинская церковь. В ней длительное время размещалась столярная и ремонтная мастерские. В запущенном состоянии находилось и само кладбище. Подвергаемое в ходе двух мировых войн постоянным обстрелам и бомбардировкам, оно пришло в еще более жалкое состояние в результате повторных бессистемных захоронений на тех местах, где простые деревянные кресты и недолговечные памятники пришли в негодность. Кроме всего, оно перестало, как уже отмечалось выше, быть в полном смысле православным.

В 50-70-е годы места захоронения «перешли» границы оказавшейся разрушенной ограды второй половины XIX века и «продвинулись» к спускающимся вниз к Неману оврагам. Одновременно шло уничтожение наиболее ценных в историко-культурном и художественно-эстетическом плане надгробий. Многие из них были повалены на землю, лишены надписей, медальонов, крестов... Губительное воздействие на надгробия оказывала и оказывает природа: упавшие от древности деревья, заросли их молодых побегов и кустарников, отсутствие должной сезонной уборки мест захоронений.

В 1973 году, в связи с открытием нового коммунального кладбища по проспекту Космонавтов, старое православное кладбище по улице Антонова было закрыто, хотя так называемые подзахоронения производились на нем на протяжении всего последующего времени. В конце 70-х и 80-х годов процесс его разрушения еще более ускорился. Однако уже в конце 80-х годов в связи с общим изменением общественно-политической ситуации в стране и, как итогом его совершившимся возвращением Свято-Марфинской церкви православным верующим, в ней на средства Гродненского Свято-Покровского собора начались реставрационные работы, которые благополучно завершились в июле 1991 года. Одновременно благоустраивалась территория кладбища, ее ограда; частично были приведены в порядок надгробия вокруг церкви. Совместными усилиями городских и епархиальных властей к сезонному уходу за кладбищем были закреплены городские промышленные предприятия и другие учреждения, однако все это явилось ничем иным как «косметической» мерой. Некоторые представители гродненской общественности видели спасение кладбища в придании ему статуса музея-заповедника. Полагая, что сохранение его нужно не мертвым, а нам, горожанам - их, пока еще живым потомкам. Ведь старое кладбище, подобно той же книге памяти. Надгробия, могилы, кресты – это

страницы скорбной книги, по которым можно читать о нашем прошлом. Разрушая кладбища, теряя надгробия и кресты можно уничтожить и людскую память. Пока же история XIX - начала XX веков еще живет среди православных гродненских крестов.

Историческая и культурная ценность гродненского православного кладбища неоспорима. Во-первых, оно содержит в себе памятные места, связанные с жизнью и деятельностью известных священнослужителей, военачальников, деятелей культуры. Для всех тех, чья память достойна упоминания, место последнего упокоения составляет не менее важный элемент вещественной, пространственной памяти, нежели место проживания, службы или работы. Больше того, далеко не все здания, где «жил и работал» тот или иной известный, уважаемый человек, могут быть снабжены мемориальными досками, впрочем, это не всегда так уж и необходимо. Но и при отсутствии мемориальной доски сохранение могилы, надгробия человека, заслужившего добрую память среди людей – достойная дань этой памяти. Во-вторых, надгробия на кладбище являются богатейшим источником сведений о предыдущих поколениях горожан. Таким образом, старое Гродненское православное кладбище – это не только памятник культуры и быта, но и определенная моральная ценность, нравственная традиция, овеянная в могилах. Почитание живших до нас, сохранение связи времени – необходимая часть нашей духовной культуры. И, в-третьих, надгробные памятники являются сами по себе произведениями искусства. В качестве памятников монументальной скульптуры они не только достойны сохранения, но и заслуживают того, чтобы быть сохраненными в их «естественной среде существования», рядом с другими рядовыми обелисками, плитами, крестами и т. д.

Гродненское православное кладбище, несмотря на все невзгоды, хранит память не только о покоящихся здесь горожанах (священнослужителях, чиновниках, военных, купцах, мастеровых), но и тех, кто создавал высокохудожественные надгробия. Много сил и таланта отдавал их созданию Болеслав Шишкевич (1864-1893). О его жизни известно немного. Происходил он из обедневшей шляхты римско-католического вероисповедания. В 1874-1876 годах учился в Волковысском уездном училище. В юношеские годы переехал в Гродно. Чтобы стать мастером, соединяющим в себе художника, скульптора и зодчего Болеславу Шишкевичу пришлось немало потрудиться, чтобы доказать представителям этого цеха гродненских мастеров свое мастерство. В 24 года он обвенчался в Гродненском фарном костеле с Ромой-Марией Протасович. Через пять лет после этого важного для молодых события Шишкевич умер от скоротечной чахотки. На руках у молодой жены осталась дочь Ядвига, масса долгов и искреннее желание продолжать дело мужа. Рома-Мария взяла в свои руки фирму-мастерскую Б.Шишкевича и стала во главе ее. Судя по датировке надгробий, изготовленных в этой мастерской (клейма – «Шишкевич», «Б. Шишкевич, «Мастерская Б.И.Шишкевича в Гродно», «Б.Шишкевич, Гродно, ул.Гончарная», реже – «Р. Шишкевич»), она продолжала свою деятельность до 1907 года. Рома-Мария Шишкевич умерла 25 февраля 1912 года в Сувалковской губернии, но похоронена была в Гродно на фарном католическом кладбище⁴².

Большинство надгробий, изготовленных в мастерской Шишкевича, отличает художественность форм, декоративность и утонченный романтизм. В основе всех этих качеств - творческая индивидуальность мастера, характер материала (легкий песчаник на гранитном или мраморном основании) и, разумеется, в какой-то степени - пожелание заказчика, среди которых были представители самых разных религиозных конфессий. На католическом кладбище мастерской Шишкевича были установлены высокохудожественные надгробия на могилах генерала-лейтенанта русской армии Вильгельма Веверна (+1888), подпоручика 104-го Устюжского пехотного полка Людвика Малевича (+1885), отставного подполковника 101-го Пермского пехотного полка Антония

Праткеля, а также на семейных захоронениях Лисовских, Трусковских, Сонгиных, Гринкевичей, Грушевских, Кольшевских, Голембевских, Якимовичей и др. Здесь же находится памятник-усыпальница и самому Болеславу Шишкевичу, членам его семьи.

По мнению исследователей творчества Б.Шушкевича, его лучшие произведения, получившее у горожан название «Прекрасная плакальщица», находится на православном кладбище, на могиле губернского чиновника Якова Антоновича Померанекого (1825-1886). Сюжетная композиция памятника подкрепляется эпитафией: «Бог дал, Бог взял, да будет Его светлая воля». Среди других установленных и сохранившихся на православном кладбище надгробий Шишкевича следует отметить прекрасные памятники семейству купца Николая Минича Янучкова (1806-1885), его супруги Марии Григорьевны, детям - Николаю, Мине, Дмитрию, Михаилу, Константину, Ксении, Анне, Пелагее, Елене и внукам - Василию и Анне со скромной эпитафией: «Мир праху их» (изготовлен в 1894 году). В 1890-е годы были установлены памятники Федору Ивановичу Крылову (1891), Василию Ивановичу Выготскому (1891), Михаилу Евстафьевичу Чеботову и его жене Анне Васильевне (1892), Роберту Ивановичу Пашковскому, его супруге Виктории Петровне и сыну Касьяну (1892), Елене Семеновне Кожевниковой (1893), Елизавете Мануиловне Кожевниковой и ее дочери Анюте (1894), Петру Андреевичу Бажанову (1894), Василию Сименовичу Грицаеву (1894), Петру Осиповичу Рончевскому и его жене Софье Петровне (1895), Николаю Скрипцову (1896), Людмиле Ивановне Савицкой (1897), игуменье Свято-Рождество-Богородичного монастыря Анастасии (1897), Николаю Павловичу Глику (1897), Марии Ивановне Голбан (1898), семейству Муравьевых (1899), Екатерине Максимовне Шумовой (1904), Николаю Сергеевичу Осипову (1904), Александру Антоновичу Ширме (1905), семейству Васильковских (1905), Марии Антоновне Жуковской (1906), Василию Ивановичу Буслаеву (1906) и др.

Весьма интересны по своему исполнению надгробия офицерам Гродненского гарнизона, оставившими этот мир, что называется, в расцвете лет: штабс-капитану 26-й артиллерийской бригады Александру Ивановичу Кузьмину (1886), капитану Беломорского полка Георгию Игнатьевичу Витковскому (1891), подпоручику корпуса военных топографов Евгению Владимировичу Гейзеру (1895).

С особой любовью изготавливались в мастерской Шишкевича надгробия младенцам и детям: Анатолию Родзевичу (1887), Леночке Трофимовой (1888) и др. К числу наиболее значительных в художественном смысле надгробий следует отнести памятники Кире Мандражи (с эпитафией «Спи дорогое дитя») и Пете Дунину-Марцинкевичу, сооруженные в середине 80-х годов. Последний, получивший у гродненцев название «Печальный мальчик», с момента создания и до сих пор притягивает к себе взоры посетителей кладбища. По своему исполнению это надгробие может быть поставлено по своей «эстетико-художественной значимости рядом со знаменитой «Прекрасной плакальщицей». К сожалению, на ряде надгробий, изготовленных в мастерской Шишкевича, уже нет имен тех, кто под ними покоится. Одно из них, что рядом с могилой замечательного гродненского спортсмена и тренера А.И.Марцинкевича, характерно лишь строками эпитафии: «Блажен, кто к вечному покою, не попытает житейских вол, причалил рано утлый челн, хранимый Высшею рукою...».

Замечательным мастером кладбищенских памятников был Василий Андреевич Качан (1853-1907). Его талантливими руками воздвигнуты над могилами православных христиан в Гродно сотни прекрасных надгробий. По стопам отца пошли и его сыновья: Осип Васильевич (1874-1910) и Андрей Васильевич (1881-?). Мастерская Качана просуществовала в Гродно до 1928 года. Надгробия, изготовленные в ней, включая и семейный памятник замечательным представителям этого рода, отличались добротностью, строгостью линий, а благодаря основному материалу (граниту) - прочностью и долговечностью. В мастерской выполнялись заказы как православных, так католиков. На Фарном кладбище в Гродно, в конце XIX - начале XX века было установлено немало

творений рук династии Качанов. К их числу следует отнести надгробия на могилах семейств Листовских, Янковских, Подбереских, а также - военному инженеру, подполковнику Каролу Духовскому, полковнику 101-го Пермского пехотного полка Александру Денкеру, подполковнику 26-й артбригады Людвигу Денкеру, студенту Петербургского университета Каролу Денкеру, ксендзу Томашу Дашинскому и др. Однако большая часть творческого наследия Василия Андреевича Качана и его сыновей находится на православном кладбище. Среди них памятники: генералу от инфатерии Георгию Александровичу Зметнову (1914), полковнику Калистрату Даниловичу Грегулевичу (1910), семействам Кошелевых (1925), Шеметило (1904), Таппер (1900), суворовскому кадету Коле Бему (1910), ученику VI класса Гродненской мужской гимназии Володе Вестли (1905), протоиерею Гродненского Софийского собора Григорию Кудрицкому (1904), жене священника Кунаховича Ольге Петровне (1909), инженеру-технологу Михаилу Александровичу Сырейщикову (1905) и др. Несмотря на наличие явной конкуренции между мастерскими Шишкевича и Качана, они иногда шли навстречу друг другу в исполнении наиболее сложных заказов. Именно таким был заказ инженера Сырейщикова в 1892 году, в связи с кончиной его любимой жены Матрены Ивановны. Творческое слияние двух разных по стилю архитектурных школ оказалось в полной мере плодотворным: по общему признанию специалистов памятник получился прекрасным.

На православном кладбище в конце XIX - начале XX веков устанавливали надгробия и другие гродненские мастера - Иосиф Заборовский, Алексей Соколовский, Гирш Кишес. В отличие от них в мастерской В.И. Гальского (клеймо - «Фабрика В.И. Гальского Гродно») надгробные плиты отливали из металла (чугуна). Среди наиболее приметных надгробий Гальского необходимо отметить металлическое литье на могиле Павла Егоровича Гусакова, умершего в 1863 году в возрасте 47 лет с эпитафией: «Почий, наш дорогой, до новой встречи». Чугунные плиты фабрики устанавливались обычно под 45-градусным углом. Одна из них имеет оригинальный текст: «Благочестивый воин Никанор Стефанович Соколов. Умер 21 октября 1896 года. Был другом - не слугой. От епископа Иосифа». Судя по всему, дарителем этой плиты был епископ Иосиф (в миру Никодим Соколов), викарий Литовской епархии, автор ряда церковно-исторических трудов, устроитель в Гродно церкви имени преподобного Афанасия. Место изготовления отдельных памятников трудно определить. На одном из них имеется лаконичная надпись: «Сооружен А.М. Ивановским».

Наиболее состоятельные граждане заказывали памятники в Петербурге («СПБ.Нубланов»), Москве («Памятники Петрова»), Киеве («Сороко. Киев»), Варшаве («Н. Zydok. Dzika 45», «Р.Г. Любовецкий в Варшаве, Дикая ул. № 68»), Варшавские надгробия, выполненные из белого мрамора, отличались пышной декоративностью и склонностью к размещению на одной из сторон памятника содержательных эпитафий. Первый из них, с изображением перекрещенных сабель (наполовину разрушенный, почерневший от времени, заваленный плитами и сбитым крестом) был поставлен, вероятно, безутешной молодой женщиной своему возлюбленному - военному инженеру 4-го саперного батальона Овчарову Николаю Михайловичу (1850-1880). Текст эпитафии: «Здесь все сокровище земное схоронила, где счастья весь святой покой я находила». Мастер же Р.Г. Любовецкий разместил на памятнике управляющего контрольной палатой Петра Ивановича Волкова надпись библейского содержания: «Возстанут сущие во гробах и вси земнородные возрадуются».

Следует заметить, что в отличие от столичных кладбищ, надгробия на Гродненском православном погосте не изобилуют пышными эпитафиями. В большинстве своем они сводятся к библейским изречениям, вроде - «Боже, буди милостив и в селениях святых упокой душу его (ея)». Однако на части памятников имеются эпитафии, претендующие на то, чтобы быть отмеченными посетителями кладбища. К ним в первую очередь относятся строки, сочиненные вероятнее всего вдовой бывшего начальника

Гродненской тюрьмы подполковника Аполлинария Петровича Сибирякова (1872-1986) - Людмилой Ивановной (1870-1907), похороненной здесь же, спустя год. Памятник сооружен на средства матери подполковника Сибирякова и его брата. Погребальная надпись гласит: «Мира Заступница, Матерь Вселенная я пред тобою с мольбой: скорбную грешницу, мраком одетую, Матерь, услышь и спаси - дай покой! Я за страдальцев усопших молю. Будь им заступница, будь покровительница. В Царство Небесное, в мир утешения путь им прямой укажи». Эпитафия на могиле гродненского уроженца, землемера Полтавской губернии, умершего в 24 года в период командировки в г.Кременчуге, Лещинского Александра Францевича (+1911) - это уже не молитва в камне, а лирико-благочестивые с объяснением в любви поучения, исходящие от юной невесты и убитой горем матери: «Любовь к тебе, мой ангел, лишь слепа, безутешна, молчалива. Она покоя не дает, мне кажется, меня переживет, и я с тобой увижусь снова в тени могил, мой призрак милый. Настя». Это стихотворное объяснение в любви к безвременно ушедшему из жизни молодому человеку (на памятнике сохранился фотомедальон симпатичного с усиками землемера) дополняется обращением к Богу матери покойного: «О милостивый Боже, Царство Небесное у Господа просим. Ты прими сына дорогого в стенах обители Святой, но на земле ты душу бедную оставил, оставил во мраке скорби, тишины, ты жизнью отцов всех правил, направь же и меня к Себе. Мать».

Явный призыв «взддохнуть» звучит в эпитафии на надгробии Евдокии Ивановны Фон-Шульц (1832-1912): «Осыпайте могилу цветами, за грехи не тревожьте слезой: в этом склепе с сырыми стенами обрела она мир и покой. Дорогой матери от дочери». И совсем по-домашнему воспринимается прохожими надпись на памятнике Иосифу Викентьевичу Гладышу (1850-1912) - чиновнику Гродненского казначейства: «Мир праху твоему, дорогой страдалец. Под этим тяжелым камнем успокоился ты от земной суеты, а мы, папочка, будем вечно молиться за тебя. Жена и дети». Тема страданий покойного находит место и на надгробии Павла Дмитриевича Бедрицкого (1847-1902): «Господи, ты видел его страдания на земле. Упокой душу его в Царствии Твоем».

Характерно, что за гранью XIX века религиозная окраска эпитафий почти исчезает. На памятнике сына известного гродненского врача и общественного деятеля В.В.Кошелева (1857-1925) - 23-летнего Евгения (+1909) выбиты слова: «Полный веры святой, светлых грез и надежд на счастье». Несколько иной оборот принимает эпитафия на могиле чиновника-статиста: Михаила Семеновича Хныкина (+1912): «Во имя света и науки свой честный светоч подымал». Родители же 6-летней Надежды Савельевой (+1910) поместили на памятнике краткое: «Покойся, дорогая Надежда».

Православное кладбище на улице Антонова – несомненно богатейший источник для изучения малых архитектурных форм (надгробий) и погребальной обрядности XIX-начала XX веков. Кроме упомянутых художественных достоинств, оно является еще и богатейшим полем для изучения самых различных ремесел, включая кузнечное и литейное дело. Надгробные плиты и кресты из металла поражают разнообразием размеров, форм, технологией изготовления. На большинстве надгробий конца XVIII-середины XIX века кресты небольшие по размеру и выполнены из металлических, преимущественно, железных пластин. Вторая половина XIX- начало XX века – это время появления литых железных и чугунных (реже из цветных металлов) надгробных крестов. И среди кованых, и среди литых крестов нередко встречаются подлинные шедевры, отличающиеся тонкой и ажурной работой.

Не меньшее восхищение искусством мастеров прошедших веков вызывают на здешнем кладбище металлические беседки и ограждения вокруг могил. Наиболее старые ограды сохранились вокруг могил середины XIX века. Особенно высоким художественным уровнем отличаются ограждения ручной кузнечной работы конца XIX века. Начало XX века отмечено высокохудожественным литьем из чугуна. Характерно, что некоторые могильные ограждения по технике изготовления и орнаменту напоминают

балконные ограды, которыми особенно богато старое Гродно. На кладбище сохранилось несколько ограждений в виде соединенных между собой высоких гранитных столбов. Лучше всех такое ограждение сохранилось вокруг могилы фольклориста и этнографа М.А. Дмитриева. В целом же, кресты и ограждения старого гродненского православного кладбища заслуживают специального изучения.

Гродненское православное кладбище предназначалось для захоронения в первую очередь жителей города православного вероисповедания, наличие же на надгробиях фамилий явно иноземного звучания, включая приставку «Фон», еще не означало, что покойник не был православным. Однако имели место случаи, когда разные по вероисповеданию члены одного семейства или родственники предавались кладбищенской земле на одном и том же месте. Часто, как это было в случае с уланом-майором Д.И.Джаксоном, такой единой «семьей» могла быть армейская, в целом православная в количественном отношении среда, или товарищество.

На кладбище покоятся представители всех социальных слоев православного Гродно. Между тем, достаточно даже бегло взглянуть на старинные надгробия, чтобы прийти к выводу, что здесь похоронены только наиболее зажиточные граждане. Однако это мнение справедливо лишь отчасти. Хоронили здесь своих родных и близких и представители наиболее обездоленной части жителей города, но следует понимать, что простой деревянный крест хранил память о погребенном не более трех-пяти лет. Необходимо также иметь в виду и то, что значительная часть христианского населения города еще сохраняла связь с землей, с деревней, а потому многие умершие из числа рабочих, ремесленников и прислуги, увозились для погребения в родные, близлежащие от Гродно деревни. Вместе с тем, следует признать, что из числа сохранившихся надгробий большая часть принадлежит чиновникам. На старом православном кладбище не похоронен ни один из более чем тридцати гродненских губернаторов: они как прибывали сюда по назначению свыше из различных регионов страны (преимущественно из тогдашних столиц - Москвы и Петербурга), так и уезжали все по тем же высоким указам, отбив на высоком губернаторском кресле от нескольких месяцев до 3-7 лет, на новые места, на покой, а то и к последней земной гавани. Для бывшего гродненского губернатора (1902-1903 гг.), выдающегося русского реформатора П.А.Столыпина таким местом упокоения стала ни московская, или петербургская земля, а древняя Киево-Печерская лавра. В то же время гродненская кладбищенская земля стала родной, своей для многих крупных губернских деятелей. Здесь, в частности, похоронены: председатель Гродненской палаты уголовного суда Анисимов М.М., управляющий Крестьянским поземельным банком, член Гродненского статистического комитета Диков П.М., Гродненский губернский архитектор (инженер) Дженева В.С., Гродненский губернский прокурор Пиксанов А.Е., почетный член Гродненского Софийского православного братства Будзилович И.И., начальник Гродненской женской Мариинской гимназии Борзаковский А.К., редактор «Гродненских губернских ведомостей» Богоявленский Д.В., председатель Гродненского окружного суда Вышеславцев Ф.М., чиновники Гродненского акцизного управления Грицаев Б.Г., Цвет А.Г.; члены Гродненского губернского правления Гусаков П.Г., Екатерининский В.И., Зайончковский С.И., Пашковский Е.И., Чеботов М.Е., директор народных училищ Гродненской губернии Дмитриев М.А., бухгалтер губернского управления Жолткевич И.К., губернский врачебный инспектор Кошелев В.В.; директор Гродненских повивальной и фельдшерско-акушерских школ Кемарский К.С., старший межевик Гродненского управления государственных имуществ Лобковский Г.В., чиновник этого же управления Тархов З.М., начальник Гродненского отделения Государственного банка Лосский Н.Н., управляющий почтовой частью в Гродненской губернии Мальцев С.А., губернский архитектор и инженер Небольсин В.Ф., городской голова Померанский Я.Я., губернский секретарь Погорецкий П.Г., чиновник Гродненской контрольной палаты Плисс В.А., гродненский гражданский инженер,

губернский архитектор Романов Н.Б. губернский врачебный инспектор Рейпольский А.Ф., директор Гродненской мужской гимназии Смородский, губернский секретарь Таврель М.Ф. управляющий Гродненской контрольной палатой Трофимович П.П., инспектор народных училищ Гродненской губернии Шиманович О.А., Гродненский городской голова Кузьмин М.А. и др. Их усилиями во многом и развивалась Гродненская губерния.

Вторая часть сохранившихся захоронений принадлежит представителям военного ведомства. В Гродно и в одноименной губернии традиционно дислоцировались крупные военные соединения: 26-я артиллерийская бригада, 26-й пехотный корпус, 101-й Пермский, 102-й Вятский, 103-й Петрозаводский, 104-й Устюжский, 171-й Кобринский, 63-й Угличский пехотные полки, 14-й уланский Ямбургский полк, несколько казачьих сотен и др.

Служившие в них офицеры и нижние чины издавна хоронились на православном кладбище. Среди них ряд представителей высшего офицерского корпуса: полковник Абрамов П.В., генерал-майор Баландович П.Л., старший врач 102-го Вятского пехотного полка, подполковник Бедрицкий П.Д., подполковник Баранов И.И., полковник 102-го Вятского пехотного полка Врочинский В.В., полковник 103-го Петрозаводского полка Волонцевич Я.Л., полковник 171-го Кобринского пехотного полка Волынский А.Ф., подполковник отдельного корпуса жандармов, помощник начальника Гродненского губернского жандармского управления Грибоедов Н.А., полковник 102-го Вятского пехотного полка Грегулевич К.Д., майор 14-го уланского Ямбургского полка Джаксон Д.И., генерал от инфатерии Зметнов Г.А., комиссар Гродненского военного госпиталя Зиневич В.Н., полковник 63-го Угличского пехотного полка Казин Д.Н., майор Староингерманландского пехотного полка Косач И.М., штабс-капитаны 26-й артбригады Кузьмин А.И. и Корнилович К.И.; генерал-лейтенант в отставке Казленинов П.Ф., полковник 102-го Вятского пехотного полка Лобанов С.В., старший врач Пермского пехотного полка Лазаревский-Вериго И.Ф., капитан 171-го Кобринского пехотного полка Мельницкий А.И., командир 101-го Пермского пехотного полка, полковник Михайлов В.Н., капитан 103-го Петрозаводского полка Никулин К.А., полковник 26 артбригады Прохорович В.П., штабс-капитан 101-го Пермского пехотного полка Речин И.П., генерал-лейтенант Сынгаевский Н.Н., генерал-лейтенант Савицкий М.А., штабс-капитан, военный инженер Гродненской инженерной дистанции Савельев И.Е., гродненский полицмейстер, подполковник Савицкий П.С., генерал-майор Саранча Д.Д., начальник гродненской тюрьмы, подполковник Сибиряков А.П., полковник Томилин А.Я., генерал-майор Фон-Цур-Милен, генерал-майор Федоров А.А. и др. Большинство из упомянутых генералов и офицеров были участниками Крымской войны 1853-1856 годов, русско-турецкой войны 1877-1878 годов, отдельные из них принимали участие в подавлении польского восстания 1863-1864 годов, а также в русско-японской войне 1904-1905 годов. Это подтверждают ордена и медали, которыми они были награждены. Удивительно, но среди старинных захоронений воинов-офицеров находится и одно надгробие, установленное рядовому солдату. Скромная надпись на небольшом гранитном надгробии, гласит: «Здесь погребено тело солдата Петра Шевчаника. Жил лет 63. Скончался февраля 5 дня 1881 года. Мир праху твоему». Привлекает своим лаконизмом и гранитная плита с надписью: «Благочестивый воин Никанор Стефанович Соколов. Умер 21 октября 1896 г.». Отдельные из памятников военнослужащим Гродненского гарнизона имеют хорошо сохранившиеся фотомедальоны. К примеру, с надгробия дивизионного врача 26-й пехотной дивизии, отца председателя Гродненского педагогического общества и редактора журнала «Педагогическое дело» Д.Н.Кропотова, на посетителей кладбища смотрит статный, пожилой человек в мундире, с орденами и медалями, полученными за ратный труд по защите Отечества. Среди погребенных на кладбище воинов большая часть умерла естественной смертью: от возраста, болезней и старых ран, но есть в их числе такие, кто пал от рук повстанцев 1863 года (майор И.М.Косач, подпоручик А.Ф.Клименко)

или революционеров-террористов в период революции 1905-1907 годов (подполковник Н.А.Грибоедов). На ряде офицерских памятников - слова благодарности от их подчиненных. Так на надгробии командира 4-го батальона 26-й артбригады Василия Прокофьевича Прохоровича, скончавшегося в 1894 году на 52-м году жизни, написано коротко и по-солдатски: «Отцу-командиру чины 4-го батальона 26-артбригады». Глядя на скромную могилу, капитана 103-го Петрозаводского полка, барона Александра Александровича Врангеля (1849-1887), так и хочется сказать: «Не тот, но из тех...».

Старое православное кладбище в Гродно - место упокоения и многих священнослужителей. Кроме епископа Брестского, викария Литовского Игнатия (Железовского) и матери архиепископа Иркутского и Якутского Нила - Марфы Носкович, здесь преданы земле: игуменя Афанасия (1792-1878) и Анастасия (1887-1897) – настоятельницы Гродненского Св.Рождество-Богородичного женского монастыря; протоирей – настоятель Софийского кафедрального Собора Петр Боричевский, священник Гродненской госпитальной церкви Никита (Георгиевский), протоиерей Софийского кафедрального собора Григорий (Кудрицкий), священник Вертелишского прихода Николай (Пачковский), протоиерей Василий (Беляев), и также монахини и послушницы местного женского монастыря. Здесь же, неподалеку от Свято-Марфинской церкви предан земле священник Минского кафедрального собора Павел (Крылов).

Своеобразным отражением православной традиции является и то, что все надписи на надгробиях лиц, похороненных на гродненском кладбище выполнены на русском языке. Исключением из нее является внушительных размеров гранитный памятник, воздвигнутый над могилами членов одной большой семьи в середине 1930-х годов. Надписи на памятнике сделаны на украинском языке: «Олександра Павловна Харченко народилась 2 травня 1852 р., померла 13 червня 1932 р., Иван Лукич Харченко (1858-1913), Елисавета Прокофьевна Харченко (1814-1904). Вічна їм пам'ять». В центральной части кладбища, справа от церкви имеется надгробие с надписью по-польски: «Barbara z Talentowicz Leszyłowska 1876-1932». Первая надпись по-белорусски на православном кладбище появилась в октябре 1992 года, когда на могиле матери поэта Максима Богдановича был установлен достойный имени матери и сына памятник (скульптор В.Пантелеев, архитектор А.Коптюг). Надпись на прекрасном, красного гранита надгробии предельно лаконична, ибо говорит о многом: «Багдановіч (Мякота) Марыя Апанасаўна (1869-1896), маці паэта».

На кладбище по улице Антонова покоятся и многие представители творческой интеллигенции: гродненский историк, краевед и педагог Е.Ф. Орловский, этнограф и фольклорист М.А.Дмитриев, ученый-филолог П.Н. Ковалевский, близкий товарищ писателя Всеволода Крестовского майор-улан Д.И.Джаксон, автор трудов о лесах и землевладениях Гродненской губернии П.И.Диков, педагоги-просветители А.К.Борзаковский, И.М.Будзилович, А.Д.Смородский; известные архитекторы-инженеры В.С. Дженеев, В.Ф.Небольсин, Н.В.Романов; знаменитые городские медики - К.С.Кемарский, А.Ф.Рейпольский, В.Б.Кошелев, К.И.Белецкий; редактор «Гродненских губернских Ведомостей» Д.В.Богоявленский и др. Их жизни и благородным деяниям посвящена следующая часть нашей книги.

Историческая и культурная ценность Гродненского православного кладбища видится прежде всего в его духовно-нравственной функции. «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам определяет основы человеческого бытия, верность духу жизни в совокупности ее материальных и идеалистических факторов. Но если о родном пепелище заботится сама жизнь, и эта любовь отвечает нашему эгоистическому принципу (я, моя семья), то об отеческих гробах никто не побуждает заботиться кроме сознания нравственного долга, совести. Свободная и бескорыстная память об усопших как

бы проверяет нашу зрелость, и оказывается - или мы возвращаем ее в себя, или роковым образом разрываем со сферой подлинно нравственного.

Разоренность и известная запущенность гродненского, да и других кладбищ, - прямое следствие печального падения нравов, вызванного общим критическим состоянием нашего общества. Поминование мертвых с тех пор, как оно частично потеряло свою религиозную основу, не получило иной сколько-нибудь прочной основы ни в нравственном, ни в ритуальном смысле. Память - «свойство души хранить сознание о былом». Лучше, чем у Даля, не скажешь. Но это свойство необходимо воспитывать. Разрушение религиозного сознания не приводит к автоматическому замещению его новыми ценностями. Это долгий и сложный процесс.

Кладбище - мир огромный и любое прикосновение к нему выявляет в нем множество взаимосвязанных уровней: религиозный, мистический, нравственный, культурный, общественный, материальный, финансовый, экологический, административный, уголовный...⁴³ И все-таки главнейший из перечисленных уровней - религиозный. На наш взгляд, кладбищу необходимо вернуть традиционный религиозный статус, возвратить его в ведение Православной Церкви, ибо Церковь лучше нас ведаёт, что ей делать, дабы вернуть кладбищу приличествующий ему облик и благочинный строй, и здесь необходимо положиться на ее тысячелетний опыт. Пора понять, что не отдельные надгробия, а кладбище в целом (с посещаемыми и непосещаемыми могилами, с его природным ландшафтом) является уникальным памятником истории и культуры. Православный некрополь не только составляет неотъемлемую часть города, но и представляет собой особое пространство, которое должно стать неприкосновенным как целое. Сохранение и восстановление тончайшей материи кладбища, сотканной тайной человеческой смерти, невозможно без повышения уровня духовности человеческого общества в целом.

Православное кладбище (переулок Победы).

Это кладбище, как и соседнее католическое, было основано во второй половине 60-х - начале 70-х годов XIX века в занеманской части города. Похороны православных и католиков осуществлялись в разных частях в выделенного под кладбище земельного участка, попечительство над которыми осуществляли с католической стороны - Францисканский костел, а с православной - Свято-Владимирская церковь. В 1882 году верующие Францисканской парашии (прихода) обнесли свою часть кладбища оградой из бутового камня, вероятно, еще раньше здесь была возведена каплица (часовня), а стараниями некоего Стецкевича были не только расширены границы кладбища, но и построен домик для его смотрителя. В 1896 году была обнесена оградой и православная часть кладбища, а в 1903 году здесь была построена деревянная часовенка, которая, по свидетельству старожилов, сгорела в ходе оборонительных боев за город в годы первой мировой войны.

Из сохранившихся к настоящему времени надгробий на католическом кладбище самое старое датируется 1876 годом, а на православном - 1902 годом. Этот наиболее старый из обнаруженных памятников, изготовленный из местного розового гранита, отмечен надписью: «Прах рабы Божией Елизаветы Стефанович. Жила 61 год. Скончалась 1900 г. 17 января». Это и другие надгробия начала XX века выглядят значительно скромнее в сравнении с памятниками на могилах гродненцев, похороненных на центральном городском православном кладбище. И это неудивительно, так как в занеманской части Гродно, на так называемом Форштадте, обеспеченных людей из числа чиновников и воинства проживало значительно меньше; здесь преимущественно хоронили покойников из числа жителей близлежащих деревень (Колбасино, Скоморохи и

др.). Каменные надгробия в форме креста или невысокого обелиска, увенчанного металлическими крестом, редко чугунные плиты, уложенные на земле под небольшим углом, сохранили на себе немудреные надписи. К наиболее древним из них необходимо отнести следующие: «Павел Пикула жил лет 63, умер 23 апреля 1905 г.», «Мария Семеновичова. Жила лет 42, умерла 17 ноября 1905 г.», «Мария Антоновна Сорокава, жила лет 47, умерла 25 ноября 1912 года». Простое происхождение покоящихся здесь гродненцев подтверждает и уровень грамотности создателей надгробий.

Достаточно значительный в архитектурном плане и по своим размерам памятник-obelisk установлен на могиле Петра Осиповича Сороко (1859-1913), а также похороненных здесь же в последующие годы членов его семьи. Вероятно, по этой причине данное надгробие более других хранит на себе шрамы двух отгремевших мировых войн. Примечательно, что если эпитафии на надгробиях этой поры носят в себе те, или иные следы религиозности народа, то последующие, т.е. советского времени, сводятся лишь к выражению скорби и печали в связи с кончиной родных или близких людей, чаще всего сводимого к такого рода рифмованным строкам: «Ты ушла (ушел) из жизни навсегда, но тебя мы не забудем никогда». Неподалеку от входа на занеманское православное кладбище предан земле протоиерей Св.Владимирской церкви Леонтий Гучок, ранее служивший в церкви Св. Великомученицы Параскевы в селе Бершты Скидельского благочиния. Благодаря стараниям священнослужителей Св.Владимирской церкви и членам существующего при ней православного братства, а также близлежащих предприятий, это кладбище оставляет впечатление достаточно ухоженного.

Православные захоронения на Гродненском военном кладбище (улица Белуша).

В конце XIX - начале XX веков православных христиан хоронили не только на главном городском кладбище (по улице Антонова-Иерусалимской). Новым местом погребения военнослужащих Гродненского гарнизона в это время стало военное кладбище, которая находилось на улице Форштадской, а ныне на улице Белуша. Касательно времени его основания существуют различные мнения, но тот факт, что часть солдат и офицеров гарнизона находила свое последнее земное пристанище именно здесь, начиная с 80-х годов XIX века, является мнение, вполне установившееся среди историков и краеведов. К сожалению, время не сохранило надгробий, которые бы визуальным образом подтверждали этот факт. К числу наиболее близких к вышеназванному периоду можно отнести сохранившуюся здесь часовню-усыпальницу - замечательный памятник кладбищенской архитектуры. Сооружена она была в 1896 году над могилой генерал-майора русской армии Александра Александровича Руссау (1843-1896). Судя по всему этот человек занимал видное положение в тогдашней военной, гражданской и общественной жизни города и уезда. В «Памятной книжке» Гродненской губернии за 1894 годы о нем имеются следующие сведения: «А.А. Руссау - уездный предводитель Гродненского дворянства, почетный мировой судья, член местного отделения Литовского епархиального училищного совета, воспитывался в Константиновском военном училище, на службе 35 лет, в должности с 1885 года, отставной генерал-майор, был награжден орденом Св.Владимира 3 и 4-й степеней с бантом, Св.Анны всех 3-х степеней, медалью в память Крымской войны 1853-1856 годов, а также усмирения польского мятежа 1863-1864 годов, на службе 35 лет, в должности с 1885 года».

Историк архитектуры А.Н.Кулагин относит часовню-усыпальницу А.А. Руссау к памятникам архитектуры ретроспективного готического стиля. Последнее обстоятельство вместе со сведениями о принадлежности отставного генерала к лютеранскому

исповеданию, не помешало А.Н.Кулагину причислить этот памятник к православным храмам Беларуси: «Центрическое квадратное в плане строение с 4-гранным черепичным шатром и с оконными проемами на крыше. Грани прорезаны стрельчатыми оконными проемами и завершены 2-гранными щипцами с кремальерными фризами, круглыми розетками с готическим переплетением решеток, крестами на постаментах. Углы центричного объема скреплены 2-ступенчатыми контрфорсами-пилонами, заканчивающимися 4-х гранными шатровыми фиалами. Стрельчатый входной портал с кованными дверями, как и оконные лиштвы, имеют перспективный вид. Архитектурные обломы (выкружки, карнизы, ниши) эффектно выполнены средствами высококачественной художественной кирпичной кладки. Внутри на алтарной стене замурована чугунная мемориальная плита. На ней надпись: «Генерал-майор Александр Александрович Руссау. Родился 13 февраля 1834г., скончался 6 октября 1896 г.». Камора часовни перекрыта сферическим склепением, стены крапированы арками». Кто был автором проекта, распорядителем работ и непосредственными исполнителями-каменщиками, кузнецами, плотниками - нам пока не известно, но то, что это были мастера своего дела нет необходимости доказывать, ибо весь облик памятника - яркое свидетельство тому.

Сохранилось на воинском кладбище еще одно из православных надгробий той далекой поры. Это памятник из черного гранита, установленный на могиле капитана 26-й артиллерийской бригады Владислава Петровича Станкевича, умершего 21 сентября 1912 года 34 лет от роду. Изготовленный в мастерской отца и сына Качанов, он и сегодня еще не растерял своего бывшего величия и красоты, даже лишившись венчавшего надгробие креста, артиллерийской эмблемы, изготовленных из бронзы, а также медальона с портретом молодого офицера. И лишь помятая и наспех окрашенная к какому-то официальному мероприятию некогда красивая ограда внешне еще стремится сохранить остатки прекрасного творения с художественно исполненным на лицевой стороне памятника библейским текстом: «Азь есмь воскресени в живот: веруй в мя, аще и умрет, оживет». Имеется на воинском кладбище еще и мемориальная памятная доска с надписью, подтверждающей тот факт, что здесь хоронили православное воинство периода первой мировой войны. Сегодня никаких других внешних свидетельств тому, увы, уже не сохранилось.

ГЛАВА III. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИТЕЛЯХ Г.ГРОДНО И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ МЕСТНОГО ГАРНИЗОНА, ПОХОРОНЕННЫХ НА ГОРОДСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ КЛАДБИЩАХ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ.

*Ты всемогущ, а я бессильный,
Ты царь миров, а я убог,
Бессмертен Ты – я прах могильный,
Я быстрый миг – ты вечный Бог*
И.И. Козлов

Православное кладбище (улица Антонова, ранее Иерусалимская)²

Абрамов Павел Вуколович (1844-1905), полковник.

Адамович Трофим Викентьевич (1825 - ?).

Александров Симеон Николаевич (1866-1898), поручик 171-го Кобринского пехотного полка.

Алексеев Осип Петрович (скончался в 1907 году, дата рождения не указана) коллежский ассессор, член Гродненского Софийского православного братства.

Аммон Павел Федорович (1871-1901).

Анастасия, игуменья (1837-1897), настоятельница Гродненского Свято-Рождество-Богородичного женского монастыря.

Андреев Александр Иванович (1836-1880), коллежский ассессор.

Андреев Никанор Андреевич (1808-1913), жил 105 лет.

Андреев Исаакий Андреевич (1833-1896).

Андреева Мария Еразмовна (1841-1914), жена Н.А.Андреева.

Анисимов Максим (1777-1849), председатель Гродненской палаты уголовного суда, статский советник, кавалер многих орденов, прослуживший на государственной службе 58 лет.

Арендт Александр Петрович (1879-1905), служащий Гродненский почтово-телеграфной конторы II-го класса.

Артецкая Франциска Антоновна, урожденная Харламович (1825-1892), жена чиновника Гродненского губернского правления Артецкого, выпускника Литовской духовной семинарии; награжденного по службе орденом Св.Станислава 3-й степени, медалью в память о событиях 1863-64 годов, местного уроженца, на службе 24 года, в должности с 1867 года, члена Гродненского Софийского православного братства. Артецкая Ф.А. имела дочь Наталью (род. в 1858 году) и сына Владимира (род. в 1861 году).

Ассанович Елена Ивановна (1855-1874), жена гродненского чиновника.

² В настоящий перечень внесены лишь те упокоившиеся гродненцы, чьи имена сохранились на надгробиях, упомянутых выше православных кладбищ. Дополнительные сведения о них почерпнуты из «Памятных книжек Гродненской губернии» за 1870-1915 годы и формулярных списков чиновников города, хранящихся в фондах Национального исторического архива Белоруссии (НИАБ) в г. Гродно. Автор с благодарностью примет любые уточнения к составленному им перечню.

Афанасия, игуменья (1792-1878), настоятельница Гродненского Свято-Рождество-Богородичного женского монастыря.

Бажанов Петр Андреевич (1853-1894), гродненский чиновник.

Бажанова Евгения Алексеевна (1857-1891), жена П.А. Бажанова. Общее надгробие для супругов изготовлено в мастерской Б.Шишкевича.

Баландович Петр Львович (1851-1911), генерал-майор, сын священника Зельвенской приходской церкви Льва Баландовича.

Баньковская Евгения Михайловна (1882-1907), жена адъютанта 4-го саперного батальона подпрапорщика В.А.Баньковского.

Баранов Иван Иванович (1846-1899), подполковник 26-й артбригады.

Батюшева Тереза Вартановна (1857-1890), жена составителя карт Гродненского управления топографической съемки И.В. Батюшева, коллежского асессора, награжденного орденами Св.Анны и Св.Станислава 3-й степени, в должности с 1886 г. Похоронена вместе с дочерью Ниной (1882- 1890).

Бедрицкий Павел Дмитриевич (1847-1902), старший врач 102-го Вятского пехотного полка, окончил Московский университет, в должности с 1885 года, награжден орденами Св.Анны и Св.Станислава 2 и 3-й степеней.

Безденский Осип Васильевич (1810-1881), гродненский мещанин.

Безюк Филипп (1863-1925), настоятель Поречской православной церкви, сын члена Гродненского православного Софийского братства (1898) Е.Я.Безюка.

Белецкая Жозефина Михайловна (скончалась в 1908 г.), жена Белецкого В.И.

Белецкий Константин Иокимович (1874-1926), выпускник Гродненской мужской гимназии, один из учеников историка Е.Ф. Орловского, популярный в городе врач.

Белина Александра Дмитриевна (1829-1885), жена священника Гродненского военного госпиталя.

Белинская Олимпиада (скончалась в 1908 г.), вдова диакона.

Белов Павел Дмитриевич (1840-1913), старший врач 63-го Углицкого пехотного полка (в отставке).

Беляев Апполон Михайлович (1814-1871), полковник.

Беляев Василий Иванович (1874-1952), протоиерей, священствовал в Виленско-Литовской и Гродненской епархиях на протяжении 56 лет.

Бем Коля (1895-1909), суворовский кадет.

Блинов Леонид Андреевич (скончался в 1901 году), гродненский чиновник.

Блинова Мария Александровна (1823-1905), жена Л.А. Блинова.

Богданов Лев Николаевич (1867-1905), гродненский чиновник.

Богданович (Мякота) Мария Афанасьевна (1869-1896), мать поэта Максима Богдановича и жена этнографа А.Е.Богдановича (1862-1940).

Богоявленский Дмитрий Васильевич (1842-1870), коллежский секретарь, редактор «Гродненских губернских ведомостей», смотритель губернской типографии, на службе с 1864 года.

Болдовский Степан (1871-1903), гродненский мещанин.

Болотина Люда (1871-1874), дочь чиновника управления государственных имуществ по Гродненской губернии Я.Л.Болотина, награжденного орденом Св.Анны 3-й степени, в должности с 1867 года.

Борецкая Мария Алексеевна (1842-1913).

Борзаковский Андрей Корнильевич (1849-1929), бывший начальник Гродненской женской Мариинской гимназии, кандидат Киевской духовной академии, в должности с 1887 года, награжден орденами Св.Анны и Св.Станислава 3-й степени, с 1905 г. председатель Гродненского литературно-музыкального общества, член Гродненского Софийского православного братства.

Боричевская Сынклетия Лазаревна (скончалась в 1849 г.), жена П.С. Боричевского.

Боричевский Петр Самуилович (скончался в 1853 г.), протоиерей Гродненского Софийского собора.

Борковская Анна (1806-1858), жена статского советника Н.И.Борковского.

Бубен Вера Михайловна (скончалась в 1904 г.), жена фельдшера, рядом с ней похоронены дочери Ева и Елизавета.

Будзилович Иван Иванович (1848-1911), статский советник (1890), преподаватель математики в Гродненской мужской гимназии, председатель правления Гродненской публичной библиотеки, окончил Московский университет, награжден орденами Св.Анны и Св.Станислава 3-й степени, в должности с 1875 года, почетный член Гродненского Софийского православного братства (1898).

Буслаев Василий Иванович (1844-1906), член Гродненского православного Софийского братства.

Вакуленко Макарий Максимович (1823-1896), гродненский мещанин.

Васильев Александр (1867-1939), гродненский чиновник.

Васильев Андрей Федорович (1837-1872), штабс-капитан 103-го Петрозаводского полка, окончил Константиновский кадетский корпус, награжден медалями в память о Крымской войне 1853-1856 годов и за усмирение польского мятежа 1863-1864 годов.

Васильев Прокопий Федорович (1867-1913), полковник в отставке.

Васильковская Александра Александровна (1813-1905), жена В.И. Васильковского.

Васильковский Владимир Иванович (скончался в 1891 г.), гродненский чиновник.

Верман Мария Николаевна (1832-1907).

Верчик Иван Дмитриевич (1843-1896), капитан, командир 1-й роты 103-го Петрозаводского пехотного полка.

Вершинин Сережа (скончался в 1904 г.), младенец.

Вестли Володя (1888-1904), ученик VI класса Гродненской мужской гимназии, сын штабс-капитана А.Э. Вестли, командира 8-й роты 171-го Кобринского пехотного полка, лютеранского вероисповедания.

Виноградова Анна Викентьевна (1840-1882), жена фельдфебеля 103-го Петрозаводского пехотного полка М.И.Виноградова.

Витковский Георгий Игнатьевич (1839-1874), капитан Беломорского пехотного полка.

Владимиров Василий Петрович (1831-1879), действительный статский советник.

Войнов Николай (1826-1873).

Волков Егор Иванович (1845-1879), бухгалтер Седлецкого казначейства, брат П.И.Волкова.

Волков Петр Иванович (1844-1900), управляющий Эстляндской контрольной палаты. В 1882 году - надворный советник, награжден орденами Св.Анны 3-й и Св.Станислава 2-й степенями, окончил Бежицкое уездное училище, женат, на службе с 1860 года, в Северо-Западном крае с 1864 года, в должности с 1879 года, являлся членом Совета Гродненского Софийского православного братства и членом правления Гродненской публичной библиотеки.

Волкович Александр Михайлович (1879-1908), чиновник, сын земского начальника 2-го участка г. Кобрин.

Волонсевич Яков Лукич (1844-1939), полковник-эмерит (т.е. в отставке), в 1909 - командир 4-й батареи 103-го Петрозаводского пехотного полка, участник первой мировой войны.

Волчек Гликерия Григорьевна (1857-1911), жена фельдшера А.Н. Волчека.

Волынский Игнатий Станиславович (1851-1900), подполковник 171-го Кобринского пехотного полка, в 1897 году - командир 3-го батальона, награжден орденами Св.Станислава 3-й и 4-й степеней с надписью «За храбрость», проживал на Татарской площади в доме Будрика.

Врангель Александр Александрович (1849-1887), барон, капитан 103-го Петрозаводского пехотного полка, из рода прибалтийских немцев Врангелей.

Врочинский Виктор Викторович (1839-1890), полковник 102-го Вятского пехотного полка, в 1896 году - командир батареи, награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава 2 и 3-й степени, медалями в память Крымской войны 1853-56 годов и русско-турецкой войны 1877-1878 годов, воспитывался в частных учебных заведениях, на службе 32 года, в должности с 1878 года.

Выготский Василий Иванович (1844-1891), надворный советник.

Вышеславцев Федор Михайлович (1846-1909), председатель Гродненского окружного суда, выпускник Московского университета, в должности с 1883 года, на службе 35 лет, почетный мировой судья съезда мировых судей губерний, член Совета Гродненского благотворительного общества и Гродненского православного Софийского братства, награжден орденами Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Станислав 1-й и 2-й степеней, знак Российского общества Красного креста.

Галабурда Танечка (скончалась в 1901 г.), младенец.

Галкин Алексей Алексеевич (1844-1895), гродненский чиновник.

Гарабурда Ольга (скончалась в 1890 г.), младенец.

Гарабурда Владимир (скончался в 1900 г.), младенец.

Гасс Агафья Иосифовна (1831-1899), жена полковника М.С.Гасса, служившего до переезда в Гродно начальником архива Виленского военного округа, награжденного орденом Св. Станислава 3-й степени и медалью в память о Крымской войне 1853-1856 годов, в должности с 1873 года.

Гасс Вера (1857-1885), дочь М.С.Гасса.

Гасс Евгения Викторовна (1856-1897), дочь А.И. Гасс.

Гейзер Евгений Владимирович (1872-1895), подпоручик корпуса военных топографов и Гродненской губернской топографической съемки.

Гейштор Анна (1820-1894), жена православного священника.

Георгиевский Никита (без дат), священник Гродненской военной госпитальной церкви.

Гертриг Анна Робертовна (1835-1910), жена полковника А.Х. Гертрига.

Гладыш Иосиф Викентьевич (1850-1912), кассир Гродненского губернского казначейства, выпускник Псковского военного училища, в должности помощника бухгалтера Гродненской казенной палаты с 1893 года, награжден медалью в память царствования императора Александра III.

Глебов Александр Андреевич (1832-1910), отец директора Гродненской мужской гимназии И.А. Глебова.

Глик Николай Павлович (1876-1897).

Глобачев Иван Иванович (1776-1816), гродненский чиновник, его внук К.И.Глобачев в 1905 году служил ротмистром в Гродненском губернском жандармском управлении.

Голбан Мария Ивановна (сконч. в 1898 г.), жена чиновника.

Голосов Алексей Александрович (1831-1881), чиновник Гродненской контрольной палаты, коллежский асессор, окончил Бежицкое уездное училище, в крае с 1865 года, в должности с 1878 года, награжден медалью в память о Крымской войне 1853-1856 годов.

Горбачевский (1845-1873), гродненский мещанин.

Горяинов Николай Фомич (1822-1887), статский советник, чиновник Гродненского губернского правления.

Гоферлян Любовь Моисеевна (1805-1865), жена полковника и сестра вдовы доктора А.М.Краскова.

Гречулевич Каллистрат Данилович (1852-1912), из дворян Подольской губернии, обучался в Московской прогимназии, полковник, в 1899 году - командир 11-й роты 102-го Вятского пехотного полка, в последние годы военной службы - заместитель начальника штаба Гродненского крепостного пехотного батальона, награжден орденом

Св.Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а также медалью в память царствования императора Александра III, член Гродненского православного Софийского братства.

Грибоедов Николай Антонович (1866-1906), из потомственных дворян, родился в Вильно, окончил Псковский кадетский корпус, подполковник отдельного корпуса жандармов, с 1905 года - помощник начальника Гродненского губернского жандармского управления по Гродненскому, Слонимскому и Волковыскому уездам, с 1906 - - по Белостокскому и Сокольскому уездам. Убит террористами при исполнении служебных обязанностей 23 августа 1906 года.

Григорьева (Савко) Ольга Мартыновна (1882-1906), жена инженера-капитана А.Ф.Григорьева, окончившего Петербургское Михайловское училище, на службе 29 лет, в должности с 1871 года.

Грицаев Василий Герасимович (1850-1894), чиновник Гродненского акцизного управления, выпускник Киевского университета, на службе 15 лет, в должности с 1887 года.

Громадский Иосиф Иванович (1846-1928), отец архиепископа Гродненского и Новогрудского (1923-1934) Алексия (Громадского), погибшего в 1943 году от рук украинских националистов в Закарпатье.

Гундерина Александра Ивановна (1803-1871), жена бухгалтер Гродненского губернского правления, почетного гражданина П.А. Гундерина, окончившего Устюжское уездное училище, в крае с 1857-го года, в должности с 1868 года.

Гусаков Павел Егорович (1846-1893), надворный советник, награжден орденом Св.Станислава 2 и 3-й степеней, на службе 26 лет, в должности с 1888 года.

Давыдова Наталья Матвеевна (без дат), родственница супругов Боричевских.

Демьянович Осип Павлович (1821-1893), директор народных училищ Гродненской губернии.

Денкин Сергей Ильич (1898-1906), младенец.

Дешковский Иосиф Иванович (1855-1903), штаб-капитан, командир 14-й роты 102-го Вятского пехотного полка, его отец – Иоанн Дешковский служил священником в Подоросской приходской церкви Волковыского благочиния.

Джаксон Даниил Иванович (1823-1871), майор, командир 2-го эскадрона 14-го уланского Ямбургского полка, окончил Московский университет, исповедания англиканского, на службе 20 лет, награжден медалью в память Крымской войны, близкий товарищ писателя В.В.Крестовского, один из персонажей его «Очерков кавалерийской жизни» (СПб, 1892), умер предположительно от эпидемии холеры, охватившей в 1871 году г. Гродно. Памятник над могилой офицера, установленный однополчанами, выполненный в форме надломленной белой мраморной колонны, на постаменте имеет надпись «Товарищи доброму товарищу».

Дженеев Василий Степанович (1799-1877), губернский архитектор (инженер), статский советник, принимал совместно с Гурьевым в разработке и реализации проекта строительства Свято-Александро-Невской церкви Гродно (1866-1871).

Диков Павел Михайлович (скончался в 1905 г.), отставной генерал-майор, воспитывался в Ришельевском лицее, окончил Николаевскую академию Генерального штаба, в Гродно с 1877 года, занимал должности секретаря, а затем действительного члена Гродненского губернского статистического комитета, подготовил и издал труды «Сведения о лесах Гродненской губернии, собранные губернским статистическим комитетом в 1882 г.» (Гродно, 1882), «Список землевладений в Гродненской губернии» (Гродно, 1890) и др. Статский советник, награжден орденом Св.Станислава 3-й степени и медалями в память Крымской войны 1853-1856 годов и за усмирение Венгрии и Трансильвании. В последние годы жизни являлся управляющим крестьянским поземельным банком, почетным мировым судьей (1903), проживал по ул.Садовой в доме Эйсмонда.

Дирша Ванечка (1899-1910), ученик Гродненской мужской гимназии, сын присяжного поверенного Гродненского окружного суда Н.Ф.Дирши.

Дмитриев Михаил Алексеевич (1832-1873), директор народных училищ Гродненской губернии, этнограф, фольклорист педагог. Окончил Главный педагогический институт в Петербурге. С 1853 года учитель дворянского училища, затем директор Новогрудской гимназии. С 1867 по 1873 годы - директор Гродненской дирекции народных училищ. Член Русского географического общества. Исследовал материальную и духовную культуру крестьян Гродненской губернии.

Дмитриев Петр Андреевич (скончался в 1837), коллежский советник.

Дмитриева Мария (1860-1879), дочь М.А.Дмитриева.

Дмитриевский Николай Петрович (1872-1912), член Гродненского окружного суда, жил на Коложанской улице в доме Левандовского.

Добашинская Александра Ивановна (1849-1898).

Добровольская Вера Варфоломеевна (1855-1879).

Добротворская София Ивановна (1888-1910).

Доброхотов Слава (25 апреля 1868 - 12 июня 1868), младенец, сын станового пристава С.П. Доброхотова, окончившего Курскую гимназию, на службе 27 лет, в Гродно с 1866 года.

Дунин-Марцинкевич Дмитрий (1879-1388), младенец. Братья Петр и Дмитрий являлись детьми Юлиана Казимировича Дунина-Марцинкевича, коллежского регистратора Гродненского губернского правления.

Дунин-Марцинкевич Петр (1834-1886), младенец. На могиле установлен памятник, изготовленный в мастерской Б. Шишкевича.

Дюбют Агрипина Александровна (скончалась в 1866г.).

Екатеринский Всеволод Иванович (1886-1913), чиновник особых поручений при Гродненском губернском правлении, исполнял также обязанности секретаря Гродненского округа Императорского Российского общества спасения на водах, проживал по ул. Палатской в доме Гожанского.

Ермолаев Николай Петрович (1867-1908), капитан, командир 2-й роты 171-го Кобринского пехотного полка.

Железовский Игнатий (Исаков), епископ Брестско-Литовской епархии (1800-1872), наместник Гродненского Борисо-Глебского мужского монастыря. Погребен в катакомбах Свято-Марфинской кладбищенской церкви.

Животовская Людмила Никифоровна (1839-1870), жена надзирателя 1-го округа (Гродненского и Сокольского уездов), надворного советника А.О.Животовского окончившего Полтавскую гимназию, на службе 20 лет, в Гродно с 1866 года.

Жилинская (Вейшин-Мурдас) Вера Григорьевна (1820-1902), вдова генерал-майора Ф.А. Жилинского.

Жиромская Елена (скончалась в 1897 г.),младенец.

Жиромский Дионисий Евстафьевич (скончался в 1896), чиновник Гродненского уездного полицейского управления, окончил Жировицкое духовное училище, в должности с 1874 года.

Жиромский Валериан Иеронимович (скончался в 1881 г.).

Жиромский Владислав Евстафьевич (скончался в 1899г.).

Жолткевич Иван Клементьевич (1820-1895), бухгалтер Гродненского губернского акциозного управления, титулярный советник, на службе 27 лет, в должности и в крае с 1868 года.

Жолткевич Мария Доминиковна (1832-1871), жена И.К.Жолткевича.

Жуковская Мария Антоновна (скончалась в 1906 г.).

Забелло Павел Францевич (1849-1935).

Забржицкая Елена, 11 лет.

Заёнчковская (Артецкая) София (1845-1882).
Зайончковский Симеон (1827-1866), титулярный советник.
Зайцев Александр Терентьевич (скончался в 1862 г.).
Зайцева Анна Александровна (скончалась в 1917г.), дочь помощника кассира Гродненского отделения Госбанка.
Зайцева Антонина Васильевна (1873-1912), жена статского советника.
Зайцева Екатерина (скончалась в 1860 г.), младенец.
Замбржицкая Евгения, 7 лет.
Замбржицкий Николай, 2 года.
Замятин Александр Данилович (1821-1880), коллежский регистратор, в 1870 году домашний учитель, затем в ведомстве по организации судоходства и строительства речной пристани на реке Неман, выпускник Гродненской мужской гимназии.
Захаревская Ольга Васильевна (1850-1914), вдова священника.
Захарова (Раковская) Екатерина Антоновна (1854-1894).
Зелько Владимир Яковлевич (1876-1899, сын старшего учителя 1-го церковно-приходского училища Я.Я. Зелько, выпускника Молодеченской учительской семинарии.
Зиневич Александр Васильевич (1874-1893), сын В.Н.Зиневича.
Зиневич Василий Николаевич (1833-1897), бухгалтер-комиссар Гродненского военного госпиталя, коллежский асессор, на службе 28 лет, в крае с 1869 года, в должности с 1879 года, награжден орденами Св. Анны и Св.Станислава 3-й степени, медалью в память войны 1853-1856 годов.
Змеева Мария (1857-1860), дочь гродненского полицмейстера И.П.Змеева, похоронена у стены Св. Марфинской церкви.
Зметов Георгий Александрович (1859-1913), генерал от инфантерии.
Иванов Иван Васильевич (1857-1907), статский советник, член Гродненского православного Софийского братства.
Иванов Павел Федорович (1903-1909), младенец.
Игнатов Иван Илларионович (1820-1907), действительный статский советник, член Гродненского православного Софийского братства.
Иллария (1857-1927), монахиня Рождество-Богородичного монастыря в г.Гродно.
Кавецкая Мария Михайловна (1853-1910) и младенец Аркадий (скончался в 1908 г.), жена и внук старшего ревизора Гродненской контрольной палаты Д.П.Кавецкого.
Казин Дмитрий Нилович (скончался в 1913), командир 63-го Углицкого пехотного полка (штаб-квартира в г.Соколке).
Казленинов Петр Федорович (1800-1873), генерал-лейтенант.
Калиновская Ольга Оттоновна (1850-1912).
Карбовская Екатерина Федоровна (скончалась в 1886 г.).
Карбовская Софья Петровна (скончалась в 1895 г.).
Качан Василий Андреевич (1843-1910), владелец мастерской по изготовлению надгробий, известный в городе мастер.
Качан Ольга Степановна, жена Качана В.А., 76 лет.
Качан Осип Васильевич (1874-1910), сын В.А.Качана, мастер по изготовлению надгробий.
Качинский Антон Яковлевич (1831-1908)
Кашпровский Виктор Иванович (1852-1921), до 1815 г. чиновник Гродненского окружного суда.
Квятковская Вера (1902-1911).
Квятковский Борис (1890-1911).
Кемарская Александра Ивановна (1857-1904), жена К.С.Кемарского, член Гродненского православного Софийского братства.

Кемарская Мария Семеновна (1839-1898), сестра директора Гродненской повивальной школы, доктора К.С.Кемарского.

Кемарский Константин Семенович (1847-1922), директор Гродненской повивальной школы (1877-1910) и Гродненской акушерско-фельдшерской школы (1910-1919), окончил Харьковский университет, на службе в Гродно с 1877 года, с 1915 по 1919 годы жил и работал в г. Калуге, а затем вернулся на родину, являлся активным членом Общества врачей Гродненской губернии и Гродненского православного Софийского братства.

Кириллов Василий Кириллович (скончался в 1881 г.), городской пристав, титулярный советник, окончил Московский кадетский корпус, в должности с 1864 года, награжден медалями в память кампании 1853-1856 годов и усмирения восстания 1863-1864 годов.

Киселевский Михаил Платонович (1832-1860).

Клавсут Анна Лаврентьевна (1886-1910), жена коллежского регистратора, почтово-телеграфического чиновника 3-го разряда Гродненской почтово-телеграфной конторы.

Клеменко Андрей Федорович (1815-1863), подпоручик, погиб в бою с повстанцами.

Ковалевская Вера Ивановна (1883-1906).

Ковалевский Иван Игнатьевич (1846-1916), отец Ковалевского П.И., преподаватель Свислочской учительской семинарии, основатель в Свислочи первой обще доступной библиотеки.

Ковалевский Петр Иванович (1883-1966), выпускник Гродненской мужской гимназии и Петербургского историко-филологического института, с 1948 по 1961 - преподаватель Гродненского госпединститута (университета).

Кожевников Михаил Николаевич (скончался в 1907 г.), статский советник.

Кожевникова Елена Семеновна (1857-1893).

Козловский Виктор Михайлович (1866-1925), митрофорный настоятель Гродненского кафедрального собора, член Софийского православного братства (1898).

Козьмин Михаил Апполинарьевич (1841-1895), Гродненский городской голова, коллежский советник.

Козьмина Поля (скончался в 1889 г.), младенец.

Козьмина Софья Павловна (1870-1889).

Колодчевская Анна Михайловна (1847-1894), жена П.И.Колодчевского - судебного следователя Гродненского уезда, выпускника лицея князя Безбородко, на службе 27 лет, в должности с 1883 года, награжден орденом Св.Станислава 3-й степени.

Колчина Елизавета Федоровна (1825-1907).

Коляда Мина Евтухов (1811-1903).

Кондратюк Григорий (1864-1885).

Коптева Мария Михайловна (1856-1892), жена П.С.Коптева - капитана, командира 3-й роты 171-го Кобринского пехотного полка.

Корнилович Константин Ипполитович (1850-1889), штаб-капитан 26-й артиллерийской бригады.

Корсунский Илья Егорович (1845-1909), член Гродненского православного Софийского братства.

Косач Иван Моисеевич (1820-1863), майор пехотного полка. Погиб в бою с повстанцами.

Кошелев Василий Васильевич (1856-1925), действительный статский советник, доктор медицины, губернский врачебный инспектор, член Гродненской санитарной исполнительной комиссии, директор детского приюта Гродненского благотворительного общества, председатель Совета Софийского православного братства, член местного отделения Российского общества «Красного Креста», попечительского совета Гродненской общины сестер милосердия, правления Гродненского благотворительного общества, член правления кассы взаимопомощи Софийского братства, правления ссудно-сберегательной кассы чиновников Гродненской казенной палаты. В 1925 году - основатель и первый председатель Русского Благотворительного общества (РБО).

Кошелев Евгений Васильевич (1886-1909), сын В.В.Кошелева.
Кошелева Юлия Устиновна (1868-1924), жена В.В.Кошелева.
Крамковский Яков Андреевич (1804-1864), церковнослужитель.
Красков Александр Моисеевич (1807-1863), доктор, надворный советник.
Кропотов Николай Сергеевич (1848-1908), дивизионный врач 2-й пехотной дивизии, отец председателя Гродненского педагогического общества и редактора журнала «Педагогическое дело» Кропотова Д.Н.
Крупенников Аркадий (скончался в 1889 г.).
Крылов Павел Иванович (скончался в 1903 г.), священник Минского кафедрального собора, брат Ф.И.Крылова; сын П.И.Крылова - Константин Павлович Крылов, являлся учителем пения в Гродненской мужской гимназии.
Крылов Федор Иванович (1809-1891), коллежский советник.
Кудрицкая Ольга (1866-1873), дочь Г.Л.Кудрицкого.
Кудрицкий Григорий Лукич (1884-1906), протоиерей Гродненского Софийского кафедрального собора, член Софийского православного братства, член Гродненского губернского статистического комитета.
Кузнецов Сергей Егорович (1824-1891), статский советник.
Кузьмин Александр Иванович (1852-1885), штабс-капитан 26-й артиллерийской бригады.
Кузьминская Верочка (1889-1900), младенец.
Кунахович Ольга Григорьевна (скончалась в 1908 г.), жена священника Николая Кунаховича, члена Гродненского православного Софийского братства.
Куриленко Семен Семенович (1870-1892), подпоручик 102-го Вятского пахотного полка.
Курчанович Мелания Семеновна (1856-1906).
Кутузова Анна Петровна (1822-1903).
Кушев Илларию Тихонович (1817-1901), действительный статский советник, член Гродненского православного Софийского братства.
Кушева Александра Матвеевна (1822-1885), жена И.Т.Кушева.
Лазаревский-Вериго Иоанн Фелицианович (скончался в 18..., далее цифры сбиты осколками снаряда), старший врач Пермского пехотного полка.
Ланской Сергей Николаевич (1774-1814), русский военный деятель и дипломат, генерал-лейтенант герой Отечественной войны 1812 года. Памятник, установленный над его могилой является сегодня одним из самых древних на православном кладбище.
Лаутерштейн Гавриил Афанасьевич (1867-1903); инженер-электрик коллежский секретарь, окончил электротехнический институт, холост, на службе 11 лет, в должности с 1898 года.
Лашкевич Екатерина Павловна (скончалась в 1897 г.).
Левицкий Антон Константинович (1883-1905), студент Санкт-Петербургского университета.
Левитский Иосиф Михайлович (1812-1901), чтец Гродненского Софийского собора.
Левкович Мария (1891-1906).
Лесковский Боря (1890-1900), младенец.
Лечицкий Александр Фаустович (1864-1939), священник, сын Ф.И.Лечицкого, по сведениям на 1905 год - член Гродненской духовной консистории, епархиального училищного Совета, священник-настоятель Александровской церкви, член Гродненского православного Софийского братства.
Лечицкий Фауст Иванович (1830-1910), священник.
Лещинский Александр Францевич (1888-1911), землемер.
Литвиненко Александр (1806-1827), губернский секретарь.
Лобанов Северин Васильевич (1839-1892), подполковник 102-го Вятского пехотного полка, на службе 33 года, в должности с 1887 года; награжден орденами Св.Анны 3-й степени и Св.Станислава 2 и 3-й степеней.

Лобковская Ольга Францевна (1841-1907), жена Г.Б.Лобковского.

Лобковский Григорий Васильевич (1846-1904), коллежский советник, в 1891 году - старший межевщик Гродненского управления государственных имуществ, на службе 26 лет, в должности с 1886 года.

Лосский Никанор Николаевич, (1862-1901), чиновник Гродненского отделения Государственного банка, окончил Витебскую мужскую гимназию, на службе 11 лет, в должности с 1887 года, награжден орденом Св.Станислава 3-й степени. Предположительно двоюродный брат известного русского философа Н.О.Лосского (1870-1965).

Макаров Евгений Васильевич (1883-1947), иконописец и художник-реставратор.

Макаренко Константин Тимофеевич (1821-1856).

Макарская Евгения (1874-1891), ученица Гродненской женской Мариинской гимназии, дочь управляющего аптекой Гродненского военного лазарета К.С. Макарского.

Малицкий Степан Иванович (1798-1866), коллежский советник.

Мальцев Анатолий Степанович (сконч. в 1884 г.), прапорщик.

Мальцев Стефан Арсентьевич (1824-1877), коллежский советник, управляющий почтовой частью в Гродненской губернии, на службе 34 года, в должности и крае с 1873 года, награжден орденами Св.Анны 2 и 3-й степеней и Св.Станислава 2-й степени, а также серебряной медалью за защиту Севастополя в 1853-1856 годах и медалью в память об усмирении восстания 1863-1864 годов.

Мандражи Кира (скончалась в 1882 г.), младенец, дочь подполковника Н.Н. Мандражи, командира батареи 26-й артбригады, окончившего Московский кадетский корпус, на службе с 1858 года, в должности с 1879 года, награжден орденами Св.Анны 2 и 3-й степеней, Св.Станислава 2 и 3-й степеней, медалью в память русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

Маркова Елена Иоакимовна (скончалась в 1907 г.).

Мартов Александр Александрович (1851-1883), штабс-капитан 103-го Петрозаводского пехотного полка.

Марцалова Глафира (1829-1867), жена священника 14-го уланского Ямбургского полка Василия Мерцалова (окончившего Тульскую духовную семинарию, на службе 17 лет, имел скуфью и крест в память Крымской войны 1853-1856 года) умерла во время родов, лишь на три дня пережила Мерцалову Глафиру ее дочь Елизавета.

Массальский Владимир – другие сведения отсутствуют.

Мацукевич Степан Петрович (1852-1914).

Мельницкий Артемий Николаевич (1853-1900), капитан, командир 6-й роты 171-го Кобринского пехотного полка, награжден орденом Св.Станислава 3-й степени.

Микучевская Ирина Парфеньевна (1826-1911).

Микучевский Лев Осипович (скончался в 1904 г.).

Милохин Александр Васильевич (1851-1913), старший помощник надзирателя 1-го округа Гродненского окружного управления, на службе 12 лет, в должности с 1898 года.

Мирович Михаил Иванович (1850-1906).

Митрофанов Прокопий Владимирович (скончался в 1881 г.).

Мицкевич Андрей Александрович (1859-1911).

Морозовский Иван Ипполитович (скончался в 1903 г.), коллежский советник, бухгалтер Гродненского губернского казначейства.

Мостовая (Малевиц) Васса Феодоровна (скончалась в 1867 г.).

Мостовой Петр Васильевич (скончался в 1865 г.).

Муравьев Василий Иванович (1870-1914), член Гродненского православного Софийского братства, купец.

Муравьев Иван Иванович (1840-1893), член Гродненского православного Софийского братства, купец.

Муравьев Николай Иванович (1841-1969)

Муравьева Любовь Ефимьевна (1846-1899).

Мясищева Света, 15 лет и младенцы Катерина, Александр, Михаил Мясищевы – других сведений не имеется.

Наумова Маргарита Иосифовна (скончалась в 1912 г.).

Наумюк Петр Александрович (1879-1952), один из руководителей «РБО» и «РНО» в г. Гродно в 1920-1930-е годы.

Небольсин Василии Федорович (1822-1900), губернский инженер, действительный статский советник, являлся членом губернского комитета попечительства о тюрьмах, членом Гродненского епархиального училищного совета и православного Софийского братства. Вместе с архитектором Золотаревым принимал участие в проектировании и строительстве церкви во имя Преподобного мученика Афанасия Брестского в Гродненском Борисо-Глебском мужском монастыре, а также других городских зданий. Находился в должности губернского инженера с 1873 года, был награжден 4-мя орденами и 2-мя медалями. На надгробии, установленном на могиле Небольсина прекрасно сохранился его фотомедальон.

Небольсина София Владимировна (1831-1911), жена В.Ф.Небольсина.

Некрасова Татьяна Александровна (скончалась в 1885 г.), акушерка и повивальная бабка при родильном отделении Гродненской повивальной школы, имела свидетельство Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, на службе с 1879 года.

Никулин Константин Александрович (1882-1917), бывший командир 12-й роты 103-го Петрозаводского пехотного полка.

Носкович Марфа (1772-1846), мать архиепископа Иркутского и Якутского Нила. Погребена в катакомбах Свято-Марфинской кладбищенской церкви.

Овчаров Николай Михайлович (1850-1880), военный инженер 4-го саперного батальона.

Оже Иван Ильич (1844-1894), чиновник Гродненского акцизного управления, выпускник Гродненской мужской гимназии, на службе 12 лет, в должности с 1875 года.

Озеров Григорий (скончался в 1898г.), младенец.

Окорок Петр Петрович (1840-1882), майор.

Олизар Михаил Тимофеевич (1865-1913).

Опоцкая Анна Ивановна (скончалась в 1883 г.) и ее дети Ефросинья, Ольга, Николай; жена и дети протоиерея Гродненского Софийского собора Алексея Опоцкого.

Орлов Иван Петрович (1866-1901).

Орлова Елена Александровна (1876-1905).

Орловский Евстафий Филаретович (1862-1913), историк, краевед и педагог, учитель Гродненской мужской гимназии и др. учебных заведений города, член Гродненского церковного и статистического комитетов, основатель Гродненского педагогического общества, автор многочисленных историко-краеведческих работ, постоянный член Гродненского Софийского православного братства.

Осипов Николай Сергеевич (1842-1904).

Осипович Степанида Львовна (скончалась в 1908 г.).

Остинков Иван Григорьевич (1819-1870).

Панкратов Николай (1834-1891), младенец, сын члена Гродненского православного Софийского братства А.И.Панкрата.

Пацвюкова Лукерия (скончалась в 1887 г.), похоронена вместе с младенцами Иеронимом и Екатериной.

Пачковский Николай Павлович (1879-1915), священник Вертелишского прихода, а затем полковой священник русской армии; погиб во время военных действий.

Пашковская Виктория Петровна (1838-1891), жена Р.И. Пашковского.

Пашковский Касьян Робертович (1867-1892), сын Р.И. Пашковского и В.П.Пашковской.

Пашковский Роберт Иванович (1832-1884), делопроизводитель 3-го Гродненского губернского управления, окончил Рижское Екатерининское училище, на службе в крае с 1854 года, в должности с 1872 года, секретарь губернского тюремного комитета, награжден орденом Св.Станислава 3-й степени.

Пестич Иван Михайлович (1820-1894), отставной майор, отец О.И.Пестича.

Павлюковская Елена Михайловна (1865-1910), жена подполковника С.Ф.Павлюковского, заведующего хозяйством 171-го Кобринского пехотного полка.

Пестич Осип Иванович (1861-1890), поручик 103-го Петрозаводского пехотного полка.

Петрапавловский Николай Иванович (1828-1889), действительный статский советник.

Петров Митрофан Николаевич (1807-1870).

Петропавловская Александра Ивановна (1820-1896).

Пехов Николай Васильевич (1858-1891), доктор.

Пигулевская Наталия (1899-1900), младенец, дочь А.Ф.Пигулевского, члена Гродненского православного Софийского братства, директор Гродненской мужской гимназии.

Пиканов Арсений Ефимович (1826-1869), гродненский губернский прокурор, статский советник.

Плисе Владимир Адамович (1860-1907), чиновник Гродненской контрольной палаты, губернский секретарь, закончил служебную карьеру в должности помощника ревизора, проживал в Почтовом переулке в доме Семеновича, член Гродненского православного Софийского братства.

Погорецкий Петр Григорьевич (1842-1870), губернский секретарь исполнявший обязанности губернского казенных дел, окончил Московский университет, холост, на службе 12 лет, в крае с 1867года.

Покровский Никодим Степанович (1848-1900).

Померанская Вера Антоновна (урожденная Белавенская), скончалась в 1871 г., жена Я.Я.Померанского.

Померанский Яков Яковлевич (1825-1886), городской голова, статский советник, на службе 30 лет, в крае с 1863 года в должности с 1876 года, окончил лицей имени князя Безбородко, награжден орденами Анны 2-й степени, Св.Станислава 2-й степени, серебряной медалью за оборону Севастополя в память усмирения восстания 1863 года, а также почетным знаком Российского Красного Креста.

Пономарев Дмитрий Константинович (скончался в 1880 г.), майор, староста Гродненского Софийского собора, захоронен у алтарной стены Свято-Марфинской церкви.

Попенюк Лука Михайлович (1874-1808).

Попов Андрей Андреевич (1836-1880), капитан 101-го Вятского пехотного полка.

Постников Николай Иванович (1824-1885), протоирей 101-го Пермского пехотного полка, окончил Тверскую пехотную семинарию, на службе с 1845 года, в должности с 1866 года, награжден золотым наперсным крестом и медалями в память Крымской войны 1853-1856 годов и усмирения восстания 1863-1864 годов.

Постникова Надежда Егоровна (1831-1868), жена священника 101-го Пермского пехотного полка о. Василия Постникова.

Прасолов Георгий Георгиевич (1823-1847), прапорщик.

Предтеченский Павел Иванович (1849-1912), статский советник.

Преображенская Екатерина Платоновна (скончалась в 1899г.), жена И.П. Преображенского.

Преображенский Иван Павлович (скончался в 1902 г.), статский советник член Гродненского окружного суда, начинал службу нотариусом (1883), окончил Петербургский университет, на службе 15 лет, в должности с 1890 года.

Преображенский Николай Михайлович (1874-1907).

Проневский Александр (1864-1875), ученик Гродненской мужской гимназии.

Протопопова Ольга (1849-1898), послушница Гродненского Св. Рождество-Богородичного монастыря.

Прохорович Василий Прокофьевич (1842-1894), командир 4-й батареи 36-й артбригады.

Пташинский Николай Игнатьевич (1865-1891).

Пятницкая Надежда Николаевна (скончалась в 1899г.), вдова священника с. Суров Новосельского уезда Тульской губернии и ее внук Володечка Пятницкий (1891-1899); мать и сын старшего врача 171-го Кобринского пехотного полка П.В.Пятницкого.

Пятницкий Володя (1891-1899).

Ражанович Николай Климентьевич (скончался в 1904 г.), штабс-капитан 101-го Пермского пехотного полка, член Гродненского православного Софийского братства.

Рахманин Константин Иванович (1810-1885).

Рейпольский Александр Федорович (скончался в 1907 г.), доктор медицины, губернский врачебный инспектор, совещательный член губернского ветеринарного комитета, член Гродненского отделения Российского общества Красного Креста, действительный статский советник, окончил Киевский университет Св.Владимира, на службе с 1863 года, в должности с 1875 года, награжден орденами Св.Владимира 4-й степени, Св.Станислава 2-й степени и Св.Анны 3-й степени, президент общества врачей Гродненской губернии, (1875-1902), член Гродненского православного Софийского братства.

Речин Иосиф Петрович (скончался в 1898г.), отставной подполковник 104-го Устюжского пехотного полка.

Рей Иван Лукии (1888-1942), инспектор Минской духовной семинарии в Жировицах, заместитель председателя «Гродненского комитета помощи жертвам войны» (лето–осень 1941 года).

Риттер Христина Егоровна (1800-1882), главная надзирательница Гродненской женской Мариинской гимназии, награждена императорским знаком за отличную и безупречную службу и медалью в память компании 1853-1856 годов, на службе 22 года, в должности и в крае с 1864 года, дочь генерала-майора.

Родзевич Анатолий (1883-1887), младенец.

Романов Николай Бенедиктович (1863-1927), Гродненский гражданский инженер, губернский архитектор, окончил Петербургский институт гражданских инженеров, в 1918 году - в Гродненском губернском распорядительном комитете инженер по дорожной части, член Гродненского благотворительного общества. Софийского православного братства, проживал на Полицейской улице в доме Корсунского, член Гродненского православного Софийского братства.

Романова Александра Григорьевна (1841-1908).

Рончевский Петр Иосифович (скончался в 1884 г.).

Рутковский Иван Павлович (1835-1905).

Рымашевская Констанция Осиповна (1853-1909), жена секретаря Гродненского уездного полицейского управления А.И. Рымашевского.

Рязанцов Константин Петрович (1826-1886).

Савельев Иван Евграфович (1866-1951), штабс-капитан, военный инженер Гродненской инженерной дистанции, принимал участие в строительстве ряда военных объектов на территории губернии, являлся производителем работ при строительстве Свято-Покровского храма-памятника в 1904-1907 годах.

Савельева Надежда (1904-1910), дочь И.Е.Савельева.

Савицкая Людмила Ивановна (скончалась в 1897г.) и Леня младенец; жена и сын пристава Савицкого.

Савицкий Михаил Александрович (1838-1908), генерал-лейтенант член Совета Гродненского Софийского православного братства.

Савицкий Пармен Степанович (скончался в 1881 г.), гродненский полицмейстер, подполковник, окончил Ярославскую гимназию, на службе 30 лет, в крае с 1868 года, награжден орденами Св.Анны и Св.Станислава 3-й степени, медалями за усмирение Венгрии и Трансильвании, в память Крымской войны 1853-1856 годов и восстания 1863-1864 годов.

Савицкий Яков Иванович (скончался в 1818 г.).

Сапежинский Иван (1843-1870).

Сарабкин Михаил Иванович (1824-1876).

Саранча Даниил Данилович (1832-1888), генерал-майор.

Свидерская Параскева Дмитриевна (1890-1922).

Свидерский Владимир Павлович (1888-1946).

Сергий, младенец (1880-1881).

Серебряков Аарон Нарушанович (1850-1891г), уроженец г.Кизляр член Гродненского окружного суда, коллежский ассессор, исповедания армяно-греческого, окончил Московский университет, на службе 20 лет, в должности с 1897 года, награжден орденом Св.Станислава 3-й степени.

Сибиряков Апполинарий Петрович (1872-1906), подполковник, бывший начальник Гродненской тюрьмы.

Сибирякова Людмила Ивановна (1869-1907), жена А.П.Сибирякова.

Скрипцов Николай (1868-1896).

Скупко Антонина (1887-1898).

Случановский Павел Акимович (1794-1815).

Смирнов Николай Петрович (скончался в 1906 г.), член Гродненского православного Софийского братства.

Смородский Александр Дмитриевич (1850-1911), действительный статский советник, директор Гродненской мужской гимназии, окончил Московский университет, на службе 18 лет, в должности с 1883 года, член совета Гродненского Софийского православного братства и Гродненского отделения Литовского епархиального училищного совета, награжден орденами Св.Анны 3-й степени и Св.Станислава 2 и 3-й степени.

Соколов Никанор Стефанович (скончался в 1896 г.), нижний чин в отставке, один из строителей церкви во имя преподобного Афанасия Брестского в г. Гродно в 1893 году.

Соколов Павел Алексеевич (1818-1891).

Соколова Екатерина Ивановна (1841-1910).

Солендер Прохор Иванович (1881-1911), подпрапорщик 101-го Пермского пехотного полка.

Сперанский Иван Петрович (1806-1860), статский советник.

Стальбовский И. (1880-1908), прапорщик 171-го Кобринского пехотного полка.

Станкевич Кира (скончалась в 1901 г.), младенец, дочь А.К.Станкевича – члена Гродненского православного Софийского братства.

Стояновская Анна Лукьяновна (1843-1897), жена председателя советника Гродненского православного братства М.К.Стояновского.

Стремоухов Александр – других сведений не имеется.

Судейко София Яковлевна (1847-1905).

Суслов Петр Андреевич (1830-1855).

Сынгаевская Елена (скончалась в 1880), дочь генерала Н.Н.Сынгаевского.

Сынгаевский Николай Никифорович (1839-1911), генерал-лейтенант, в 1890 году - командир батареи 26-й артиллерийской бригады, полковник, окончил Константиновский

кадетский корпус, на службе с 1857 года, в должности с 1873 года, женат, награжден орденами Св.Владимира 3-й и 4-й степеней, Св.Анны 2-й степени, медалями за Крымскую кампанию 1853-1856 годов и русско-турецкую войну 1877-1878 годов.

Сынгаевский Николай, младенец.

Сырейщиков Михаил Александрович (1843-1904), инженер-технолог, коллежский советник, член Гродненского православного Софийского братства.

Сырейщикова Матрена Ивановна, (скончалась в 1892г.), жена М.А.Сырейщикова.

Таврас Аделаида Михайловна (1843-1866), дочь М.А.Тавраса.

Таврас Михаил Антонович (1814-1879), коллежский советник.

Таврель Владимир Матвеевич (1892-1917).

Таврель Матвей Фомич (1853-1907), губернский секретарь, злодейски убит.

Таврель Петр Матвеевич (1894-1921).

Таппер Владимир Андрианович (1820-1890), преподаватель географии Гродненской женской Мариинской гимназии, окончил Главный педагогический институт в Петербурге, в крае с 1842 года, в должности с 1867 года, награжден орденами Св.Анны и Св.Станислава 2-й степени, медалью в память Крымской войны 1853-1856 годов, знаком за отличную и безупречную службу.

Таппер Любовь Сергеевна (1821-1889), жена Б.А.Таппера.

Тархов Захар Моисеевич (1815-1868), чиновник Гродненского губернского управления государственных имуществ, коллежский асессор, награжден медалью в память Крымской войны 1853-1856 годов и знаком за 15 лет безупречной службы.

Толпыго Павел Яковлевич (1834-1881), действительный статский советник, из потомственных дворян Смоленской губернии, окончил Мстиславское дворянское училище, с 1855 года состоял в штате Смоленского губернского правления «для узнавания порядка службы», с 1862 года – мировой посредник Речицкого уезда Могилевской губернии, с 1869 года – мировой посредник Бельского уезда Гродненской губернии, награжден в 1866 году знаком «За отличие в поземельном устройстве бывших государственных крестьян», в 1873 году – орденом Св. Станислава 2-й степени.

Томашевич Иван Викентьевич (1867-1893), поручик пограничной стражи. **Трофимович** Петр Павлович (1857-1912), управляющий Гродненской контрольной палатой.

Томили Александр Павлович (1829-1881), полковник.

Томили Мария Васильевна (1831-1884), жена А.П.Томила.

Троицкая Екатерина Павловна (скончалась в 1903г.).

Троицкий Иван Нилович (скончался в 1907г.), чиновник по счетной и экзекуторской части Гродненского губернского правления, коллежский асессор, окончил Курское уездное училище, на службе 21 год, в должности с 1872 г., член Гродненского православного Софийского братства.

Трофимова Леночка (январь-май 1888 г.), младенец.

Троцкий Владимир Никифорович (1885-1903), чиновник Гродненской почтово-телеграфной конторы, коллежский асессор.

Троцкий Никифор Павлович (1842-1897), коллежский асессор.

Туревич Александра (1830-1900), жена священника 103-го Петрозаводского пехотного полка Авксентия Туревича.

Турянский Денис Адамович (скончался в 1871 г.), преподаватель греческого языка в Гродненской мужской гимназии, окончил Венский университет, женат, на службе и в крае с 1867 года.

Удольская Наталья Петровна (скончалась в 1900 г.).

Удольская Пелагея Александровна (скончалась в 1887 г.).

Усердов Александр Алексеевич (скончался в 1889 году), поручик 103-го Петрозаводского пехотного полка.

Фаворская Евпраксия Степановна (скончалась в 1907г.).

Фаворский Александр Иванович (скончался в 1888 г.).

Федерако Тит Георгиевич (1854-1889).

Федоров Алексей Алексеевич (1847-1906), генерал-майор.

Федорова Ирина (1814-1871).

Федотов Федор Васильевич (скончался в 1906г.), статский советник.

Ферштейн Николай Степанович (1837-1879), коллежский секретарь, делопроизводитель Гродненского губернского жандармского управления, окончил Саратовский батальон военных кантонистов, в крае с 1863 года, в должности с 1874 года, награжден медалями «За усердие» и в память усмирения восстания 1863-1864 годов.

Фон-Бранденбург София Яковлевна (1820-1847).

Фон-Бревен- Федор Мирославович (1834-1886).

Фон-Функ Елизавета Николаевна (1860-1911), баронесса, жена генерала-лейтенанта А.Ф.Фон-Функа.

Фон-Цур-Милен (1826-1884), генерал-майор, в 1882 году - Гродненский уездный воинский начальник, окончил Михайловское инженерное училище, на службе с 1845 года, в должности с 1880 года, награжден орденами Св. Станислава 2 и 3-й степеней и Св.Анны 3-й степени.

Фон-Шульц Евдокия Ивановна (1832-1912), жена чиновника Гродненского губернского статистического комитета А.Ф. Фон-Шульца, проживала по улице Полевой в доме Жебровского.

Хальковский Григорий Илларионович (1794-1849).

Харин Николай Андрианович (скончался в 1890г.), коллежский ассессор.

Харченко Александра Павловна (1852-1932), жена И.Л. Харченко.

Харченко Елизавета Прокофьевна (1814-1904), мать И.Л. Харченко.

Харченко Иван Лукич (1858-1913), чиновник Гродненской Контрольной палаты, с октября 1907 года председатель Гродненского отдела «Союза русского народа».

Хвещенко Леонид Александрович (1852-1890), поручик 103-го Петрозаводского пехотного полка.

Хныкин Михаил Семенович (скончался в 1912 г.), содержатель частной Гродненской мужской гимназии, член Гродненского губернского статистического комитета, неперменный член общества вспомоществования нуждающимся ученикам Гродненской частной мужской гимназии.

Хотько Екатерина Ивановна (1850-1920).

Хотько Стефан Андреевич (1845-1914).

Хошитовская Анна Михайловна (1861-1885), дочь М.А.Гасса.

Царевская Элеонора Ивановна (1875-1900), жена чиновника Гродненского губернского управления Б.А.Царевского, выпускника Московского университета.

Цвет Александр Григорьевич (1855-1907), чиновник Гродненского окружного акцизного управления, младший надзиратель, проживал по улице Соборной в собственном доме.

Цветкова Анюта (1880-1889), младенец, дочь Е.М. и А.Е.Цветковых.

Цветкова Елизавета Маниловна (1861-1894), жена губернского землемера, межевого топографа, директора Гродненского губернского комитета попечительства о тюрьмах А.Е. Цветкова, статского советника, на службе 31 год, в должности с 1882 года, члена Софийского братства.

Цеховская Евгения (скончалась в 1893г.), младенец.

Чеботова Евфросинья Макаровна (1852-1880), жена М.Е.Чеботова.

Чеботов Михаил Евстафьевич (1843-1892), коллежский советник начальник

Чеботова Анна Васильевна (1805-1888), мать М. О. Чеботова.

Шабас Николай Степанович (1856-1937).

Шафир Роман Львович (1859-1904).

Шашина Маничка (сконч. в 1885г.), младенец.

Шевчаник Петр (1818-1881).

Шегидевич Владимир Иванович (1883-1903), студент Санкт-Петербургского университета, сын И.А.Шегидевича, старшего бухгалтера Гродненского губернского казначейства, члена Гродненского уездного епархиального учебного совета.

Шейн Анна Константиновна (1870-1893).

Шелюто Екатерина Васильевна (1874-1883), дочь титулярного советника В.И.Шелюто.

Шеметилло Иоанн Никонович (?), студент Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

Шеметилло Марья Антоновна (скончалась в 1903 г.), из духовенства – классная надзирательница и учительница русского языка Гродненской женской Мариинской гимназии, выпускница Гродненской женской гимназии, на службе с 1877 года, член Гродненского православного Софийского братства.

Шилова Ольга Павловна (скончалась в 1913 г.).

Шиманович Осип Андреевич (1816-1874), инспектор народных училищ Гродненской губернии, надворный советник, окончил Витебскую духовную семинарию, на службе с 1836 года, награжден медалями в память Крымской войны 1853-1856 годов и усмирении восстания 1863-64 годов.

Шиманчевский Георгий (1888-1961), чтец Гродненского Св.Покровского собора.

Ширма Александр Антонович (скончался в 1905 г.), управляющий Граевской таможни, статский советник.

Ширяева Оля (1885-1896), младенец.

Шкулев Георгий Яковлевич (1868-1902), секретарь епископа Гродненского Иоакима (Левицкого).

Шляхтин Александр (1890-1897), младенец.

Штарк Константин Флорович (1862-1907), доктор.

Шумицкий Василий Павлович (1840-1890), надворный советник.

Шумов Иван Андреевич (1842-1884), бухгалтер Гродненского губернского управления государственных имуществ (лесное отделение), коллежский асессор, окончил Московское уездное училище, учился в Московской духовной семинарии, на службе 19 лет, в крае с 1864 года, в должности с 1870 года, в 1888 году являлся чиновником особых поручений Гродненской губернской канцелярии, награжден орденом Св.Станислава 3-й степени, отец П.И. Шумова – участника революционного движения в Гродно, руководителя Гродненского комитета ППС на Литве.

Шумова Екатерина Максимовна (1810-1904), жена надворного советника, мать И.А.Шумова.

Шумович Антон Николаевич (1827-1900), действительный статский советник.

Шурыгин Аполлон Семенович (1852-1911), член Гродненского окружного суда, действительный статский советник, похоронен у стены Свято-Марфинской церкви.

Эйнвальд (Ладыженская) Екатерина Николаевна, мать С.М. Эйнвальда и жена М.А.Эйнвальда (1833-1900), их дочь С.М.Эйнвальда была классной надзирательницей Гродненской женской гимназии, окончила Петербургский Смольный институт благородных девиц, в должности с 1888 года.

Эйнвальд Сергей Михайлович (1865-1898), подпоручик 103-го Петрозаводского пехотного полка, сын отставного полковника Н.А.Эйнвальда, заседателя губернской дворянской опеки, окончившего 2-й кадетский корпус, награжденного орденами Св.Анны и Св.Станислава 3-й степени.

Энглер Иосиф Иосифович (1830-1905), отставной полковник 11-го Харьковского драгунского полка.

Яковлев Иван Михайлович (1853-1900), старший врач Гродненского местного лазарета.

Янучков Николай Минич (1806-1885), купец.

Янучкова Мария Григорьевна (1817-1893); вместе с супругами Янучковыми похоронены их дети - Николай, Мина, Дмитрий, Михаил, Константин, Ксения, Анна, Пелагея, Елена и внуки Василий и Анна.

Ярмак Софья Николаевна (1849-1911), гродненская мещанка.

Ячиновская Софья Игнатьевна (1835-1889), вдова протоиерея Лысковской церкви Подороского благочиния Волковыского уезда Тита Ячиновского.

Православное кладбище (переулок Победы)

Гучок Леонтий Алексеевич (1901-1966), протоирей.

Гаврилин Леонтий (скончался в 1913).

Пикула Павел (1842-1905).

Сорока Петр Осипович (1859-1913).

Сорока Мария Антоновна (1865-1912).

Семенович Мария (1858-1905).

Стефанович Елизавета (1841-1902).

Стефанович Лев (1846-1930).

Православные захоронения на Гродненском военном кладбище (улица Белуша).

Руссау Александр Александрович (1843-1896), генерал-майор русской армии, уездный предводитель Гродненского дворянства, почетный мировой судья, член отделения Литовского епархиального училищного совета, награжден многими орденами и медалями за службу Отечеству.

Станкевич Владислав Петрович (1878-1912), капитан 26-й артиллерийской бригады.

ГЛАВА IV. ИМЕНА НА НАДГРОБИЯХ

*Гордится славою своих предков не только можно, но и должно;
не уважать оной есть постыдное малодушие...*

*Уважение к минувшему – вот черта, отличающая;
образованность от дикости; кочующие племена не
имеют ни истории, ни дворянства...*

А.С. Пушкин

«СТОЛЬ ЖЕ КРАСИВЫЙ НАРУЖНОСТЬЮ, СКОЛЬ БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ
МУЖЕСТВОМ...»

Сергей Николаевич Ланской (1774-1814) – герой 1812 года.

Известный русский военный деятель и дипломат С.Н. Ланской принадлежал к старинному роду дворян Гродненской губернии. Получив прекрасное домашнее образование, он по обычаям того времени, еще в детском возрасте, как и дети других знатных дворян, был записан в лейб-гвардии Измайловский полк. Начав службу с подпрапорщика, он уже в 1800 году становится штабс-капитаном. В 1801 году его переводят из пехотной службы в кавалерию, что также означало успешное начало карьеры молодого офицера. Благодаря прекрасному знанию иностранных языков, С.Н. Ланской в 1792 году участвовал в миссии М.Н. Кутузова по заключению мира с Турцией после войны 1787-1792 годов. Следующий перерыв в военной службе произошел в 1802-1805 годах, когда Ланской был приглашен в коллегия иностранных дел с последующей посылкой в составе русской дипломатической миссии в Париж. Несмотря на успешное выполнение дипломатических обязанностей и благоволение начальства, свою будущую жизнь он видел только в войсках. С августа 1805 года Ланской снова в армии, но зато в должности полковника Мариупольского гусарского полка. Вместе с этим знаменитым полком он принимал участие в войне с наполеоновской Францией в составе коалиции государств (Россия, Австрия, Пруссия) в 1805-1807 годах. В ночь на 26 января 1807 года Мариупольский полк принял участие в бою с французами под Ландсбергом, а через два дня - под Прейсиш-Эйлау в Восточной Пруссии. Это было первое боевое крещение С.Н.Ланского. В мае 1807 года его назначили командиром Конно-Польского полка, который раньше квартировал в Гродно, а к этому времени уже находился на границе с Восточной Пруссией. С 1806 года в этом полку служила «кавалерист-девица» Надежда Дурова - первая женщина в русской армии. Во главе Конно-польского полка Ланской участвовал в боях под Гутштадтом, Гейсбельтагом и Фридландом. За участие в этих сражениях Ланской был награжден офицерским Георгиевским крестом, а в 1810 году ему было присвоено звание генерал-майора. С 1811 года 36-летний генерал являлся шефом Белорусского гусарского полка. Отечественную войну 1812 года встретил в составе Дунайской армии. В ноябре месяце во главе сводного кавалерийского отряда в составе корпуса генерала Витгенштейна С.Н. Ланской действовал в направлении Борисов-Плещаницы, прикрывая отход русской армии к Западной Двине, а затем в боях под Полоцком перекрывал дорогу противнику на Петербург. При этом сводный отряд, которым он командовал, взял в плен более 300 французов. В начале декабря кавалеристы Ланского вместе с партизанским отрядом полковника А.Н. Сеславина освободили от

неприятеля Вильно. 1 декабря 1813 года главные силы русской армии под командованием М.И. Кутузова перешли границу России, начав свой славный заграничный поход. Их авангардом командовал генерал Ф.Ф. Винценгероде, впереди которого двигался отдельный кавалерийский отряд С.Н. Ланского. Впоследствии, после освобождения от неприятеля Гродно, к нему присоединился и партизанский отряд Дениса Давыдова. «Столь же красивый наружностью, сколь блистательный мужеством...», так отзывался о Ланском лихой гусар и партизан Давыдов. В ту пору Ланского вполне справедливо считали одним из лучших генералов русской армии.

В начале февраля отряд Ланского овладел городом Калишем, за что генерал был награжден орденом Св.Владимира 2-й степени, минуя орден Св.Анны. Затем его отряд участвовал во взятии городов Зондергаузен, Гольберштадт, а также сражался под Вейсенфельдом и Люценом. В сентябре 1813 года Ланской стал генерал-лейтенантом. В этом звании он участвовал в грандиозной «битве народов» под Лейпцигом (16-19 октября), которая закончилась поражением французов. Союзные войска подошли к границе Франции. Однако сопротивление наполеоновских войск оставалось еще весьма настойчивым. И здесь Ланскому пришлось принимать участие во многих кровопролитных сражениях. Последним из них для генерала стало сражение под Краоном, которое состоялось 23 февраля по старому, или 7 марта по новому стилю, 1814 года. Возле этого небольшого городка в провинции Шампань русские войска стойко держались с раннего утра до двух часов дня против втрое превосходящих сил противника во главе с Наполеоном. В этом сражении С.Н. Ланской был тяжело ранен. Через три недели в Намьюре он скончался.

Боевые друзья перевезли тело героя в Гродно и здесь похоронили, не исключено, что рядом с могилой его отца-генерал-майора Н.С. Ланского, упокоившегося на этом же кладбище летом 1812 года. За боевые заслуги при изгнании наполеоновских войск из России и заграничные походы (1813-1814 годов) С.Н. Ланской был награжден орденами Святого Владимира 2-й степени, Святой Анны 2-й степени, Св. Георгия 3-й и 4-й степени, также золотой шпагой с надписью «За храбрость». Талантливый генерал всегда заботился о своих подчиненных и вместе с тем прослыл лихим кавалерийским начальником. Портрет С.Н.Ланского находится в Военной галерее Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге. Могила героя Отечественной войны 1812 года является старейшей из сохранившихся на старом православном кладбище в г. Гродно.⁴⁴

***«НА СВОЕМ ПОСТУ ОН БЫЛ НЕ ТОЛЬКО ПОЛЕЗЕН, НО И
НЕОБХОДИМ...».***

Епископ Игнатий Железовский (1800-1872).

В г. Гродно в XIX - начале XX веков священствовали многие выдающиеся представители высшей православной иерархии, но в силу разных причин свой последний земной приют они находили вне пределов губернского города. И лишь один из них преосвященный Игнатий (в миру Иаков Железовский) был погребен на местном православном кладбище.

Епископ Игнатий родился в 1800 году в семье православного священника Леонтия Железовского, служившего в Сехновицкой церкви Кобринско уезда Гродненской губернии. Окончив успешно Жировицкую духовную семинарию, он, был оставлен при ней, пройдя здесь путь от наставника семинарии до ее духовного начальника. «Уроженец Гродненской губернии, он отлично знал духовенство и жизненную обстановку..., отлично

понимал положение духовных лиц Западной России, которые получив образование в главной семинарии или в базилианских школах, не могли сразу переродиться и сохраняли в течение жизни следы польско-латинской (католической. - В.Ч.) закваски...». Обладая такими качествами, а так же природной любовью ко всему русскому, православному, считая местных уроженцев-белорусов составной частью триединого русского народа (великорусы, малорусы и белорусы), Игнатий Железовский являлся, но таким священнослужителем («простым, скромным, весьма аккуратным, а в трудные минуты - защитником и руководителем духовенства, стремившегося к возвращению из университета в Православие), который бы на своем архиерейском посту был наиболее полезен и необходим Православной церкви. Давая такую замечательную характеристику начальнику Жировицкой духовной семинарии Железовскому. Митрополит Литовский и Виленский Иосиф Семашко полагал, что именно такие пастыри только и нужны воссоединенному русскому народу в ответственный период своего развития. Поэтому по инициативе святителя и при благостном согласии самого Железовского 20 мая 1848 года он был хиротонисан в Виленском кафедральном соборе митрополитом Иосифом Семашко (в сослужении епископа Минского Антония Зубко и епископа Ковенского Платона Городецкого) во епископа Брестского архимандрита Гродненского Борисо-Глебского мужского монастыря с принятием имени Игнатия. В тот же день он получил назначение на пост второго викарного епископа Литовской епархии.

Резиденция епископа Брестского в то время находилась в губернском г.Гродно в одной из келий Борисо-Глебского (Каложского) монастыря. Вполне естественно, что духовное лицо такого ранга (в обстановке, требовавшей повышения архиерейского статуса в глазах общественного мнения) нуждалось в собственной резиденции. При поддержке митрополита Иосифа Семашко в 1852 году такая резиденция в самом центре города, неподалеку от губернаторского дворца, была приобретена у графа Леопольда Валицкого, став на все долгие последующие годы т.н. архиерейским домом (ныне ул.Горького,2).

Будучи ревностным учеником и сторонником митрополита Иосифа Семашко в деле подлинного воссоединения местных униатов с Православием владыка Игнатий не жалел своих сил для «направления и исправления» всего того, что по инерции присутствовало в только что воссоединительных церквях. В Гродненской губернии (на основании архиерейских объездов) в капитальном ремонте нуждалось 450 храмов, в починке после пожаре - 252, в переоборудовании иконостасов по чину Православной Церкви – 290 бывших униатских церквей. Своими силами решить эту проблему верующие не могли. Епископу Игнатию при содействии митрополита Иосифа пришлось затратить немало усилий для того, чтобы обратить внимание к ней императора Николая I, после чего правительство выделило из государственной казны необходимую сумму денег для приведения в надлежащий православный вид большинства воссоединенных в 1839 году церквей Гродненской губернии.

Немало сил епископа Игнатия Железовского было затрачено и на то, чтобы научить местных священнослужителей правильному отправлению православных служб. В замен униатских книг им было налажено снабжение всех приходских церквей богослужбниками московской и петербургской печати, решительно велась епископом борьба и с таким распространенным в ту пору среди духовенства злом, как их пристрастием к курению табака. Строгие меры в этом отношении были приняты также и к курению в среде учащихся духовной семинарии.

Много энергии и житейской мудрости проявлял владыка Игнатий при капитальном ремонте будущего архиерейского дома, ремонте и переоборудовании упраздненного католического монастыря бернандинок в Борисо-Глебский мужской монастырь, оказавшийся после разлива Немана в 1853 году, что называется без крыши над головой. Защитником и утешителем всех православных был епископ Игнатий в

период бедственных событий и лишений, которые охватили Принеманский край во время польского восстания 1863-1864 годов.

Весной 1866 года владыка перенес тяжелейший инсульт, поразивший всю правую часть его тела. Когда болезнь слегка отступила, он вновь продолжал свои служения, ездил и на освещение приходских сельских церквей. О напряженности и сложности этих поездок свидетельствует переписка владыки Игнатия с губернским начальством. Так в своем письме от 9 июня 1866 года к губернатору Скворцову он просил о содействии ему «в поставке лошадей при поездке от одной церкви к следующей, ближайшей по предлагаемому маршруту». В этой поездке, кроме посещения храмов Сокольского уезда, было запланировано и посещение церковей Гродненского уезда в следующих селах: Вертилишки, Комотово, Жидомля, Озеры, Скидель, Ятвезь, Малая и Большая Берестовица, Дубно, Черлена, Радзивиловичи, Дереченск, Лаша, Олекшицы, Голынка, Гольна, Тетеревка, Мостовляны, Крынки и др. Кончина осенью 1868 года митрополита Иосифа Семашко тяжело отразилась на здоровье владыки Игнатия. После второго удара а конце 1869 года он уходит на покой. Получив отставку по состоянию здоровья, епископ Брестский и викарий Литовский посетил киевские святые места, после чего поселился в келье Гродненского Борисо-Глебского монастыря, настоятелем которого был более 30 лет. Он мужественно противостоял тяжелому недугу. И лишь только тогда, когда почувствовал приближение кончины, по его указанию под кладбищенской Свято-Марфинской церковью для епископа была оборудована катакомбская гробница. Кончина святителя (1 апреля 1872 года по ст. стилю) была тихой; он не терял сознания до того момента, пока не закрыл глаза навеки. Погребение владыки Игнатия состоялось утром 3 апреля при огромном стечении гродненцев и более 30 священников епархии. В похоронах принял участие и приехавший из Жировиц архиепископ Михаил (Голубович). В памяти всех православных христиан Гродненской губернии епископ Игнатий остался святителем-бессребренником, все деяния и помыслы которого были посвящены служению Церкви и устройству обнищавших православных храмов, унаследованных от унии. За заслуги перед Православной Церковью и Отечеством он был награжден орденами Св. Анны 1-й степени и Св. Владимира 2-й степени, а также духовными наградами Священного Синода⁴⁵.

«ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО Я ЛЮБИЛ ВСЕЙ ДУШОЮ».

Даниил Иванович Джаксон (1828-1871).

Последнее десятилетие является временем, постепенного возвращения из небытия многих неоправданно забытых имен. Всеволод Владимирович Крестовский (1839-1895) - один из них. Воин, писатель, историк, журналист - он был необычайно популярен во второй половине XIX - начала XX веков. Его литературно-историческими произведениями (роман трилогия «Тьма Египетская. Тамара Бендавид». «Горжество Ваала», бытовой роман в двух книгах «Петербургские трущобы», обширный роман-хроника «Панургово стадо», «Кровавый пуф» и др.) буквально зачитывались современники. Большой интерес вызывали его многочисленные очерки и рассказы, а также военная публицистика. Достаточно популярными по всей России были сочиненные им, а затем положенные на музыку романсы – «Под душистою ветвью сирени», «Когда утром иль поздно ночью» и др. Тепло было принято читателями и редактируемое периодическое издание «Варшавский дневник». После революционных событий начала XX века творения замечательного писателя были выброшены из литературного и научного оборота почти на сто лет. Сегодня Всеволод Крестовский опять с нами: в различных издательствах России и Беларуси вновь переиздаются его главные

произведения, а телезрители с большим интересом смотрят телесериал «Петербургские тайны», поставленные по роману «Петербургские труппы». Плодотворно осуществляется и переосмысление жизни и творчества, вносятся все новые и новые штрихи в богатую биографию писателя, включая и гродненский период.

Известно, что летом 1868 года 22-летний Крестовский был принят на военную службу юнкером в 14-й уланский Ямбургский полк. Здесь его радушно приняли, так как уже знали и ценили его литературное творчество. Штаб Ямбургского полка находился в самом Гродно, а его эскадроны были размещены по различным местечкам губернии, преимущественно с еврейским населением, что впоследствии дало ему обильный материал для написания своих романов. Первоначально Крестовский попал в 3-й эскадрон майора Александра Андреевича Латынина, стоявший в Свислочи, где он сразу стал душой как уланского, так и небольшого местного общества, благодаря таланту рассказчика и прекрасному исполнению популярных романсов.

Во время своего пребывания в Свислочи Крестовский начал писать свой роман «Панургово стадо». В 1869 году писатель заболел и для поправки здоровья получил разрешение лечиться на водах в Друскениках. Здесь он завязал знакомство со многими гродненскими почитателями его творчества. Год спустя, выдержав офицерский экзамен при Тверском кавалерийском училище, Крестовский прибыл для продолжения службы в штаб уланского полка в Гродно. Об этом периоде службы литератора в «Памятной книжке Гродненской губернии» за 1870 год имеется запись: «Крестовский В.В. - корнет 14-го уланского Ямбургского Его королевского высочества принца Фридриха Виртембергского полка». Здесь по поручению высшего начальства ему было поручено написание истории полка, в котором он служил, с чем военный историограф успешно и своевременно справился. Разумеется, что эта историко-литературная работа корнета осуществлялась параллельно с выполнением основных воинских обязанностей.

Проходя службу на Гродненщине, Крестовский со свойственной ему наблюдательностью приглядывался к своеобразному армейскому быту уланов. Плодом ее явились превосходные «Очерки кавалерийской жизни», изданные в Петербурге в 1892 году, и недавно (в 1998 году) переизданные военным издательством в Москве в серии «Редкая книга». В этом произведении автор затронул многие актуальные проблемы жизни армии и военного строительства. На финансирование вооруженных сил и тогда не хватало средств. Войска, расквартировывались по селам и местечкам с расчетом на «подножный корм» - за счет обывателей. Способные офицеры часто покидали армию, уходили из-за безденежья «в службу по акцизу, по контролю или по железным дорогам». Давно минуло время Крестовского, но проблема эта осталась и несказанно обострилась сегодня на всем постсоветском пространстве. Вместе с этим, Крестовский неподражаемо передал все поэтические стороны уланской службы, в том числе связанные и с военными маневрами, временным проживанием на постое в Скиделе, Индуре, Коптевщизне, Прокоповичах, Озерах, Закревщизне и в других уголках Принеманского края. Приволье Гродненской и Беловежской, пуши. загадочность болот и просторы пойменных лугов, панские маентки, окруженные таинственными легендами, которые автор постоянно слышал от местных жителей, вечерние прогулки по длинным, освещенным луной аллеям столетних дубов и каштанов, многочисленные приметы седой старины вдохновляли его в желании братья за перо и бумагу. Богатый литературный материал давали ему офицерские и солдатские типы, помещики и крестьяне, шинкари и торговцы, входящие в соприкосновение с кавалерией.⁴⁶

Если доверять Крестовскому, то в той старой царской армии не все было худо. Он приводит немало проявлений «простых, доверчивых, душевных и, так сказать, родственно добрых отношений, которые без малейшего ущерба дисциплине и субординации существуют в русской армии между солдатом и офицером». Такие же отношения складывались у частей и полков и с местными жителями всех национальностей

Гродненской губернии. Особый дух войскового товарищества витал и в офицерской среде. В 14-ом уланском Ямбургском полку писатель нашел много преданных и задушевных друзей. Одним из них был обрусевший англичанин, майор русской армии Джаксон. Вот как писал о нем Всеволод Крестовский в своих очерках: «После весеннего компонента 1872 года (писатель ошибся годом и правильнее будет – 1871 года, подтверждением чего являются годы жизни майора: в 1872 году уже не было среди живых – В.Ч.) по недостатку офицеров, разъехавшихся в отпуск, я был прикомандирован ко 2-му эскадрону на время травяного довольствия.

Командировка эта была для меня тем приятнее, что я поступал временно под начальство человека, которого любил всей душой. Да, впрочем, наш длинноусый майор Данило Иванович Джаксон был общим любимцем полка и служить с ним было легко и весело. Кавалерист до мозга костей, попавший из аудитории Московского университета прямо на фронтную лошадь, он до самой смерти, всю жизнь или всю службу (что в данном случае решительно одно и то же), провел в одном и том же Ямбургском уланском полку, который заменил ему дом и семью, и все привязанности души и сердца.

Лихой службист и верный товарищ, душа полкового кружка, олицетворение благородства и честности, с душой и жизнью нараспашку, добряк, делившийся с товарищем-уланом последней копеечкой, если таковая обреталась в наличности, первый и горячий голос за всякий благородный порыв, за всякое доброе дело и в то же время первый запевала на всякую лихую, остроумную и веселую шутку - таков был майор Джаксон.

Дай Бог, чтобы подобные типы не переводились в русской армии!...»⁴⁷

Остроту и значение сказанного писателем о своем военном товарище почти сто тридцать лет тому назад я особенно сильно прочувствовал, когда совершенно случайно в мае 2001 года на старом православное кладбище в Гродно нашел заброшенную и оскверненную могилу лихого улана. Расположена она рядом с кладбищенской церковью и являет собой печальное зрелище: надгробие, сооруженное из белого мрамора в форме надломленной колонны, безжалостно сброшенной наземь и ставшей от времени и запустения черно-зеленой, а внизу – глубоко вырезанная на постаменте надпись, наперекор всему сохранившиеся краткие сведения о человеке, нашедшем под ним последнее земное пристанище:

«14 уланского полка майор Даниил Иванович Джаксон. Родился 30-го ноября 1828 года. Скончался 29 ноября 1871 года. Товарищи доброму товарищу».

Разумеется, трудно передать словами те чувства, которые охватили меня после обнаружения могилы друга любимого писателя, персонажа его литературных творений. Однако последние слова эпитафии сразу же отозвались в сердце мыслями о возможном присутствии здесь, в Гродно Всеволода Крестовского, пришедшего проводить в последний путь близкого ему человека. Тот час же стал искать дополнительные сведения об этом периоде жизни Крестовского, Джаксона и их окружения. Кроме процитированного отрывка из кавалерийских очерков, да пересказа забав писателя и командира 2-го эскадрона с кредитором вокруг загадки «Что делает ворона после того, как проживет два года на свете?» (отгадка – «Начинает жить третий год»), другой информации о Джаксоне здесь нашлось немного. В целом она сводилась к тому, что любили и уважали его как нижние чины, так и все офицеры. Несколько больше сведений было обнаружено в «Памятных книжках Гродненской губернии» за 1870 и 1871 годы, касающихся как в целом офицеров 14-го уланского полка, так и самого англичанина. Итак: «Даниил Иванович Джексон - майор, командир 2 эскадрона, кавалер ордена Св.Станислава 3-й степени, имеет медаль в память Крымской войны 1853-1856 годов, исповедания англиканского, окончил Московский университет, на службе 20 лет». Интересно, что среди офицеров полка был еще один англичанин. Здесь его на русский манер звали Антоний-Джеймс Васильевич Друри I-й. Вероятно, служили в русской армии

и другие представители этого рода раз он числился под первым номером. По продолжительности срока службы (11 лет) и по возрасту он был значительно моложе Джаксона, но несмотря на это, Друри 1-ый после окончания кадетского корпуса в Петербурге сумел получить не только чин капитана, но и такой же как и у старшего по званию товарища орден Св.Станислава 3-й степени. Исповедания он был также англиканского. Как оказалось, на весь полк в тот год имелось всего два корнета: Всеволод Владимирович Крестовский в 1871 году служил только лишь третий год, а выпускник Горы-Горещкого земледельческого института Николай Михайлович Цукатто - восьмой. В каких взаимоотношениях с писателем Крестовским и между собой были вышеуказанные лица «Памятная книжка» ответа не дает. Нет ответа на этот вопрос и в «Кавалерийских очерках», но, судя по косвенным проявлениям, отношения эти были достаточно дружественные и теплые. Среди друзей-приятелей Крестовского в его очерках упоминаются кроме Джаксона следующие офицеры - Кардаш, Бушуев, Друри, Буянов и некий Антон Васильевич. Теплая товарищеская атмосфера в полку была возможна во многом благодаря трем лицам: командиру полка, флигель-адъютанту полковнику Николаю Карловичу Штрантману (остзейскому, т.е. прибалтийскому немцу лютеранину, выпускнику привилегированного пажецкого корпуса, участнику Крымской войны и усмирения польского восстания), помощнику командира полка, подполковнику Александру Михайловичу Чижнакову (выпускнику Константиновского военного училища, человеку с огромным армейским опытом) и полковому священнику Василию Григорьевичу Мерцалову, пришедшему на армейскую службу после окончания Тульской духовной семинарии в один год с командиром полка, но сумевшему стать настоящим полковым батюшкой, не только благодаря своим наградам (скуфья, крест в память войны 1853-1856 годов), но и тому свету духовности, доброты и доверчивости к людям, который исходил от него ко всем однополчанам. Незадолго до прихода в полк Крестовского у отца Василия при родах в 1867 году скончалась жена Глафира, и лишь на три недели пережила 30-летнюю мать ее крохотная дочурка. Майора Джаксона и жену священника Ямбургского полка Мерцалова похоронили неподалеку друг от друга, лишь по разные стороны Св.Марфинской церкви. Мои тщательные поиски закончились констатацией, что эти две могилы кладбища единственные, имеющие отношение к 14-му Ямбургскому уланскому полку.

О причине смерти друга писателя Крестовского можно лишь догадываться, ибо прямых ответов, указаний на это событие пока не имеется. Известно лишь, что осенью 1871 года в Гродно пришла холера, которая вырывала свои жертвы не только из беднейших слоев населения города, но и среди той части людей, которые имели общение с большими массами людей. Будучи старым холостяком, майор Джексон большую часть своего личного времени проводил в казарме... Среди умерших в это время от холеры был и 57-летний отставной полковник А.М. Беляев, имена же умерших тогда от холеры десятков нижних чинов, нам, вероятно, узнать так и не доведется.

Итак, найдена могила военного товарища писателя Всеволода Крестовского - героя и прототипа его произведений. Несомненно, что уже сам этот факт не из числа рядовых. И хотя знаем о Джеконе мы крайне мало, можно с уверенностью утверждать, что этот лихой англичанин и одновременно русский офицер занимал значительное место в судьбе возвращающегося к нам талантливейшего писателя. Прах самого Крестовского покоится на Никольском кладбище в Петербурге, неподалеку от могил композитора А.Г. Рубинштейна и нашего земляка-историка М.О.Кояловича. Посещая могилу Д. И. Джексона в Гродно, мы как бы попадаем в поле воздействия на нас двух видов исторической памяти: эпической и лирической, которым соответствуют два рода отношения к кладбищу - могилы «великих людей и их друзей» и могилы «наших родственников». Так перекликается великое и малое, всеобщее и личное, энергия истории и дыхание жизни.

**Михаил Алексеевич Дмитриев (1832-1873) – этнограф,
фольклорист и педагог.**

Рядом со Свято-Марфинской церковью, слева от алтарной ее части находится поседевший от времени, но внушительный в своей кладбищенской красе, высокий гранитный памятник: ограда из таких же округлых столбов, схваченных толстыми чугунными цепями; внизу, тут же – сбитый православный крест и лаконичная надпись на постаменте: «Михаил Алексеевич Дмитриев, директор народных училищ Гродненской губернии, статский советник скончался 14 мая 1873 года на 41 году жизни». Чуть ниже – другая: «Мария Дмитриева, скончалась 25 июля 1879 года, 19 лет». Отец и дочь, и обоим жить бы еще да жить... И если бы так случилось, сколько бы новых интересных работ вышло бы из-под пера Михаила Алексеевича; одаренной в литературно-художественном и музыкальном отношении была юная Мария.

М.А. Дмитриев родился в Петербурге в 1832 году. Здесь же в 1853 году он окончил Главный педагогический институт и был направлен на работу в Северо-Западный край, в Новогрудок для исполнения должности преподавателя русского языка местного дворянского училища. Затем несколько лет он работал инспектором Виленской прогимназии. В 1864 году он был назначен директором Новогрудской мужской гимназии в ранге надворного советника.

Новогрудок – один из древнейших городов Белой Руси, ее великолепная природа, а самое главное, чистые, открытые и трудолюбивые люди, с их самобытной культурой не могли не вызвать у Дмитриева потребности не только познать этот удивительный край еще глубже, но и сделать свои кропотливые наблюдения и исследования достоянием всей России. Здесь, на Новогрудчине, он впервые столкнулся со всем своеобразием белорусской истории, сложностью этно-конфессиональных отношений, а также с необъятным богатством местного фольклора, вобравшим в себя мудрость, душевность и юмор не только своего народа, но и народов-соседей. Именно здесь, в Новогрудке, были записаны Дмитриевым многочисленные белорусские пословицы, поговорки и сказки, сделано описание разнообразных народных обрядов и обычаев («Свадебный обряд в селах Новогрудского цезда» 1861; «Описание похорон и дедов в Новогрудском уезде Минской губернии», 1867). Лучшие из записанных сказок он посылал известному русскому историку и фольклористу Александру Николаевичу Афанасьеву (1826-1871), который публиковал их по-белорусски в своих многочисленных сборниках «Русских народных сказок», включающих около 600 текстов.

Будучи членом Русского императорского географического общества М.А. Дмитриев опубликовал в нескольких номерах «Вестника» этого общества свои богатые фактическим материалом труды, посвященные далекому прошлому этого полюбившегося ему уголка: «Несколько слов краткого исторического обзора русско-литовского Новогрудка со времени основания...» (1858); «Собрание древнейших исторических сведений про Новогрудок со смерти Свенторога» (1859). Исследовательская работа несколько не мешала его административно-педагогической деятельности. Убедительным свидетельством тому может служить его перевод с повышением в должности в губернский город Гродно. Здесь он стал первым директором Гродненской дирекции народных училищ. Служба на новом месте не была спокойной, ибо требовала постоянных разъездов по всей губернии. Однако это не было обременительным для директора-этнографа. Наоборот, благодаря поездкам в ближние и далекие училища, его исследовательские возможности значительно расширились и углубились. Ученый неумоимо осуществлял записи топонимичных и мифологических легенд местных жителей («Озеро Свитязь», «Предание про Ловчицы», «Сказки западнорусского народа»,

1868 и др.), проявлял неиссякаемый интерес к живому языку крестьян - пробовал составить: словарь наиболее распространенных говоров Новогрудчины. В 1868 году Дмитриев издал сборник белорусской народной поэзии «Опыт собирания песен и сказок крестьян Северо-Западного края», а через год в Вильно вышел наиболее значительный его труд «Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края», которое включало 277 песен, 8 сказок, многочисленные описание обрядов, игр танцев и др.

С материалами своих исследований ученый выступал не только на страницах «Вестника Императорского Русского географического общества», «Вестника Западной России», в «Памятных книжках» Гродненской и Виленской губерний, но и в газетах: «Виленский вестник», «Минские губернские ведомости», «Гродненские губернские ведомости» и др. Наиболее значимые из них: «Несколько сведений о домашнем быте крестьян северо-западных губерний» (1869); «Обряды и обычаи западно-русских крестьян» (1867); «Нравы и обычаи западно-русского народа» (1868) и др. В «Циркуляре по Московскому учебному округу» Дмитриев опубликовал свою статью, посвященную народному образованию - «Воскресные школы в Гродненской губернии» (1868). Еще при жизни талантливый исследователь белорусского фольклора и этнографии за свои научные труды был награжден серебряной медалью Русского Императорского географического общества.⁴⁸

Что касается материалов Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно, то здесь обнаружено дело в фонде губернской канцелярии «О разрешении директору народных училищ Гродненской губернии М.А. Дмитриеву приобрести конфискованное по долгам имение Кобусы в Бельском уезде, принадлежавшее помещику Чарноцкому». Суть этого дела состояла в следующем: в ноябре 1868 года гродненский губернатор, генерал-майор Д.Н.Крапоткин (1836-1879) вошел в ходатайство к Виленскому генерал-губернатору о предоставлении Дмитриеву в награду за службу конфискованное имение с правом выкупа в течение 20 лет. Все документы, касающиеся этого имения были высланы как в Вильно, так и в Петербург. Летом 1870 года новый гродненский губернатор, генерал-майор А.Е.Зуров уведомил директора народных училищ Гродненской губернии М.А.Дмитриева, что передача ему конфискованного имения может произойти лишь при единовременной уплате выкупа в размере 1336 руб. и 5 коп. Согласившись на эти условия, Дмитриев в своей докладной записке просил Зурова ускорить прохождение этого дела в низших, т.е. уездных инстанциях.⁴⁹ Судя по всему, окончательного его разрешения награжденный так и не дождался. О причине смерти М.А. Дмитриева и его дочери Марии сведений в архивах не сохранилось.

Часть фольклорно-этнографического наследия ученого и педагога по разным причинам (в первую очередь, в связи с внезапной кончиной) не была опубликована и хранится в Национальном историческом архиве Литовской Республики (Вильнюс), в архиве Географического общества Российской Федерации (Москва), а также в рукописном отделе Библиотеки Российской академии Наук (Петербург). Эти бесценные документы ждут своего исследователя. Существует общественная необходимость в присвоении одной из новых улиц городов Гродно и Новогрудка имени замечательного этнографа, фольклориста и педагога М.А. Дмитриева.

«ВСЯ ОНА БЫЛА – САМА ЖИЗНЬ»

Мать поэта Мария Афанасьевна Богданович (Мякота) -1869-1896

Божественному поэтическому дару Максим Богданович (1891-1917) во многом был обязан своим родителям. Его отец – Адам Егорович (1862-1940), многообещающий языковед, этнограф и фольклорист после окончания Несвижской учительской семинарии несколько лет успешно учительствовал в Минской губернии. Пробовал он заниматься исследовательской работой, был близок к народовольцам. Но после того, как обзавелся семьей и вместе с ней переехал в Гродно, стал служить чиновником в Крестьянском поземельном банке. Более высокий социальный статус, неплохое жалование, моральная поддержка со стороны молодой супруги, позволяли ему более полно реализовывать свои природные дарования в области научной и культурно-просветительской деятельности. Он принимал активное участие в интеллектуальной жизни города, дружил со многими, даровитыми горожанами: историками Е.Ф.Орловским и Д.Н.Кропотовым, медиком И.К.Семакиным, военным врачом и путешественником Д.Н.Глинским. Сотрудничал он и с известным тогдашним фольклористом П.В. Шейном. Посылал ему тексты белорусских народных сказок, легенд, обрядов и т.д. В Гродненской губернской типографии вышли две книги А.Е. Богдановича “Про панцину: Рассказ из белорусской жизни времен крепостного права” (1894) и “Пережитки древнего мирозерцания у белорусов” (1895). В 1896 году, после смерти еще совсем молодой жены, А.Е.Богданович был переведен по службе в Нижний Новгород, где познакомился и подружился с А.М. Горьким. Здесь, на Волге, он продолжал заниматься исследовательской деятельностью. Из-под его пера вышли в свет такие талантливые произведения как “Язык земли. Образование водоречных имен и производных от них”, “Этнический состав белорусского народа”, “Этнический состав народов славянских и русских”. Работал он и над историей народничества, к которому примыкал в молодые годы. Интересны его воспоминания о А.М. Горьком, Ф.И. Шаляпине и о сыне-поэте Максиме. Он сберег все рукописное наследие сына, которое в 1923 году сам привез в Минск и передал на хранение в архив.

Тонкой поэтической душой, трепетным человеческим сердцем обладала мать Максима Богдановича –Мария Афанасьевна (в девичестве Мякота). Родилась она в 1869 году в Игумене (ныне Червень) Минской губернии в многодетной семье смотрителя местной больницы. Училась Маша в Игуменской народной школе, была лучшей по успеваемости ученицей у приехавшего сюда работать после окончания Несвижской учительской семинарии А.Е. Богдановича. Жили Мякоты в полуразвалившейся хате, которая как и все домашнее хозяйство пришло в упадок из-за тяжелой болезни отца. В 1882 году, после смерти отца, Машу с сестрой Сашей и братом Ваней определили в Минский детский приют. В тот же год умер от скоротечной чахотки Ваня, а Маша пригласилась на одном из благотворительных утренников жене минского губернатора князя Ф.П. Петрова – Ларисе Павловне. Чета Петровых полюбила девочку и вскоре удочерила ее. В доме губернатора была богатая библиотека из русских, польских и французских книг (французским языком хозяева владели свободно). Фрол Порфирьевич и Лариса Павловна, воспитанные на лучших образцах русской культуры, много читали и были весьма образованными людьми. Для пытливой Маши Мякоты тут было полное раздолье: за три года в семье губернатора она перечитала множество книг. Приставленная к ней гувернантка, выпускница Смольного института, учила девочку игре на рояле, пению и танцам, французскому языку. Маша оказалась на редкость одаренной ученицей и через короткое время удивляла своими успехами окружающих. Став ученицей Минского Александровского женского училища, она и там выделялась среди своих сверстниц необыкновенными способностями к языкам и литературе.

К шестнадцати годам она превратилась в очень красивую девушку. Много читала, посещала лекции, спектакли, концерты приезжих артистов. Однажды в городском театре, слушая оперу Манюшко «Селянка», Маша заметила, что высокий красивый молодой человек, не отрываясь, смотрит на нее. Ей показалось, что она где-то видела его. В антракте молодой человек подошел к ней, и, к их обоюдному удивлению, оказалось, что

они действительно знакомы: в юной красавице Адам Егорович Богданович узнал свою бывшую ученицу Машу Мякота. Маша рассказала бывшему учителю о том, как она благодаря счастливой случайности попала в дом губернатора, что она заканчивает училище и собирается учиться дальше в Петербурге. Молодые люди понравились друг другу, и перед отъездом Маши на учебу в Петербург поняли, что не могут обойтись друг без друга. По приезде в северную столицу Маша остановилась у родственников Ларисы Павловны. Приняли ее как родную, отвели уютную комнату, определили учиться в земскую учительскую школу. И полетели письма, открытки, фотографии. Девушка писала об учебе, своих петербургских впечатлениях, а Адам Егорович о своей работе, научных и общественных делах. На летние каникулы Маша приехала в Минск, затем с разрешения Ларисы Петровны, Маша со своими друзьями и Адамом отправились в Игумен. Там они впервые поцеловались. Венчались же в Хмарино-Городецкой церкви. Губернаторская чета поздравила их и пожелала счастья. В Минске молодожены жили в квартире, принадлежавшей церковно-приходскому училищу, в котором Адам Егорович был директором. Медовый месяц пролетел незаметно, и вскоре Мария Афанасьевна уехала в Петербург для окончания учебы. Но закончить педагогическую школу ей было не суждено, она ждала ребенка, а потому вынуждена была вернуться в Минск. 6 марта 1890 года в семье Богдановичей родился первенец – Вадим. Жили молодые супруги хорошо, весело, любили друг друга. 27 ноября 1891 года родился Максим, второй их сын, будущий поэт. Однако уже вскоре радость сменилась горем. Во время школьных уроков у Адама Егоровича горлом пошла кровь, а это означало, что учительство надо немедленно оставлять. По ходатайству Петровых А.Е. Богдановичу предложили место в Гродненском отделении Крестьянского банка.

В Гродно Адам Егорович служил в банке и вел там все делопроизводство, хотя числился помощником бухгалтера. Сотрудничал в “Гродненских губернских ведомостях”, был избран директором городской публичной библиотеки, являлся членом общества драматических писателей и композиторов. В Гродно у Богдановичей быстро образовался довольно широкий круг друзей и знакомых. По приезде в город над Неманом Мария Афанасьевна взяла (по примеру Петровых) к себе на воспитание Дарку, девочку из бедной крестьянской семьи, учила ее читать, писать. В свою очередь Дарка помогала смотреть за детьми. В 1894 году у Богдановичей родился еще один младенец – Лев. На лето глава семейства отвозил семью в деревню к родственникам.

В Гродненском доме-музее поэта, среди разных его экспонатов, хранится несколько семейных и индивидуальных фотографий Марии Афанасьевны, на которых изображена стройная, красивая, молодая женщина с необыкновенно одухотворенным лицом. Вот перед нами большой семейный фотоснимок конца. 1895 года. На нем - вся семья Богдановичей, когда все еще были живыми и относительно здоровыми. Однако уже через несколько месяцев после того, как Мария Афанасьевна родила дочь Нину; у нее открылась быстротечная, наследованная от отца чахотка, которая 4 октября 1896 года в возрасте 27 лет и свела ее в могилу. В то утро Адам Егорович сидел у постели больной, лишь изредка выходя из спальни, чтобы успокоить детей. “Доктора” - простонала Мария Афанасьевна почувствовав, что силы покидают ее. Доктор явился немедленно. «Это уже смерть? – спросила она. “Успокойтесь, Мария Афанасьевна, вы еще будете жить», - ответил доктор Семакин. Он отозвал мужа в соседнюю комнату и дрожащим от волнения голосом сказал: “Агония”. «Священника», - послышался тихий голос умирающей. Адам Егорович бросился в церковь, но когда они вернулись все уже было кончено. За четыре дня до смерти, Мария Афанасьевна заходила от приступов кашля, но когда он переставал, пробовала напевать что-нибудь веселое, своим тоненьким, как волосок голоском, а потом, как бы извиняясь, говорила, что ей не жалко так рано умирать: “Зачем мне долго жить, когда я была такой счастливой...”. Свой вечный земной приют она нашла на старом православном кладбище, как раз напротив Свято-Марфинской церкви. На

могиле поставили дубовый крест. Спустя почти полстолетия, в октябре 1892 года, поклонники творчества Максима Богдановича установили на ее скромной могиле памятник из розового гранита с лаконичной надписью «Маці Паэта». Поэту, потерявшему мать в неполные пять лет, всегда не хватало материнской теплоты и ласки. Поэтому ее маленький портрет в рамочке всегда стоял на столе молодого Максима, вдохновляя его в поэтическом творчестве. Не расставался до конца дней с портретом рано ушедшей из жизни жены и Адам Егорович, между тем, отмечавший, что фотографии Марии не дают никакого представления ни об ее душе, так и внешнем виде: «Это маска, лишенная жизни: а она была вся - сама жизнь, которая сияет и поет, вся - движение, радость, увлеченность».

Будучи прекрасной женой и заботливой матерью, тонкая в своем восприятии всего живого, Мария Богданович несомненно, обладала и литературными способностями. Ее письма, по словам А.Е. Богдановича, “поражали и мягкостью наблюдения, и живостью, и картинностью языка”. Как-то получив во время отдыха вместе с детьми у своей сестры в деревне подарок от “любимого Адамки” — инкрустированную шкатулочку, она ему тотчас же так просто и в то же время восторженно написала в ответ: “Дороженький мой любенький, лучший на свете всем Адамочка, солнышко мое золотое, за что ты так меня балуешь? Я теперь нахожусь в таком возбужденном состоянии, что не знаю, об чем писать, с чего начать... Дети все также прыгают в восторге...”.

Все свободное время Мария Афанасьевна посвящала детям: была неистощима в изобретении всяких игр и забав. Дети ее любили несказанно. Ее сказки, песни они могли слушать беспрерывно. Пробовала она и писать. Единственный известный рассказ матери будущего большого поэта “Накануне Рождества” был опубликован в 1883 году в “Гродненских Губернских Ведомостях” (№ 102). Он поражает своей непосредственностью и мягким лиризмом. Фотокопия этого рассказа также экспонируется в литературном музее Максима Богдановича, в доме, где их семейство прожило самую счастливую пору совместной жизни.⁵⁰

“КНИГИ ДЛЯ НИХ БЫЛИ ЖИЗНЬЮ, НАСЛАЖДЕНИЕМ И РАДОСТЬЮ...”

Антон Николаевич Шумович (1821-1893).

Осип Павлович Демьянович (1821-1893).

В среде образованных и одухотворенных людей, как правило, стремящихся к самовыражению посредством пера и бумаги, иногда встречаются и такие индивидуумы, которые сами лично не сочиняют и не пишут, но своим горением и страстностью по отношению к знаниям, созданием атмосферы творчества, преклонением перед книгой” немало способствуют появлению ученых и писателей. Именно таким человеком в культурной жизни Гродно последних десятилетий XIX века являлся Антон Николаевич Шумович. О нем, как, пожалуй, более ни о ком из гродненцев, написано огромное количество обширных и теплых воспоминаний. Одним из ближайших друзей А.Н. Шумовича был известный этнограф и фольклорист Григорий Иванович Кулжинский (1838-1910) – автор таких работ как «Гродненские письма: белорусские предания и песни про святого Георгия», «Очерки по истории народной поэзии», «Песни, сказки и поговорки Северо-Западного края», а также «Воспоминаний про Северо-Западный край». В 1860-1870 годы он являлся инспектором училищ Гродненской и Минской губерний, а в лице А.Н. Шумовича он постоянно находил искреннего сторонника своих научных изысканий. Наша задача значительно скромнее - обобщить наиболее важные стороны жизни и творческой деятельности этого светлого человека, нашедшего упокоение на старом православном кладбище, и, таким образом, восстановить его облик в памяти благородных

потомков.

А.Н. Шумович родился 13 июня 1827 года в заштатном городке Клещели Бельского уезда Гродненской губернии в семье священника. Учился он вначале в местной церковноприходской школе, а затем в Супрасльском духовном училище. Здесь же двумя классами ниже его учился будущий знаменитый историк М.О. Коялович. С этой поры и на всю жизнь между ними установились добрые человеческие отношения. Учился Антон хорошо, особенно по гуманитарным дисциплинам. Уже спустя многие годы, его одноклассники отмечали, что “в Супрасльском училище по русским письменным работам он не имел соперников, поскольку намного был лучше всех”. В 1845 году он поступил в Жировицкую духовную семинарию, где также был в числе лучших учеников. После окончания семинарии в 1847 году, он отправляется в Петербургскую духовную академию, куда был принят “по экзамену первым студентом, а окончил курс обучения одиннадцатым (по успеваемости и учености) магистром”. На склоне лет Антон Николаевич вспоминал: “Наша академия по тому времени стояла на должной высоте: личный состав профессоров был превосходный, академический режим был, правда, строгий, но так и надо было...”. Из своих академических профессоров Шумович чаще всего вспоминал знаменитого историка и теолога, будущего митрополита Московского Макария Булгакова (“человек он был эрудиции глубокой и основательной”), Кирилла Ивановича Лучицкого (“это - светило в русской словесности и эстетике, а памяти просто колоссальной”), читавшего церковную археологию, Дмитрия Ивановича Ростиславова, не только занимательно читавшего математику, но и написавшего книгу “О черном и белом духовенстве в России”, а также обширные мемуары, публиковавшиеся в “Русской старине” М.И. Семевского. Высокого мнения он был и о профессоре Фишере, “основательно излагавшем философию”. Академию Шумович окончил в 1854 году “по первому разряду” и был направлен в Литовскую (Виленскую) Духовную семинарию “профессором русской словесности Священного писания”. Здесь он прослужил без малого одиннадцать лет, приобретя славу “знатока своего предмета и дельного преподавателя”. Молодой преподаватель возбуждал у семинаристов любовь к чтению русской классики (В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова), любил задавать на дом “составление извлечений из прочитанного” с последующим разбором их в классе (“чем привлекли ваше сердце эти строки?” и т.д.), тем самым приучая молодежь к мыслительной работе. “Ты, братец, хорошо думай, а потом отвечай, пиши, говори... Читаешь что - вдумайся, сообрази, что к чему”, - частенько наставлял семинаристов профессор Шумович. С марта 1857 года он одновременно с преподавательской работой исполнял обязанности эконома семинарии и члена ее правления. Справедливо полагая, что “нет на свете страшнее послушания, чем быть экономом”, Шумович все-таки успешно справлялся с этой обязанностью. В связи с этим люди, знавшие Шумовича-эконома вспоминали такой забавный случай. В 1858 году во время посещения Литовской духовной семинарии императором Александром II, последний обратился в столовой к эконому с вопросом: “А что любят кушать ваши ученики?” На что Шумович по-военному отрапортовал: “Кисло, солоно и горько, Ваше Величество”. Этот ответ вызвал удовлетворительную улыбку высокого гостя и лестный отзыв: “Молодцы”.

В июле 1862 года А.Н. Шумович по приглашению тогдашнего попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова переходит на службу в его ведомство и получает направление на должность старшего преподавателя в Молодечненскую прогимназию, а затем в Минскую мужскую гимназию, где, кроме обязанностей учителя, исполнял должность инспектора гимназии. В минский период своей деятельности он неоднократно командировывался начальством во все уголки тогдашней Белоруссии для создания на селе так называемых народных школ. Если на 1 января 1862 года здесь их было 101, то уже через два года - 329 с 14384 учащимися. В этом деле, несомненно, был вклад и нашего земляка. С 1865 по 1867 годы он временно замещал должность начальника

только что созданной Минской женской гимназии, “призванной повести дело воспитания и образования в русском духе, в духе любви к своим ослабленным общерусским корням”. Следует заметить, что до этого в Минске было два женских учебных заведения, однако все обучение, кроме уроков русского языка, в них велись на польском языке, а воспитании, естественно, тоже в польском духе. Журнал “Вестник Западной России” К.А. Говорского (1864 год, февральский номер), освещая ситуацию, сложившуюся в ту пору в минском женском образовании, буквально стенал по поводу его полонизации: “Грустно, очень грустно, наблюдать как правительство наше тратит деньги на ополячивание русских девушек... Это вполне понимает начальство округа, и потому сильно хлопочет об открытии в Минске русской женской гимназии. Дал бы только Бог, чтобы это благое дело поскорее привелось в исполнение” (с.238-239). Судя по всему, и здесь А.Н. Шумович был, что называется, на своем месте. В это время к своей бронзовой медали в память Крымской войны 1853-1856 годов он дополнительно получил в награду сразу орден Св. Анны 3-й степени, минуя орден Св. Станислава.

В 1868-1869 учебном году, в силу каких-то “происков недругов” Антон Николаевич оказывается на должности преподавателя русской словесности в Гродненской мужской гимназии, но уже осенью 1869 года его назначают инспектором Гомельской прогимназии. За шесть лет службы “на берегах Сожа” он был удостоен орденов Св. Станислава и Св. Анны 2-й степени. Как благоволение начальства было воспринято учительством и утверждение его в августе 1875 года директором Виленской Владимирской прогимназии. За время службы здесь он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Однако уже в зените служебной карьеры, 24 сентября 1881 года Шумович неожиданно для всех был уволен в отставку “за выслугою лет без награждения чином”. Разгадка этой формулировки состояла в том, что по благородности своего характера директор был чужд заискивания и раболепского пресмыкательства. Предлогом же для увольнения было следующее обстоятельство. В октябре 1880 года тогдашний попечитель учебного округа получил анонимный пакет с вырезкой из газеты “Русский Еврей” (1880 год, №40), в которой шла речь об якобы оскорбительном отношении к ученикам-евреям директора одного из гомельских учебных заведений (в качестве примера приводилось директорское обращение к этим учащимся: “Вы кричите, как ж... на ярмарке”). Фамилия директора и название учебного заведения в заметке не назывались, но попечитель потребовал объяснений в связи со случившимся или опровержений в письменном виде не от кого-либо, а непосредственно от Шумовича, но Антон Николаевич этого не сделал, лишь лично объяснившись с попечителем, после чего он сам подал прошение об отставке.

После месячного “отдыха в отставке”, он делает попытку резкого поворота во всей своей профессиональной деятельности и, что называется “пристраивается”, временным помощником архивариуса, а затем становится архивариусом и переводчиком в Виленском центральном архиве. Произошло это благодаря поддержке со стороны однокашников из академии, вышедших в разные годы “из-под крыла профессора-историка Кояловича”, да и его самого. Однако недолго, как пишет Г. Кулжинский: пришлось Шумовичу “пыль веков от хартий отряхивать”. Летом 1882 года он был вызван к себе Виленским генерал-губернатором Альбединским и направлен преподавателем русского и церковно-славянского языков, а также истории и географии в Мариампольскую гимназию Ковенской губернии. С этого времени рядовое учительство стало “альфой и омегой” его служебной деятельности. Он любил и высоко ценил ответственный труд учителя, дорожил этим почетным званием. Летом 1888 года Антон Николаевич возвращается на родину в Гродно и начинает преподавать в Гродненской мужской гимназии. Впоследствии уже состоя в полной отставке он продолжал служить на педагогическом поприще в качестве домашнего учителя.

Оставаясь упорным и несоблазнительным холостяком, Антон Николаевич имел

все-таки родную семью, вернее семью его родной и единственной сестры Павлы Николаевны Концевич (муж ее был священником, но она рано овдовела) и двоих ее детей: сына Михаила Юстиновича и дочери Софьи Юстиновны. А.Н. Шумович являлся кормильцем и покровителем этой семьи. Его же личные попытки завести семью еще в молодые годы закончились не по его вине, а ввиду строптивости его избранниц, неудачей. После чего он решил больше не испытывать судьбу, тем более, что к этому времени после внезапной кончины мужа родная сестра с детьми полностью осталась без средств к существованию. Желание помочь родным людям сняло остроту проблемы и личного устройства жизни. Чувство семейственности выражалось у прирожденного педагога не только по отношению к семье сестры, но и к отошедшим родителям. Летом 1878 года, будучи директором Виленской прогимназии, он посетил свою родину Клещели, а также село Мостовляны, где умерли его родители, чтобы “усладить свое сердце исполнением сыновнего долга - поклониться родным могилам, помолиться у них”.

Период “гродненского сидения” (с сентября 1888 года и до кончины) были для Антона Николаевича временем самоуглубления и самоусовершенствования. Задавшись такой целью, пенсионер-учитель погрузился в чтение. Читал он много и скоро, как бы боясь не успеть достичь чего-то одного ему ведомого. “Проверял себя и совершенствовал” А.Н. Шумович в области философии, истории русской в славянской литературы, гражданской и церковной истории. Из богословских работ он несколько раз проштудировал “Введение в догматическое богословие” своего учителя по Петербургской духовной академии митрополита Макария (Булгакова). Исторические журналы и книги он получал из библиотеки Благородного собрания, которой сам и заведовал в качестве его члена. Особенно увлекался Антон Николаевич “опытной или экспериментальной психологией”. Господствующее значение здесь имели вопросы о бессмертии души, в частности, изложенные в книге докторов Шилтова и Сабатье (петербургского издания 1898 года). Книги для него были наслаждением и радостью. О нем каждый бы мог сказать словами поэта: “Уединен и тих, в науках он искал себе отрады”.

Своими мыслями о прочитанном он обменивался с близкими ему людьми из учительской среды. Особенно он любил беседы с выдающимся “спорщиком”, своим товарищем еще по Литовской семинарии, Осипом Павловичем Демьяновичем (1821-1893). По воспоминаниям Григория Кулжинского, это был человек “умный, любознательный с большой эрудицией и чувством юмора”. Выделялся он среди других людей в зрелые годы и своей внешностью: “высокий, стройный, с большой плешью и длинными баками, смуглый Осип Павлович обладал добрыми карими глазами и не сходящей с его лица доброй улыбкой”. Родился приятель и коллега А.Н.Шумовича в 1821 году на Гродненщине в семье священника, окончил Петербургскую духовную академию, служил учителем церковной гражданской истории в Литовской (Виленской) духовной семинарии. В 1850-60-е годы он благодаря своим способностям и энергии был замечен тогдашним попечителем Виленского учебного округа И.П.Корниловым и направлен заведовать Молодечненской учительской семинарией, но там ему не понравилось, что привело к назначению его в 1871 году инспектором народных училищ Минской губернии. С 1878 года и вплоть до выхода на пенсию Осип Павлович являлся директором народных училищ Гродненской губернии. Этот период в развитии народного образования в Принеманском крае ознаменовался зримым подъемом в деле просвещения широких слоев белорусского народа.

Исполнение своего долга О.П.Демьянович “почитал святыней для себя и других, однако сносить не мог лицемерия и ходульности”. Всякую фальшь подмечал и юмористически копировал. Он полагал, что хорошо поставленное сельское народное училище - лучшая опора государства. Ездил он по этим школам неустанно, а по приезде заваливался по-“обломовски” на диван и запоем читал. Очень любил церковное пение и знал в нем толк. Религиозное чувство было в нем возвышенное и искреннее. Г.

Кулжинский справедливо отмечал, что О.П. Демьянович был “из числа тех звездочек, которые окружали в свое время митрополита Иосифа Семашко. И свет от них исходил не чужой - заимствованный, а свой, внутренний”. Из воспоминаний О.В. Щербицкого, коллеги А.Н.Шумовича и О.П.Демьяновича по Литовской духовной семинарии, следует, что оба они находились под сильным человеческим и научным влиянием профессора Петербургской духовной академии М.О. Кояловича. Благодаря его поддержке, они, а также Ф.Г.Елеонский и Ф.К.Смирнов, принимали деятельное участие в сборе материалов для “Археологического сборника документов, имеющих отношение к истории Северо-Западной России”, издаваемых при управлении Виленского учебного округа (всего было выпущено 14 томов). Все упомянутые лица день и ночь в молодые годы занимались изучением массы “хлама”, который валялся в канцелярии семинарии и ее библиотеке и нередко использовался служителями для растопки печей. Однако учителям-энтузиастам удалось найти среди этих бумаг и ценные документы по истории унии, православия в Белоруссии. Найденные ими материалы вошли в состав VI тома “Археологического сборника”. О.П.Демьянович, кроме упомянутого, обнаружил еще летописи-хроники двух наиболее древних в Белоруссии монастырей - Супрасльского и Каложского Борисоглебского в Гродно. Опубликованы они были в IX томе этого же сборника. Не раз брался Осип Павлович и за написание трудов по истории этих и других православных святынь. Но неудача, постигшая его в молодые годы, сдерживала его благородный порыв. Как свидетельствовал Г.Кулжинский, “академия, одоблив его диссертацию, почему-то не удостоила его степенью магистра”. И это был первый неприятный толчок в его жизни, который болезненно ощущался до последних дней. Однако библиофилом и спорщиком по всем научным и житейским вопросам Демьянович был замечательным. Антон Николаевич Шумович не раз говорил о своем товарище: “Мы с ним бывало часто много и горячо спорили, но расставались запоздно и всегда друзьями”.

Учительство было природенным свойством Антона Николаевича. Своего слугу Ивана Якимчика, молодого деревенского неуча, он лично обучил русской грамоте и русской грамматике (до синтаксиса включительно), арифметике (до десятичных дробей) и географии (в объеме курса гимназии). Успехи Якимчика радовали учителя. Правда, став “ученым”, Иван резко изменился в худшую сторону: стал грубить, лениться и требовать в дополнение ко всему этому “прибавки к жалованию” за свою “образованность”. Шумович долго терпел выходки своего подурневшего от “учености” ученика, но в конце-концов вынужден был его уволить.

Отдыхал и развлекался Антон Николаевич по вечерам в дворянском клубе Благородного собрания, а также в военном клубе. Свое “гродненское сидение” он прерывал иногда паломничеством к святым местам в Киеве, Петербурге и в Москве. В 1896 году он ездил в Нижний Новгород на художественно-промышленную выставку. В марте 1900 года неожиданно умерла единственная родная сестра Шумовича. А поскольку обязательными задачами человеческой жизни он считал “личное совершенствование и посильное совершенствование других” плюс “добросовестное исполнение своего долга перед государством, церковью, обществом, семьей и самим собою”, то доблестным подвигом личного самосовершенствования Антона Николаевича можно считать то, что на могиле своей “Павли” - сестры на православном кладбище в уездном городе Соколке Гродненской губернии он построил каменную церковку-часовню.

Потеря единственного, родного человека была тяжелым ударом для 73-летнего педагога. Кроме этого, активизировалась и его давняя астма. 7 июля 1900 года он составил письмо-завещание, в котором распорядился своим скромным наследством, а также будущими похоронами (“по возможности скромными”): “На могилу мою положить плиту из крепкого камня с надписью: “Статский советник Антон Николаевич Шумович, родился 13-го июня 1827 года, умер – тогда-то. Помяни, Господи, раба Твоего в Царствии Твоем”. Вручая письмо, он от себя добавил устно: “Дать не в счет жалованья, а

в виде награды Степану Якимчику (брату Ивана-“ученого” - В.Ч.), если он сам не оставит при мне службы, 150 рублей... и лучший мой сюртук”. Незадолго до смерти Антон Николаевич попросил принести ему сочинения Платона, но уже не смог их по слабости своей держать в руках. Скончался он 4 сентября 1900 года на руках своей племянницы Софьи Юстиновны Концевич, в присутствии врача Раутенштейна и неизменно преданного слуги Степана Якимчика. Отпевание усопшего состоялось 6 сентября в Свято-Воскресенской часовне старого православного кладбища. Память покойного почтили его два бывших ученика по Литовской семинарии - протоиерей Валериан (Курганович) и чиновник Никанор Иванович Белецкий⁵¹.

И сегодня простая надмогильная плита из “крепкого камня” - местного гранита находится слева у входа в Свято-Марфинскую кладбищенскую церковь, напоминая нам о светлом образе учителя, библиофила и благородного человека. Могила Осипа Павловича Демьяновича нам, к сожалению, найти не удалось.

*ПРЕЗИДЕНТ «ОБЩЕСТВА ВРАЧЕЙ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ»
Александр Федорович Рейпольский (1835-1907)*

В 1869 году в губернском городе Гродно по примеру других белорусских городов (Могилева и Минска) было образовано “Общество врачей”. В тот год оно насчитывало всего лишь 13 врачей и фармацевтов. В силу невысокой общественной активности его членов новоиспеченное общество развивалось медленно, его заседания проходили от случая к случаю. В 1871-1872 годах, в связи с распространением на территории Гродненской губернии эпидемии холеры, общество практически распалось. Некоторый подъем в жизни медицинской общественности начался в 1873 году. 3 января состоялось организационное собрание, на котором присутствовало 11 врачей и 4 фармацевта. По предложению руководства общества был утвержден план его работы, предусматривавший проведение ежемесячных заседаний с обсуждением научных медицинских докладов, обменом опыта и демонстрацией редких по болезням пациентов. Однако и этот год, по отчету правления, не стал переломным в лучшую сторону для деятельности общества.

В 1875 году в Гродно из Киева на должность губернского врачебного инспектора прибыл доктор медицины Александр Федорович Рейпольский. Выпускник медицинского факультета Киевского университета Святого Владимира, работавший практическим врачом начиная с 1863 года, А.Ф. Рейпольский, став президентом “Общества врачей”, изменил всю его жизнь. Активизировалась текущая работа медицинских работников, их участие в обсуждении научно-медицинских проблем приобрело более высокий уровень. Под влиянием роста патриотических настроений в стране в связи с начавшейся русско-турецкой войной 1877-1878 годов многие члены общества выразили желание оказывать помощь военным медикам в лечении раненных и больных воинов. Президент общества А.Ф. Рейпольский безвозмездно возглавил один из лазаретов Российского Красного Креста, в котором находилась значительная часть раненных солдат и офицеров, которые поступали железнодорожным транспортом в Гродно.

Когда летом 1885 года в городе произошел один из самых сильных за его историю пожар, члены общества вместе со своим президентом как могли оказывали медицинскую помощь погорельцам, участвовали в сборе и распределении для них пожертвований, которые поступали сюда со всей страны. По инициативе А.Ф. Рейпольского в 1888 году из числа членов общества была создана комиссия по изучению санитарного состояния губернии. Итоги ее работы, опубликованные в местной и специальной печати, имели громадный общественный резонанс, мимо которого не могли пройти губернские власти.

В 1890-1891 годах в состав общества входило уже 25 членов. Его заседания проходили ежемесячно. Протоколы этих заседаний стали публиковаться типографским

способом. Более того, усилиями членов общества в 1892 году под председательством Рейпольского в г.Гродно прошел первый в Белоруссии съезд 18-ти сельских врачей губернии. Итогом трех дней работы съезда стало решение о переводе одной лечебницы в более удобное место, строительство еще одной, с тем чтобы довести количество лечебниц в Гродненской губернии до 18-ти. После проведенной реорганизации на одного врача в сельской местности стало приходиться 70 тысяч жителей, а на фельдшера - свыше 12 тысяч. На съезде получило одобрение ходатайство сельских врачей губернии о том, чтобы в пределах отпускаемых сумм им разрешалось приобретать необходимые медикаменты, инструменты, оборудование и продукты питания. Тогда же был поднят и вопрос о повышении жалования врачам, фельдшерам и обслуживающему персоналу сельских лечебниц. Через год, в 1893 году здесь же успешно прошел съезд 35-ти “правительственных” врачей губернии. Его решения в значительной степени повлияли на ликвидацию последствий холерной эпидемии, в очередной раз проникнувшей в пределы губернии. В период эпидемии здесь заболело 1784 и умерло 663 человека. Для борьбы с ней было привлечено 29 врачей, 90 фельдшеров, 78 дезинфекторов. Под временные лазареты приспособлялись частные дома. Для бедняков устраивались бесплатные чайные и удешевленные столовые.

В 1896 году “Общество врачей Гродненской губернии” (президент А.Ф. Рейпольский, вице-президент И.А.Никифоров, секретарь Н.Д.Беклемишев) состояло, включая военных врачей, из 42 членов. При обществе имелась солидная библиотека, в которой кроме отечественных медицинских книг и журналов, имелись и заграничные издания, интересовавшие гродненских врачей. В 1895-1896 году на заседаниях общества было заслушано более 30 сообщений на самые разные медицинские темы. Члены медицинского объединения плодотворно сотрудничали с Гродненским губернским статистическим комитетом по вопросам, касающимся ежемесячного учета заболеваемости и смертельных исходов по губернии. В состав “Общества врачей”, кроме его президента, входили и другие популярные в Принеманском крае медики: Ю.Ф.Бенецкий, И.И.Костелковский, Д.Л.Глинский, В.К. Шенберг, П.И. Яхонтов, Н.Д. Беклемишев и др.⁵²

В начале XX века, после оставления А.Ф. Рейпольским своего президентского поста, жизнь общественного объединения стала меняться в худшую сторону. Причин тому как субъективных, так и объективных было немало. Не вникая в их смысл, тем не менее можно утверждать, что “золотой век” в жизни медицинской общественности губернии ушел в прошлое вместе с А.Ф.Рейпольским. Более четверти века этот человек как на профессиональном, так и на общественном поприще, являл собой пример постоянной и выполненной верности клятве Гиппократов. Действительный статский советник А.Ф. Рейпольский являлся совещательным членом Гродненского губернского ветеринарного комитета, большую работу он проводил в местном отделении Российского Красного Креста и в православном Софийском братстве. За “отлично-усердную работу на медицинском поприще” доктор медицины Рейпольский был награжден орденами Св.Станислава 2-й степени, Св.Анны 3-й степени и Св.Владимира 4-й степени.

Похоронен Александр Федорович Рейпольский по левую сторону от главной кладбищенской аллеи, чуть-чуть не доходя до Свято-Марфинской церкви, рядом с могилами генерал-майора А.А.Федорова и председателя Гродненского окружного суда Ф.М.Вышеславцева.

ВСЕ, ЧТО ОН НЕ ДЕЛАЛ БУКВАЛЬНО «ДЫШАЛО ИСТОРИЕЙ»...
Евстафий Филаретович Орловский (1862-1913)

Гродненщина - край с удивительно богатой историей. Это богатство издревле манило к себе многих замечательных летописцев. К сожалению, войны и пожары не только поглотили память о них, но и о большинстве их замечательных творений. И лишь отголоски этих письменных памятников уже в других исторических сочинениях все же дошли до нас. Первое упоминание летописи о гродненских князьях - потомках Ярослава Мудрого относится к 1116 году. Первое письменное упоминание, но уже о самом граде Гродно зафиксировано в Ипатьевской летописи под 1128 годом, хотя сам город-крепость как северо-западный форпост Киевской Руси был основан, несомненно, значительно раньше.

Не без участия гродненских летописцев дошло до нас важное свидетельство, относящееся к жизни города в 1183 году: «Того же лета Городен (вариант Городно) погоре весь и церкви каменная от блистания молние и шибения грома». Последний отзвук жизни древнего Гродно нашел свое место и в знаменитом «Слове о полку Игореве». Здесь, в связи с поражением и гибелью в борьбе с Литвой неизвестного по летописи князя, говорится «У ныли голоси, пониче веселие, трубы трубят городеньскийи...».

В дальнейшем вместе с развитием письменности и книгопечатания различны суждения о важнейших событиях гродненской истории высказывали многие отечественные и заграничные историописатели. Однако эти сведения по-прежнему были скупы и мало вразумительны, причем, не только применительно к начальному периоду истории одного из городов Черной Руси - древнего Гродно, но и всего Припечанского края в позднейшие эпохи.

Образование в начале XIX века Гродненской губернии положительно затронуло все стороны жизни города над Неманом. Он стал расти, хорошеть, обретать все черты столицы одноименной губернии. Сведения о ней стали появляться в императорских указах, в правительственной и земской статистике, в победных реляциях полководцев, а также в нелегальной периодике. К столетнему юбилею губернии в городе Гродно сложился круг образованных и влюбленных в родную историю людей, дерзнувших на комплексное освещение темы. Общепризнанным лидером в этом деле среди них был Евстафий Филаретович Орловский (1862-1913).

Имя и труды Е.Ф.Орловского в конце XIX - начале XX веков были известны каждому жителю Гродненщины. Сын православного священника с Ошмянщины, выпускник Петербургского историко-филологического института, преподаватель истории и географии Гродненской мужской гимназии, один из основателей местного церковно-археологического комитета, педагогического общества, активный деятель Гродненского Софийского православного братства - Орловский был неутомимым исследователем истории родного края еще при жизни названным его почитателями «ходячей энциклопедией» и «летописцем города». Из-под его неутомимого и талантливое пера вышло более двадцати научных трудов, посвященных истории родного края. Первой серьезной работой Орловского в этом направлении был «Очерк истории города Гродно, составленный на основании письменных источников» (1889). Уже в нем историк столкнулся с необходимостью дать ответ на вопрос, где помещался тот самый город, в котором правили упоминаемые древними летописцами «городенские» князья. Одни из историков считали, что это современное Гродно на Немане (В.Д.Антонович, Н.В.Кукольник, А.С.Семеновский, В.В.Грязнов). Другие полагали, что удаленность этого Гродно, лежавшего за болотистым бассейном Припяты, от главного театра политической борьбы тех лет - Поднепровья не позволяет связывать с ним летописные данные: действительно, Гродно лежало далеко даже от ближайших крупных городов: до Полоцка

по прямой было 380 км, Минска - 240, Пинска - 224, Турова - 212, Владимира-Волынского - 320 км. Поэтому эти авторы видели летописное Гродно в одноименном местечке (Гродно, Городная) в правобережье Припяти между Стырем и Горыню юго-восточнее Пинска (Н.М.Карамзин, С.М.Соловьев, Н.П.Барсов). Третьи - делили летописные известия о Гродно между этими пунктами, относя сведения XII века к Городно пинскому, а события XIII века связывая с Гродно неманским (П.Н.Батюшков). Е.Ф.Орловский более всего склонялся к точке зрения первых ученых.

В 1893 году, после нескольких лет напряженной исследовательской работы, он выступил на IX археологическом съезде в Вильно с докладом «Основание г. Гродны и его история до 1241 г.», в котором не только дал глубокий обзор и детальную критику разноплановых мнений по данной проблеме, но и достаточно аргументировано обосновал тождество летописного и неманского Гродно. Одним из важнейших аргументов молодого ученого была сохранившаяся в Гродно Борисо-Глебская (Каложская) церковь, в датировке которой XII веком не возникало никаких сомнений. Смелое вмешательство в научный спор маститых историков учителя Гродненской мужской гимназии и одержанная в нем убедительная победа принесли ему славу крупного знатока своего города и Принеманского края.

Однако и после этого знаменательного выступления Орловского мнение о тождестве летописного Гродно с Городно пинским еще продолжала держаться в научной литературе. Об этом писали, в частности, украинский историк М.С. Грушевский и гродненский исследователь Д.М.Милютин. Поэтому Орловский повторил и расширил аргументацию своей точки зрения в новой капитальной книге «Гродненская старина . Часть I. Гор.Гродна» (1910), которая должна была, по его мнению, положить конец этой дискуссии. Однако в 1920-30-е годы, в пору нахождения города в составе Польши, в исследованиях некоторых польских ученых (Ю.Иодковского, Г.Ловмянского) были предприняты новые попытки смазать вопрос о летописном Гродно и утвердить тезис об основании города литовцами, а Каложскую церковь рассматривать как церковь - крепость, намекая на ее связь с позднейшими «оборонными храмами» литовской поры (XV века). С целью доказать это, в 1932-1939 годах Ю.Иодковский и З.Дурчевский на территории Старого замка или Замковой горы развернули археологические раскопки. Однако они не дали ожидаемых результатов. После войны экспедиция Института материальной культуры АН СССР под руководством Н.Н.Воронина подвергла названный объект комплексному научному изучению. Масштабные раскопки 1949 года не только полностью подтвердили концепцию Е.Ф.Орловского, но и позволили в полном объеме воссоздать культурную жизнь города в древнерусский и литовский периоды его истории.

Судя по всему, скромный гимназический учитель никогда не допускал мысли о том, что его заключение о начальном периоде города над Неманом отзовется среди современников и потомков столь бурными научными политическими дискуссиями. В предисловии к «Гродненской старине» он лишь лаконично объяснил как появился на свет его труд, какие источники при написании его были использованы и почему «во многих случаях рамки повествования о г.Гродно приходилось расширять и излагать события всего района», т.е. губернии. И все-таки, за внешней непритязательностью автора, во введении и во всей содержательной части «Гродненской старины» проявлялась четкая авторская концепция и желание вызвать у читателя уважительное отношение к истории родного города. Несомненно, что «Гродненская старина» Е.Ф. Орловского при всех ее недостатках - есть лучшее из того, что было написано о городе до него, да и после смерти историка. На страницах книги нашла отражение многовековая история Гродно от доисторических времен до начала XX века. В ней он охватил все сферы жизни Гродно и губернии от почвенно-геологической и археологической до социологической политической и культурной. Все события гродненской истории автор объяснял «двумя причинами: а) стратегическими; б) религиозными». Под первой он понимал изменения в

общественно-политической жизни города и губернии, а под религиозными - межконфессиональные и межнациональные отношения. Эти сюжеты затрагивались автором во всех 25 главах книги. Здесь же давались замечательные характеристики князей русских и литовских, королей польских и императоров всероссийских, наиболее видных гродненских сановников, губернаторов и епископов. Многие страницы книги посвящены описанию местных достопримечательностей - замкам, дворцам, монастырям, церквям и костелам.

Одним словом, если бы весь вклад Е.Ф. Орловского в истории Гродненщины ограничился бы только вышеназванными сюжетами, имя замечательного исследователя уже должно бы значится первым из первых в числе его летописцев. Однако его научные интересы простирались значительно дальше. Главной целью «Гродненской старины» была потребность всеобъемлюще осветить историю всего Принеманского края, а затем, возможно, и всей Белоруссии. Его интересовала история реки Неман, местечек Свислочь и Жировицы, старинной Симеоновской церкви, вновь обретенного в начале XIX века Софийского собора в Гродно и Красностокского монастыря под Белостоком. Работы Орловского, посвященные этой тематике, включая учебные описания Гродненской и Виленской губерний, были, несомненно, лишь предварительными эскизами его так и не завершенных значительных художественно-исторических полотен.

Будучи духовным учеником профессора Петербургской Духовной Академии и также уроженца Гродненщины М.О. Кояловича (1828-1891), Е.Ф. Орловский хорошо видел, что все своеобразие истории края тесно связана с многовековым противостоянием здесь двух культур, двух цивилизаций тысячелетней русско-православной и насчитывающей несколько веков польской униатско-католической. Исследователь, как и его отец - священник и старший брат Степан языковед, питал неподдельный интерес к духовной миссии Православной Церкви на гродненской земле. Его труды «Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX ст. (1794-1900)», «Исторические основы русского самодержавия», «Граф М.Н. Муравьев как деятель над укреплением прав русской народности», несмотря на то, что они были написаны в разные годы, и тематически и концептуально были, несомненно, близки и схожи. Их главный вывод сводился к тому, что три этноса, три племени: великорусы, малорусы (украинцы) и белорусы в своем государственном строительстве всегда выступали как единый русский народ, и что основа, залог процветания его заключена в приверженности Православию.

В этой же связи Е.Ф. Орловского влекли к себе образы святого старца Сергия Радонежского, митрополита Иосифа Семашко, императора Николая I, императрицы Марии Федоровны, профессора-историка М.О. Кояловича. И дело здесь было не столько в масштабности и своеобразии упомянутых исторических лиц, сколько в выяснении того, чем был для них Принеманский край, и что они (каждый на своем «посту») сумели сделать для возвращения его жителей на «круги своя» после столетий «блуждания в лоне чуждой ему духовности и государственности».

Научные изыскания Е.Ф. Орловского находили свое воплощение не только в его книгах, брошюрах в статьях на страницах гродненских газет. Его уроки в гимназии, благодаря краеведческому материалу буквально «дышали историей». И это при том, что школьная администрация требовала от педагогов преподавать всеобщую историю по учебнику Д.И. Иловайского, а русскую и в связи с всеобщей - по учебнику С.В. Рождественского. Однако Орловский не ограничивался в своей научной деятельности только уроками в гимназии, участием в заседаниях исторической секции Гродненского педагогического общества других культурно-просветительских объединений. Известно, что он инициировал среди молодежи занятия нумизматикой, филателией, экскурсионной и туристической деятельностью. Он был живым примером того, как должен ученый человек использовать свое время. А потому, где бы историк находился, при нем всегда были

книги, а вместе с ними листочки для многочисленных записей. Имея все странности «ученого человека», он достаточно благодушно относился к подшучиваниям над собой и не особенно заботился об устранении этих «странностей». Евстафий Филаретович не избегал компаний и общественных увеселений, был интересным собеседником, неистощимым рассказчиком анекдотов и веселых историй. Увлеченность наукой, вероятно, помешала историку обзавестись своей семьей. Уже будучи сорокавосемилетним, он вступил в свой первый законный брак с бездетной вдовой местного чиновника В.С. Смирновой. Потомства у четы Орловских не было.

В конце 1910 г. у историка обнаружился рак желудка. Тяжелую болезнь Орловский переносил стойко, не впадая в отчаяние. Лишь за полтора месяца до смерти он прекратил посещать гимназию. «С верой и упованием на милосердие Божие исполнил он христианский долг исповеди и святого причастия», - так сообщалось в некрологе о его кончине. Не стало Орловского 2 декабря 1913 года.⁵³ Умирал он в сознании и последними его словами сестре было: «Умереть легко, да умирать трудно». Похороны историка, краеведа и педагога, состоявшиеся 4 декабря на православном кладбище неподалеку от Марфинской церкви, показали не только глубокую скорбь горожан в связи с кончиной замечательного историка, педагога и человека, но и явились выражением их неподдельной любви и уважения к трудам и благородным деяниям Орловского. В день его погребения все учебные заведения города по распоряжению попечителя округа были освобождены от занятий. Казалось, весь город вышел на проводы в последний путь своего летописца. С прощальными речами в его адрес выступили: законоучитель мужской гимназии В.Штепенко, священники-протоиереи И.Корчинский, К.Михайловский, директор гимназии И.А.Глебов, доктор К.Белецкий, преподаватели гимназии и реального училища Д.Н.Кропотов, И.И.Остроумов, гимназисты В.Кузьмицкий и В.Берестовский. Понять сказанное ими несложно - все они восхищались его преданностью педагогическому труду и исторической науке, высокими человеческими качествами. 24 венка легли на могилу Евстафия Филаретовича Орловского, был водружен большой деревянный крест с твердой уверенностью, что он никогда не станет для историка крестом забвения... Начался сбор пожертвований на устройство достойного его памяти надгробия. Однако уже через несколько лет, в годы революционного лихолетья, Первой мировой и последующих войн, место захоронения гродненского летописца было затеряно.

Все мы, гродненцы, несомненно в огромном долгу перед этим человеком, влюбленным в родную историю. Дабы острее представить себе каким был Е.Ф. Орловский к вышеизложенному прилагается некролог о нем, опубликованный в одном из номеров «Гродненских Епархиальных ведомостей» за 1913 год, изданный в том же году и отдельным оттиском. Разумеется, что этот некролог несет на себе печать своего времени, раскрывая не только облик покойного, но и мировоззрение, тех, кто пришел проводить своего учителя и историка в последний путь. Кроме всего прочего, некролог и речи на похоронах Евстафия Филаретовича представляют несомненный интерес и в качестве иллюстрации к похоронным обрядам столетней давности.

Некролог печатается в полном объеме, в соответствии со старой стилистикой и современными правилами русского языка.

Евстафий Филаретович Орловский. (Некролог).

2-го декабря 1913 г. скончался и 4-го предан земле учитель Гродненской мужской имени графа Торماسова гимназии, Евстафий Филаретович Орловский. Покойный родился в 1862 г. и в порядке рождения был четвертым членом довольно многочисленной семьи священника села Словенска Виленской губернии Ошмянского уезда. Старший из его

братьев окончил службу инспектором студентов Казанского университета, а один из младших в сане священника занимает и до сих пор место своего отца в родном селе, удерживая таким образом за родом его родное гнездо. Е.Ф. еще с детства, по словам его сестры, выделялся в семье особенной добротой, чуткостью и исключительным благородством. Он, как сын священника, получил первоначальное образование в духовных учебных заведениях. Окончив Виленское духовное училище и общеобразовательные классы (1 - 4) Виленской же (Литовской) духовной семинарии, он вышел из последней для поступления высшее учебное заведение - в Императорский историко-филологический институт в Петербурге; каковой окончив в 1885 г. по историческому отделению, 11-го июня этого же года был назначен учителем Гродненской гимназии по кафедре греческого языка и истории. Заняв это место сразу со студенческой школьной скамьи, он пробыл на нем до самой своей смерти. Из двух предметов, на которые был назначен, он еще в первые годы своей службы греческий язык уступил другим специалистам этой кафедры, а сам исключительно занялся историей и географией, на которых и специализировался в течение всей своей педагогической деятельности. И по истечении 25 лет службы, дающих право на пенсию, он продолжал службу и мог бы продолжать ее с пользой для дела еще многие и многие годы, если бы не злой недуг (рак желудка), так рано прервавший его чрезвычайно продуктивную деятельность. Состоя учителем мужской гимназии (и много лет Мариинской, женской) покойный нес на себе труды и разных других видов общественной деятельности. Он в течение многих лет и до самой смерти состоял библиотекарем городской публичной библиотеки, агентом общества драматических писателей был почетным членом Гродненского Софийского православного братства, членом церковно историко-археологического комитета, педагогического общества и общества братской взаимопомощи. Занимаясь исключительно историей и географией, он довольно многочисленными своими печатными трудами по этой специальности оставил хорошую память по себе на всех занимаемых им местах. Печатные труды его начались с 1889 года «Очерком истории Гродно» и продолжались до самого последнего времени. Вот список его печатных трудов в порядке их появления.

1. Очерк истории города Гродны. Гродно, 1889 г.
2. Ряд статей по истории и этнографии Гродненской губернии в «Гродненских Губернских Ведомостях»; из них более значительные:
 - а) м.Жировицы. Из записок туриста. (1892г. №№ 58-63).
 - б) Симеоновская церковь в гор.Гродно (1891 г. № I),
 - с) О Немане (Там же, № 4).
 - д) м.Свислочь-Волковыская. Исторический очерк. (Там же, 1895 г., и отдельную брошюрою: Гродно, 1895 г.).
3. Св.Сергий Радонежский и его время. Актовая речь (Там же, 1892г. № 77).
4. Со времени открытия в «Гродн. Губ. Вед.» неофициального отдела г. Орловский вел в них отдел критики и библиографии по истории Западной Руси, а с августа 1892 г. также обозрение исторических журналов (по 1894 г.).
5. Исторические основы русского самодержавия. Гродно, 1893 г.
6. Император Николай I. Исторический очерк. (По поводу столетия со дня рождения). Гродн. Губ. Вед. 1896 г. июнь).
7. Граф М.Н.Муравьев, как деятель над укреплением прав русской народности в Гродненской губернии. Издание Гродн. Правосл.Софийского Братства. Гродно. 1898 г.
8. К истории народного образования в Гродненской губернии (по архивным материалам Гродненской гимназии). Гродно, 1899 г.
9. Исторический очерк Гродненской гимназии. Гродно. 1901 г.
10. Учебное описание Гродненской губернии (для учащихся в Гродненских гимназиях) Гродно, 1902 г.

11. Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794-1900). Напечатано в Гродн.Епарх Вед. за 1901 и 1902 г.г. с отдельными оттисками.

12. Краткий отчет о состоянии Гродненской гимназии за 1900-1901 г. с приложениями.

13. Красностокский монастырь. Исторический очерк. 1905 г.

14. Гродненская старина. Ч.1. Гродно, 1910.

15. История Гродненской губернии в 1812 году (Юбилейное издание 1812г.).

16. Учебное описание Виленской губернии. Вильна, 1904 г.

17. Императрица Мария Федоровна (Ее жизнь и деятельность ея учреждений). (Произнесено 2 мая 1897 г. на торжеств.собран. в Гродн.жен. гимназии).

Е.Ф. За службу и труды получил все возможные в его положении и чине статского советника награды, от Св.Станислава 3-й ст. до Владимира 4-й ст. включительно. Кроме того, за свои юбилейные труды он 8 декабря 1912 года получил бронзовую медаль в память столетия Отечественной войны. 10 января он вступил в первый законный брак с вдовой надворного советника В.С.Смирновой, но потомства не оставил. По службе Е.Ф. был одним из самых аккуратнейших и всегда относился к своему делу чрезвычайно добросовестно. Он перестал посещать гимназию не более, как месяца за полтора до смерти, хотя чувствовал себя больным и лечился более года. Умирал он в полном сознании и сделал все нужные распоряжения по дому и по службе. В разговоре с сестрой он так выразился о своем душевном настроении: «умереть легко, да умирать трудно». Действительно, недуг его был тяжел и трудно переносим, но он не терял присутствия духа, не впал в отчаяние, а с верою и упованием на милосердие Божие исполнил христианский долг исповеди и святого причастия.

НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК УСОПШЕГО.

Чудный был человек Евстафий Филаретович. При жизни, когда калейдоскопически сменялись ее проявления, когда светлое и мрачное, положительное и отрицательное, симпатичное и антипатичное было неотделимо в ее круговороте, он еще не представлялся таким. Но когда смерть остановила течение жизни, когда получился отстой ее однородных элементов, и все грешное, грязное, отрицательное (которого и было немного) опустилось на дно забвения, а все светлое, радостное, положительное и симпатичное всплыло на поверхность воспоминания - засиял лик этого человека в сердцах всех его знавших и уважавших. Отличительной чертой его и самой симпатичной - это была его скромность. У него и в мыслях никогда не было считать себя чем-то особенным, выделяющимся из ряда заурядных, хотя и были для этого некоторые данные в его личных свойствах и трудах. Он был труженик в науке, человек в жизни, приятель в обращении, и все это проявлял в себе в такой мере и степени, что каждый в сношениях с ним чувствовал себя ему равным. Он никогда не был без дела, и отдых его состоял только в смене труда. Он, например, на наших педагогических советах всегда имел с собою про запас какую-нибудь книгу в качестве источника для будущего труда, и массу листочков, в которые и вносил из первой нужные ему выписки и заметки пользуясь тем временем, которое не было занято его участием в обсуждении текущих дел заседания. «Использовать время» было его любимым выражением, и он, действительно, умел это делать, как никто другой в соответствующих условиях и обстановке. Отличаясь любознательностью он стремился знать все, обо всем и обо всех, и все указанное навсегда хранил в своей замечательной памяти, а достойное наибольшего внимания и трактуемое им как материал для будущих трудов вносил в свои многочисленные листочки. Его огромная много осведомленность о лицах и событиях текущей и окружающей его жизни была неиссякаемым источником его дружески

товарищеских бесед, всегда приятных и очень интересных. От него всегда можно было получить самую верную справку по разным научным и житейским вопросам. Его светлая память подавала ему все быстро и отчетливо. Исправляя несколько лет должность библиотекаря фундаментальной библиотеки в гимназии, он знал, где какая книга лежит и по памяти называл номер и полку ее нахождения. У него же можно было всегда справиться насчет выхода в свет какого-нибудь капитального или вообще замечательного труда по разным отделам знания. Его так и считали мы и называли в товарищеском кружке «ходячей энциклопедией». Но зная всю подноготную даже интимной жизни многих, он не злоупотреблял своими сведениями, не всякому открывал их, не издевался над недостатками, но иногда с горечью осуждал их, если они того заслуживали.

Он был человек, и ничто человеческое ему не было чуждо. При всех своих многочисленных учительских и ученых занятиях, он не избегал и приятельских компаний. Он охотно принимал участие во всех общественных увеселениях и товарищеских вечеринках. Его веселое настроение веселило и других. Громкие раскаты его заразительного смеха гулко разносились по соседним комнатам, невольно сзывая в его компанию разбившихся на кучки соседних собеседников. Он и всегда был неистощим и интересен, но в приподнятом настроении беседа велась с непринужденной простотой, с лирической восторженностью и с более развязным юмором. Его богатая память с обильным запасом анекдотического материала давала ему возможность не стесняться в речах на всякую тему. И он часто произносил их без всякой предварительной подготовки и вел довольно удачно при наличии одной только находчивости. Такие приятельские пирушки служат обыкновенно наилучшим оселком распознавания души собеседника и душа Е.Ф. не двоилась: она была однородна и одинаково благородна при всяких состояниях.

Как не вполне светский человек, Е.Ф. отличался несколько угловатыми манерами, не всегда был чувствителен к изяществу своей внешности и имел некоторые странности ученого человека. Он и сам сознавал в себе эти недостатки, но не особенно заботился об их устранении, основываясь на положении любимой своей поговорки: «не в том сила». Тем не менее недостатки эти бывали нередко предметом насмешек над ним и передразниваний даже со стороны лиц, к нему неизменно благорасположенных. Но что это были за насмешки? Это не были злостные издевательства над недостатками человека нелюбимого, они были вернее благодушною снисходительностью к человечности человека - не больше.

Вот каков был Е.Филаретович! Не даром смерть его была взрывом симпатии всех его знавших, что и выразилось на его похоронах. На день его погребения, по распоряжению попечителя округа, вся гимназия была освобождена от занятий.

Товарищи, сослуживцы, ученики, настоящие и бывшие, разные учреждения выразили ему свои симпатии, кто чем мог: речами, венками, несением гроба. Венков было 24, речей 11. Для увековечивания памяти почившего, по мысли его почитателей, решено было сказанные речи отпечатать и вместе с его некрологом издать отдельным оттиском, один экземпляр которого передать на память в образованный им самим при фундаментальной библиотеке гимназии так называемый местный отдел.

Надгробия проповеди и речи произносились в следующем порядке:

**Речь, произнесенная законоучителем мужской гимназии отцом В.
Штепенко в соборе после запричастного стиха
«Во имя Отца и Сына и Св.Духа»**

«...Что сие еже о нас бысть таинство? Како предохомся тлению! Како сопрядохомся смерти? Во истину Бога повелением, яко же писано есть, подающего

превставляющим нас упокоение». Так при каждом гробе христианском спрашивает св. Церковь.

Невольно возникают и у нас эти вопросы при виде настоящего гроба. Глядя на этот гроб, мы невольно спрашиваем самих себя: что за странное таинство совершается над людьми? Как то мы, люди, созданные по образу Бога бессмертного, подверглись смерти и тлению?...

Усопший раб Божий Евстафий, дорогой наш товарищ, сослуживец и наставник юношества!...

Наступают уже последние минуты нашего свидания с тобою, последние минуты видимого общения. Неумолимое время каждым часом, каждой минутой приближает тебя к тому последнему моменту, когда тесное, - до ужаса тесное пространство могилы скроет от нас дорогой для нас образ. Совершится над телесной храминой твой непреложный Божий закон: - «земля еси в землю отъидеши, а може вси человецы пойдем»... И как непонятны, как странны были для нас все эти последние дни и часы твоей земной жизни! Ведь так недавно еще ты беседовал с нами, - твоя душа, хотя и в страдающем теле, находила путь для видимого общения с нами, твое слово западало нам в душу, и наши слова доходили до твоего сознания...

Но... вот наступил последний момент, душа твоя по воле Божией, расторгнула свой союз с телом, и мы видим теперь только смертные останки твои. Может ли быть что-либо более странное и непостижимое, может ли быть большая тайна, нежели тайна смерти, - может ли быть большее чудо? - «Что сие, еже о нас быть таинство? Како предахомся тлению, како сопрягохомся смерти?» И нет здесь другого ответа, иного объяснения, кроме данного в словах церковного песнопения: «Воистину Бога повелением, яко же писано есть, подающего преставльшему упокоение». Дорогой усопший! Здесь, во святом храме, вместе с тобою в последний раз собрались твои товарищи-сослуживцы, здесь, вокруг тебя, - и многочисленная семья твоих учеников. Все мы привыкли из уст твоих слышать интересные, полные глубокого понимания, рассказы о минувших временах, рассказы о том, что записано на скрижалях истории рода человеческого. Ты воскрешал в нашей памяти образы прошлого, делал их как-бы снова живыми, заставлял их снова жить и действовать пред нашими умственными взорами. И, конечно, благодарная память тех, кто слушал тебя, победит, воскресит и твой духовный образ и оценит по достоинству твои заслуги для науки, учащегося юношества, для местного края, судьбы которого так всесторонне и глубоко изображены тобой в твоих научных трудах. Это - непремный долг в особенности тех, кого ты поучал и просвещал своей наукой истории, для кого понес целожизненный подвиг учительства и, наконец, отдал и всю жизнь свою. Твоя сердечная доброта, твоя готовность поделиться со всеми своими обширными историческими познаниями были так велики, что, кажется нам, ты с радостью и готовностью поведал бы нам и то вечное, новое знание, которое ты приобрел теперь, перейдя границу этой, земной, жизни, если бы на это была воля Божия, если бы это не превышало твоих сил и если бы мы, люди, способны были бы постигнуть вечное своим ограниченным умом. Но... смерть наложила тяжелую печать на уста твои, - они сомкнулись на веки... Мы видим теперь тебя бездыханно и безгласно. Ты не можешь рассказать нам, что видит теперь душа твоя, что чувствует сердце твое, ибо твое бытие теперь есть тайна великая для нас, которую ни прежде тебя никто из мудрецов мира сего не мог раскрыть, да и никогда эта тайна загробной жизни не будет раскрыта на нашей грешной земле. Но если эта тайна не может быть раскрыта умом и знанием человеческим, то живую верую христианскую завеса над этой тайной может быть приподнятой и для нас грешных людей. И если языческий мудрец о тайне гроба совсем не может ничего сказать нам, ибо он ничего не знает о ней, то мудрец христианский может поведать нам о ней и при закрытых смертью устах. Дорогой усопший брат наш во Христе, ты всю свою жизнь был учителем и глашатаем знания человеческого. Не захотел оставить нас без научения и

в смерти своей. Во время земной жизни своей ты учил познанию земной истины, а теперь учишь вере в истину небесную и вечную. Ты остался учителем до конца и, перейдя сам от истины земной к вечной, указываешь и нам путь к познанию вечного. Ты жил и умер верующим христианином. И как поучительна и трогательна была твоя смерть! Мне довелось видеть тебя в последние часы твоей земной жизни, я слышал произнесенные твои слова: «Я умираю», - произнесенные с такой глубиной сознания совершающегося над тобой таинства смерти, какая нам, живым, недоступна. С какой отрадою ты говорил, что исполнил долг свой христианский и, очистив душу свою от грехов покаянием, принял св. Тайны Христовы. Видно было даже по мертвенному лицу твоему, какое великое утешение и счастье ты переживал, приняв св. Тайны, соединившись в них со Христом и найдя в них опору и Божественную помощь в предсмертных страданиях. Ты шел от земли не с тупым отчаянием неверующего, не с чувством ужаса пред раскрывшейся бездной иного бытия, а с кроткой верою во Христа Спасителя и с надеждою на Божие Милосердие.

Вот почему и св. Церковь приняла тебя под покров свой святой, оградила тебя молитвами и в то время, когда смертные останки твои переносятся к месту вечного успокоения, она благодатию Духа Св. возносит душу твою в горние миры навстречу Троицного Бога, восхваляя его с словами трисвятой песни "Святой Боже, Святой крепкий, Святой безсмертный, помилуй нас!".

Да будет же восшествие души твоей на небо легко и безпрепятственно, да отыдут от нея темные и злобные духи и да явятся светоносные ангелы, чтобы защитить ее и вознести к престолу Всевышняго! Воспитанники гимназии, дорогие юноши и отроки! Пред вашими взорами здесь, во гробе, лежат смертные останки вашего наставника, - того, кто просвещал ваш ум знанием, направлял вас к добру, кто искренно радовался успехам вашим в учении и искренно скорбел о ваших неудачах, кто всегда и неизменно имел к вам доброе сердце. Теперь, закончив свое земное призвание, он душою своею восходит к Правосудному Богу. Он идет на суд Божий и готовится дать ответ о земной жизни своей, о своих земных трудах. Я видел, с какою трогательною заботливостью, с каким усердием вы провожали смертные останки дорогого Вашего наставника к месту вечного покоя. Вложите же все усердие ваше, всю силу души в горячую молитву о почившем! Она теперь всего более нуждается в этом. Ваша молитва теперь особенно благовременна и необходима для усопшего. Этим вы исполните свой христианский долг перед умершим и это будет лучшая награда ему за его земные для вас труды. И после, когда жизнь будет колебать вашу веру и сомнения объемлют ваше сердце, вспомните тогда, что тот, кому вы верили, кого любили и почитали, отошел от земли с верою, в жизнь вечную и это был его последний урок, который он дал вам на земле.

И - кто знает, может быть этот урок веры многих из вас спасет после от ложных шагов в жизни, от заблуждения, ошибок и духовной гибели.

Прости же нас, возлюбленный брат наш во Христе, Евстафий, что мы решились твоею смертью поучать себя и других! Это последний твой урок для нас! Пусть будет он для нас наиболее ценным и дорогим и никогда забываемым!

В благодарность за него мы не перестанем творить молитвенную память о тебе пред Престолом Господним и взывать о тебе к Богу и Отцу светов: "Боже духов и всякия плоти, упокой душу представльшагося от нас раба Твоего Евстафия вместе светле, в месте покойне, отсюду же отбеже болезнь, печаль и воздыхание"... Православные христиане! Окружая сей христианский гроб, мы веруем, "яко подобает тленному сему облещися в нетление, мертвенному сему облещися в бессмертие, ибо не ложно слово Христово: "грядет час, егда мертвые услышат глас Сына Божия, и услышавше оживут". Веруем, что это оживление и воскресение для дорогого всем нам усопшаго - будет не в суде или осуждение, но для оправдания и вечной жизни в блаженных обителях милосердного Отца Небесного".

Пред отпеванием прочувственную речь произнес отец кафедральный протоиерей И.В.Корчинский, отметив в ней великую, истинно христианскую скромность почившего и его долговременные и полезные труды в качестве члена Совета Гродненского Софийского братства, по заслугам избравшего его своим почетным членом. Отец протоиерей отметил также и особенно полезную деятельность его как члена Гродненского Церковно-Историко-Археологического комитета.

Труды Евстафия Филаретовича по истории края надолго останутся ценным вкладом в сокровищницу исторических знаний и важным пособием для последующих работников в этой области.

Речь директора Гродненской мужской гимназии И.А.Глебова, сказанная на кладбище пред опущением гроба в могилу.

Дорогой Евстафий Филаретович, верный друг, незабвенный товарищ!

Ты покончил уже с земным бытием и перешел роковую грань, отделяющую мир живых от мира мертвых, и на земле осталось только твое бездыханное тело, которое через несколько мгновений покроет могильная земля...

Но среди нас, твоих друзей, товарищей, учеников, родной твоей семье еще живет твой дух, и твой благородный образ запечатлен в наших сердцах, он будет еще долго, долго жить в нас, до тех пор, по крайней мере пока каждый из нас не последует, в свою очередь, за тобою под эти мрачные своды, в места вечного успокоения...

Недолго привел Господь прожить тебе на сей земле: Ты пал, сраженный роковой болезнью после продолжительных и тяжелых страданий, но до последнего момента ты крепился и нес нелегкое бремя службы на ниве народного просвещения...

Целых 28 с половиной лет ты прослужил в одной Гродненской гимназии, совершенно сроднился с нею, и гимназия эта стала для тебя родной, ты любил своих учеников, всегда благожелательно и любовно относился к ним, и они платили тебе взаимною любовью и уважали тебя...

Для всех товарищей ты всегда показывал пример самого строгого и неуклонного исполнения долга, и в то же время сумел сохранять и поддерживать самые ровные дружеские отношения со всеми твоими сослуживцами, никогда ты не гордился и не чуждался их, но всегда был самым милым и приятным собеседником и симпатичным товарищем.

Ты всегда был в высшей степени скромнен и чист был сердцем, и чиста была твоя кристально светлая благородная душа...

"Блаженни чистии сердцем, яко тие Бога узрят"... Верим и надеемся, что ты там в горних селениях узришь Бога и будешь созерцать его...

Общая любовь всех нас, собравшихся сюда, твоих друзей, товарищей, учеников, родной твоей семье объединяет нас здесь на краю твоей могилы и чувства самой глубокой скорби овладевают нами. Пусть же эти чувства и сопровождают тебя в могилу. Да успокоит Господь Бог твою бессмертную душу в селениях праведных, "иде же несть болезни, печали и въздыхания, но жизнь безконечная"... Праведником ты жил на земле, и к праведным теперь от нас отходишь...

Прими же прощальный привет, последнее прости от меня, твоего старого товарища и друга, и пусть пухом будет для Тебя земля, которая покроет твой охладелый прах.

Надгробная речь, произнесенная над раскрытым гробом при могиле преподавателем Гродненской мужской гимназии И.И. Остроумовым.

Дорогой Евстафий Филаретович!

Не речист я, как тебе известно, и всячески уклонялся от произнесения речей даже в тех случаях, когда бы, может быть и следовало мне их произнести. Но смерть твоя, со всеми окружающими ее обстоятельствами гонит слово на уста и вынуждает меня сломить печаль безмолвия. Хотелось бы с душевным человеком побеседовать по душе на расставании. Но как с тобой говорить, когда ты безмолствуешь? На тебя я смотрю, а тебя нет. Хотелось бы с тобой пройтись, а ты от меня уходишь, и уходишь и туда, куда я мог бы за тобой сейчас последовать, уходишь вглубь, в недра земли, хоронишься от меня. Вот трагизм положения всех нас здесь сейчас тебя окружающих. Ты еще на наших глазах, но уже не с нами. Где же ты? Ты - там. А где там? Вот этим вопросом и заставляя нас заняться событие, при котором мы сейчас присутствуем. Этот вопрос - поэта Державина, и он сам же на него отвечает: "Не знаем, мы только плачем и вздыхаем". Но с таким ответом можно согласиться только на половину: мы плачем и вздыхаем - это правда, но не только. И куда идешь ты, мы не "знаем", а, напротив, хорошо знаем, или, по крайней мере должны знать, как истинные христиане. Мы плачем по естественному чувству печали, сожаления. Нам жаль расстаться с хорошим человеком, чувство привычки быть в его обществе, наслаждаться его присутствием вызывает скорбь в душе, когда оно остается без удовлетворения. И мы плачем, плачем горькими слезами разлуки от потери надежды на скорое свидание. Плачем иногда и потому, что другие плачут - по чувству соболезнования: "плачем с плачущими". Это чувство естественно и непостыдно. Оно только в здоровом организме проявляется более сдержанно. Сам совершеннейший человек - Христос, по случаю смерти Лазаря и видя близких плачущими, возскорбел духом и прослезился. И только прослезился! И кто из нас лучше понимает и как должно воспринимает переживаемое событие смерти, тот, естественно, бывает и сдержаннее в проявлении чувства печали. От обилия слез нас удерживает знание того пути, по которому идет умерший, и той страны, куда он направляется: "блажен путь, вон же иди душе, и уготовася тебе место упокоения", поется в церковных песнопениях.

Но откуда мы знаем про этот путь, а еще более про ту страну, куда направляется умерший? Ведь это все только дело веры, а что такое вера? Про веру теперь спрашивают так, как Пилат про истину. Это вопрос не модный, его все обходят, как что-то не вошедшее в обиход жизни. Но пусть к нему так относятся нехристиане или те из называющих только себя христианами, которые смущаются непонятностью для себя этого вопроса. Для нас же, христиан, вера - это такой неоценимый дар Великого Бога человеку, что если кому она дается в мере только горчичного зернышка, то уже может переставлять горы с места на место, а кто обладает ею, про тех говорится: "вы боги есте", и по слову Самого Господа: "вся возможна верующему". Вот чрез эту веру мы все и значем, что с нами будет и что должно быть. Чрез нее мы знаем, куда идет умерший и что его ожидает. Но откуда такое знание? Кто это все говорил? Да, достоин ли вероятия так говорящий? Такими вопросами обыкновенно забрасывает современный интеллигент всякого, кто говорит про то, чего нельзя проверить на опыте, чего нельзя доказать путем доводов разсудка и что только приходится обосновывать на авторитете лиц, своею жизнью и делами доказавших правоту силы веры. Но ведь кто же эти авторитеты? Ведь это такие лица, которых целый мир не был достоин, которых чтит вся вселенная, проповеданной истине которыми не может противостать вся сила вражеская! Христово учение тот свет, который просвещает всякого человека, при свете которого все ясно, нет ни в чем никакого сомнения, это - такая гипотеза для сомневающегося, которая охватывает все случаи подведения под нее, и которая для уверовавшего обращается в непреложную аксиому: "Веруйте в свет, да сынове света будете".

Вот под действием этого-то света веры, с этим-то фонарем истины мы и спустимся за тобой в то подземелье, куда ты сейчас направляешься.

Ты пред нашими глазами, а тебя уже нет. Здесь только персть твоя, а духа нет. Вот и мы, перстные, но еще с душою, и персть твою хороним, а духом знаем, для чего. По персти ты, как земля, в землю и уходишь - вот это и есть смерть, но смерть только для того, чтобы ожить: тело подобно зерну, не оживет еще не умрет. Но оно должно ожить: "подобает бо мертвенному сему облещися в безсмертие". Оно должно быть подобосущно духу, и душа снова в него войдет, когда оно будет готово для нея ко дню страшного суда, так что душа вместе с телом будет представлять собою нового человека, нового Адама для рая, но и нового демона - для ада: кто к чему себя сумеет приготовить в этой жизни. Эта жизнь земная, смертная жизнь и дана нам специально для вечности. Она - милосердие Божие к падшему Адаму, а чрез него и к нам. Не даром запрещено было Богом согрешившему Адаму вкусить с древа жизни: он бы тогда и жил в грехе, в отдалении от Бога, в вечной смерти, а не жизни. Живя на земле, Адам получил то, чем соблазнился: познал добро и зло, понял, что чего лучше и что чего хуже, осудил зло, раскаялся в проступке и своею земною жизнью, насколько мог, загладил свою вину, и совершенно обелен единственно всепокрывающим милосердием Божиим, Который не хочет смерти грешника, но - чтобы он жил и блаженствовал. Вот наша вера, наше упование и наше, грешников, утешение, ибо "страшно есть впасти в руце Бога живаго".

Но где же теперь душа твоя, дорогой наш Евстафий Филаретович? Православная церковь наша на основании свидетельства святых, учит нас, что в сей 3-й день по смерти она должна после двухдневного своего пребывания около тела, предноситься ангелами лицу Божию для поклонения Ему. Вот момент, в который очень дороги душе нашей наши здешние молитвы за нее, как оправдательный доказательства на мытарствах исполненной ею божественной заповеди о любви к ближнему, так как оправдывают нас там только наши добрые дела: они только туда доходят, ничего другого мы взять с собою не в состоянии.

Вот мы сюда собрались к тебе, почивший, и в таком большом количестве, и с такими внушительными знаками внимания к тебе. Что это значит? Разве это не проявление любви к тебе за твою любовь к нам? Ты жил и не замечал, что делаешь дорого для окружающих. Так тому и быть должно: ты делал втайне, незаметно, а Бог воздает тебе явно, в назидание нам и в удостоверение, что ничто Им не остается незамеченным, что служит к нашему благополучию. Если мы уже "зли суще", умеем до некоторой степени быть несколько благодарными за доброе внимание к нам, то тем более изобильно любящий Отец наш небесный, в чертогах Которого происходит ликование по поводу возвращения даже одной заблудившейся овцы.

Но ты, скромный труженик на педагогической ниве, не одной этой своею деятельностью приобрел наши симпатии. Ты хороший общественный работник, задушевный приятель, добрый семьянин и правоверный христианин. Исторические труды твои надолго продлят память о тебе, а приятели при всяком случае взаимных встреч не обойдут тебя воспоминанием о твоих научно-деловых суждениях и благородно-шутливых острогах и исторических изречениях. Любовь семьи к тебе несомненна, а истинные христианские чувства ты проявил в долговременном стоическом перенесении страданий от обуревавшей тебя жестокой болезни. Страдания невыносимы для тела, и чем телеснее человек, тем труднее ему переносить их, потому-то многие всячески и стараются избежать их и уничтожать всевозможными медицинскими средствами: но они очень целебны для души в вечности, они - кладь нашего духовного богатства и самые величайшие святые были величайшие страдальцы, и они по своим страданиям - миллиардеры святости, и многие из них не только обеспечили себе роскошную вечность, но и делятся своими духовными капиталами и с нами грешными бедняками.

Ты же, почивший, был умерен в своей земной жизни и умел обеспечивать себя про черный день, и вся жизнь твоя свидетельствует, что ты не беден и для вечности. Ты всегда уважал общество взаимопомощи, основанное на братском доверии и любви, и по мере сил своих помогал ему своими средствами. Ничто не мешает и теперь тебе поддерживать духовно эту братскую взаимопомощь: ты молишь общему нашему Отцу небесному о нам там, а мы будем молиться о тебе здесь."

Мир твоему праху и вечный покой твоей душе, дорогой товарищ!

Речь, произнесенная на кладбище преподавателем Гродненской мужской гимназии Н.Б. Трубиным.

"Была темная, ноябрьская ночь. Вся природа застыла в сонном покое. После дневных трудов успокоился и будто бы царь ея - человек, забывши на несколько часов все, чем он жил, что его интересовало в течение прожитого дня. И спит он безмятежно, как ребенок, не зная что ждет его завтра.

В эту-то глухую, осеннюю ночь совершился величайший процесс природы, процесс, всем хорошо известный, но никем неразгаданный. В эту ночь душа нашего старшего товарища и сослуживца Е.Ф. Репина оставила свое слабое, болезненное, изнеможенное трудами тело, и отправилась в свое прежнее местопребывание, к своему Божественному Источнику. Предъ нами только тело, но и его скоро сокроют от нас.

Но она, душа, еще не далеко от нас: она еще с нами, и каждый из приведших сюда чувствует ее дыхание, чувствует, что что-то тянет его к этому месту, как бы сдавливая ему горло... Это она, простившись с телом, прощается с телом, прощается теперь с нами, старается объединить нас всех в одном чувстве, хотя бы на один миг. И она вполне успевает в этом.

Мы забыли все, что нас до сих пор разъединяла, мы думаем только об одном, мы слушаем ее последние слова: «прощайте, не забывайте». И мы не забудем ее, не забудем..., пока эта жизнь своими невидимыми цепями снова не опутает нас, и светлый образ покойного не заволочется туманом обыденщины, серой и жуткой. Прямо становится страшно... Но этого не должно быть: и прежде всего мы, его сослуживцы, должны хранить в своих душах образ покойного Е.Ф., черпать в воспроизведении его в нашем сознании силу, энергию в трудной учительской деятельности. Не нужно забывать, что в лице Е.Ф. мы видели человека в лучшем смысле этого слова, человека правдивого, честного, отзывчивого.

Мы видели в нем человека, любившего людей, а особенно учеников, хотя некоторые из них не замечали этого и не ценили, это был человек глубоко преданный своему делу, великому долгу, для которого он не ценил ни своего здоровья, ни жизни.

Не старым человеком умер Е.Ф., не много он прожил, но многое, хорошее сделал. И это нам урок: лучше коротко, мало, но хорошо, чем много, но без следа!

Мир праху твоему, добрый человек!"

Речь, произнесенная на кладбище учеником УШ класса Гродненской мужской гимназии В.Берестовским.

"После долгой изнурительной борьбы с мучительным недугом угас наш незабвенный преподаватель, Евстафий Филаретович. Смерть его не была для нас совсем

неожиданной. Сильно исхудавшее в последнее время лицо было явным признаком тяжелой болезни: в его ввалившихся глазах мы видели отражение физических страданий, и нас пугала мысль о том, что мы скоро можем лишиться Евстафия Филаретовича.

Но не хотелось этому верить. Не хотелось верить, что жизнь дорогого для нас человека так скоро прекратится и что скоро он уйдет от нас. И тем прискорбнее было для нас известие о том, что наши опасения сбылись: -Евстафий Филаретович скончался - и мы всем существом почувствовали, как дорога, незаменима утрата.

Дорогой, незабвенный Евстафий Филаретович!

28 лет неустанно работал ты на поприще преподавательской деятельности. 28 лет прививал ты нашим юным душам благотворные семена познаний и добра. С мягкой сердечностью и простотой относился ты к нам, твоим воспитанникам; с отеческой любовью открывал ты перед нами богатый неисчерпаемый источник твоих всесторонних познаний, воодушевляя нас, вызывая живой интерес к наукам, а в особенности к любимой тобой истории.

Твои труды и вся твоя жизнь, оставили после себя светлый след. В душе каждого из нас, твоих учеников, глубоко запали твои слова; в каждом из нас навсегда запечатлелась твоя кроткая, кристально-чистая душа, всегда стремившаяся к познанию истины, к добру и справедливости.

Твой светлый образ, в лучезарном ореоле духовной красоты всегда будет жить в нашей памяти и служить нам символом душевной простоты, добра и возвышенных, благородных стремлений.

Незабвенный Евстафий Филаретович!

Вечная память бессмертной красоты твоего духа и мир праху твоему».

Речь, произнесенная учеником VII класса Гродненской мужской гимназии В. Кузьмицким.

Дорогой учитель!

Мы больше тебя не услышим, и ты нас уже не слышишь, но все же мы, твои последние ученики, должны высказать, чем был ты для нас: пусть живые знают благодаря чему оставляют долгую память о себе умершие...

Для нас, учащихся, в учителях особенно ценны только два качества: умение и желание передать нам свои знания, и, хотя и строгое, но справедливое и доброжелательное отношение к каждому из нас.

Вот эти-то качества ты и воплощал в себе, незабвенный Евстафий Филаретович. Преподавал ты нам не только с тонким знанием своего предмета, но и увлечением, действовавшим благотворно на нашу любознательность, и относился к нам настолько доброжелательно, что мы не можем и припомнить случая, когда бы кто-нибудь из нас, твоих учеников, хоть на мгновение считал бы себя обиженным тобою.

Нам тяжело расставаться с тобою. Мы любили тебя как родного отца, и ты платил нам тем же: любовью за любовь.

Греческий философ Диоген, однажды шел днем с фонарем по улице, и на вопросы удивленных прохожих: "Кого ты ищешь?", отвечал: "Человека".

Быть может кто-нибудь спросит у нас: "Кого вы лишились?", мы также ответим: "Учителя-человека".

Ты ушел от нас, дорогой учитель, туда, где нет ни горя, ни печалей Всевышняя Сила заставила нас вычеркнуть тебя из списка живых, но память о тебе навсегда сохранится в наших юношеских сердцах.

Спи же мирно, дорогой учитель-человек. Да будет тебе легка земля".

Речь на могиле, произнесенная преподавателем Гродненской мужской гимназии В. Чернозатонским.

Дорогой Евстафий Филаретович!

Еще несколько минут, и земля навсегда скроет тебя от всех нас, собравшихся здесь отдать тебе наш последний долг. И в эти особенно тяжелые последние минуты хочется и мне сказать тебе несколько прощальных слов.

Только год с небольшим тому назад я познакомился с тобой, но и за это время я успел хорошо узнать тебя и искренно полюбить. И это чувство еще белее усиливает горечь понесенной утраты. Ты, как работник на жизненном поприще все свои силы отдал Гродненской гимназии; в стенах этой гимназии тихо и скромно протекала твоя деятельность до тех пор пока на 52-м году твоей жизни жестокая болезнь не венчала тебя терновым венцем смерти. Спи же вечным сном, дорогой товарищ! Твоя жизнь и деятельность не прошли бесследно. За 28 лет твоей педагогической деятельности у тебя была не одна тысяча учеников, и те добрые семена, которые ты сеял среди них, не всегда падали на каменистую почву. И ты это мог видеть еще при своей жизни. Оценка твоей деятельности видна теперь в глазах собравшихся сказать тебе последнее "прости" нынешних твоих учеников, видна оценка эта и в тех надписях на венках, которыми они проявили свое к тебе отношение; видна она и в тех речах, которыми они навсегда, попрощались с тобой, своим любимым "учителем-человеком". Признание ими в этих надписях и речах того, что ты более всего любил, что тебе было дороже всего, говорит, что жизнь твоя не была "даром случайным, даром напрасным". Твою, любовь ко всякой живой" человеческой душе, твою веру в божественную красоту этой души многие из них, восприняв навсегда, Бог дает, сделают девизом своей жизни.

И для нас, твоих товарищей-сослуживцев, не прошла твоя жизнь без пользы. И для нас ты был не только добрым, честным товарищем, но и примером того, как жить и что делать, чтобы сохранить при всякой жизненной обстановке и среде чистыми и неприкосновенными веру в добро и чистоту души. Всею своею жизнью ты осуществил, насколько это было в твоих силах, святой завет всех лучших людей нашей общей родины - России: "Духом растите, освежайте все и всех вокруг себя, будьте не мертвые, а живые души". Такою "живою душою", освежающую все и всех вокруг себя ты и был для нас. Дай Бог, чтобы и на будущее время твой образ, сохраненный нами в сердцах наших, светил нам в нашей жизненной борьбе и, прежде всего, поддерживал нас на нашем тернистом и подчас горьком пути преподавания.

Прощай же, дорогой Евстафий Филаретович! Тяжелы были твои предсмертные страдания, но не унынием, не тоской сопровождалась она, а примирением с ними, просветлением духа, и Ты умирал без страха смерти. Да будут же все понесенные тобой в жизни страдания очистительной жертвой перед Высшей чистотой, которую на своем жизненном проявлении отражала душа твоя, а просветление твоего духа да будет залогом твоего общения с тем светом истины, добра и красоты, к которому стремится и о котором тоскует каждая "живая" человеческая душа.

Вечная тебе память!

Речь у могилы, произнесенная доктором К.Белецким.

Сейчас в теплых выражениях говорил о покойном ученик последних годов педагогической деятельности Е.Ф. Позвольте мне - ученику первых годов его преподавательской деятельности пред свежей могилой напомнить одну характерную

черточку Е.Ф., как педагога. Пословица "отзвонил, да с колокольни долой" никоим образом не относилась к Е.Ф. К святым обязанностям педагога Е.Ф. относился не формально, а увлекался и сам, увлекал и нас своим предметом. Несмотря на отличное знание предмета, Е.Ф. тщательно готовился к урокам, перечитывал классические сочинения и отдельные монографии лучших историков и делился с нами своими обширными историческими познаниями. На своих уроках Е.Ф. откликался на важнейшие события современной истории, делая верную оценку последних. Преподавание не ограничивалось только классными часами, но часто продолжалось и за стенами гимназии, в виде беседы с учениками старших классов при каждой удобном случае. Мне припоминается один такой эпизод: будучи учеником 7 класса, я зашел к покойному на квартиру, где Е.Ф., как страстный коллекционер старинных монет, стал хвастаться своей довольно солидной коллекцией, при чем прорепетировал со мной важнейшие исторические моменты тех эпох, которым принадлежали имеющимися у него монеты.

Мир праху твоему, дорогой учитель и труженик педагогической нивы!»

Речь протоиерея К.П. Михаловского, сказанная пред опусканием праха в могилу.

Дорогой Евстафий Филаретович!

В эти печальные, тяжелые минуты разлуки с тобой, когда ты стоишь уже на краю могилы и скоро, скоро скроешься от нас, мы, пастыри Церкви Православной, члены родной тебе духовной среды, не можем не сказать тебе последнего "прости".

Как всегда при жизни, при встрече с тобой, так и ныне, в эти минуты душевной скорби и тихой христианской грусти, естественных спутниках твоего гроба, наряду с печалью, ты доставил нам много отрады и душевного утешения.

Много прекрасных слов сказано здесь твоими добрыми сотрудниками на ниве народного просвещения и Богом данными тебе юношами-учениками твоими верными друзьями и почитателями.

Все они, в переводе на язык нашей веры, говорят одно: сравнительно недолго пожил ты здесь, на земле, но в жизни твоей, в возможной для нас мере, ты осуществил идеал христианина, верного последователя Христова, доброго сына Матери нашей - св. Церкви Православной.

Да, скажем и мы, не вотще, не напрасна была в тебе благодать Божия, воспринятая тобой в таинстве св.крещения и освящавшая тебя чрез прочия св.таинства в течение всей твоей жизни, даже до страшного часа смертного. Ни на минуту не забывая здесь, на земле, Отца нашего Небесного, ты, при помощи жившей в тебе этой благодати Божией, стремился сам и меньшую братию твою усердно и самоотверженно старался вести к тому духовному нравственному совершенству, которое указано нам Пастыре-начальником Нашим Христом, Господам и Спасителем нашим, как идеал и цель нашей земной жизни. Свет твой светился пред человеки и они, озаряемые им, учились прославлять и прославляли Отца Нашего, Иже есть на небесех.

За это прими от нас, пастырей Церкви Православной: наше искреннее молитвенное тебе благодарение со всеми, для души твоей полезными, духовными благословениями.

Ты вышел на делание в духовном винограднике из скромной семьи бедного сельского священника родного и дорогого нам Северо-Западного края, - Виленской губернии. В свое время в этой семье в твою юную душу были брошены первые семена веры православной, любви к Царю Державшему, Родине нашей Святой и ближним нашим. И душа твоя оказалась для сего посева землей благодатью. Последующее воспитание и образование твои были той росой благодатной, тем дождем, благовременным, ранним и

поздним, под влиянием и благотворным воздействием которых на ниве твоей -души вырос богатый и питательный колос. От него питались духовно убогие и богатые и насыщались, восхваляя Господа. Пронеслась над тобой буря смертная. Тебя уже не стало здесь на земле. Но колос не погиб созревая в нем зерна рассыпались по окрестным своим и чужим нивам, чтобы в свое время принести новый, верим, благой сторичный плод на благо наше и на радость твоей бессмертной душе. Да будет так!

Из рук твоего достойного родителя ты принял то великое священное духовное знамя, которое, издревле хранилось и хранится в каждой доброй пастырской семье родной тебе нашей духовной среде. Последующия твои воспитание и образование на началах христианской нравственности и верных знаний укрепили твои юные руки для несения этого Знамени, подчас тяжелого при различных неблагоприятных условиях нашей местной жизни. Не бросил на позор, не склонил ты этого Знамени, но крепко держал ты в своих духовно мощных руках это великое и священное Знамя торжества веры Православной, любви к Царю, Родине Святой и ближним нашим. Сколько силы твои позволяли тебе, ты высоко поднимал это Знамя и бодро и мужественно нес его вперед и вперед, увлекая за собой и привлекая под это священное Знамя всех тех, кто имел уши, чтобы слышать глас твой, и очи, чтобы видеть твое нелицемерное служение благу Родины нашей вообще и нашего многострадального Края в частности. Мы видели этот честный твой труд и благородный твой под виг и, еще при жизни твоей, радовались о тебе, близком нам человеке, благодаря за все Бога.

Прими же ныне от нас, сродной твоим скромным родителям и тебе духовной среды, за твой труд и подвиг наш низкий земной благодарный поклон и последнее прощальное целование.

Верим, что соратники твои на ниве просвещения и слушатели твои -ученики не забросят твоего Знамени, не забудут твоих добрых заветов и данных тобой полезных и необходимых для общего блага знаний, запечатленных тобой и на страницах истории. Пройдут века, сменятся поколения, а твои ученые исторические печатные труды будут жить и жить. И долго и неизменно они будут говорить живым поколениям твоими, хотя и мертвыми уже устами священную правду в защиту нашей веры святой и драгоценных начал нами родной русской жизни.

В последний раз мы видимся сейчас с тобой здесь на земле, при том не дома, а на пути твоего от нас отшествия в иной, лучший мир. Ты туда стремишься, торопишься, а мы здесь, у себя, тебя задерживаем своими с тобой беседами. Но бьет неизбежный час разлуки... Прости, дорогой наш Евстафий Филаретович! Иди с миром, христианская душа, к создавшему тебя Великому Богу, нашему Отцу Святой, Источнику правды, истины, всякого блага и всякого полезного знания. А прах твой, - земля, в землю да отыдет до гласа Архангельской трубы. Мы же, окружающие гроб твой, усердно молим Господа, да будет блажен путь, в который ты идешь, и да уготовит тебе Господь место вечного покоя.

Слово, сказанное преподавателем Гродненского реального училища Д.Н. Кропотовым на могиле Е. Ф. Орловского.

Покойный Евстафий Филаретович был таким скромным человеком, что не все из присутствующих, вероятно, в состоянии оценить всю тяжесть нашей потери. Евстафий Филаретович был человеком науки, великим знатоком местной истории. Благодаря ему мы узнали прошлое своего города, благодаря ему мы заинтересовались этим прошлым. Вспоминая те или иные факты из истории Гродно, мы всегда будем вспоминать и о том, кто познакомил нас с "Гродненской стариной". Мы не забудем Евстафия Филаретовича, но имя его не будет забыто и тогда, когда уже никого из нас не будет здесь... Покойный работал не даром: он написал свое имя на страницы истории, и всякий будущий историк

местного края должен будет прежде всего обращаться к трудам Евстафия Филаретовича. Евстафий Филаретович будет жить в своих трудах, и того, что написано пером, не вырубить и топором.

Мы шли сюда проводить Евстафия Филаретовича до места его последнего упокоения, и похороны Евстафия Филаретовича неожиданно для всех обратились в великое торжество покойного. Мы водрузим на могиле покойного крест, но тот крест не будет вместе с тем и крестом над всей деятельностью покойного - не будет крестом забвения...

Мне рисуется сейчас такая картина: мрачное поле под Ватерлоо покрыто телами убитых... Медленно по полю движутся три каре, сдерживая напор бесчисленных врагов - это отступают три последних батальона "старой гвардии", которая умирает, но не сдаётся. Отступают медленно и грозно. Изредка среди отступающих слышится только: "огонь"! и "сомкнись"... Это "сомкнись" означает, что еще одним борцом стало меньше и каре должно сомкнуться в более тесный круг... Из нашего каре культурных деятелей выбыл один из лучших бойцов - невольно хочется повторить это олово "сомкнись"! Его сказал бы нам и покойный, если бы он мог сказать нам хотя слово, но он умолк навсегда и нам остается толковать только его молчание.

Тяжела была смерть Евстафия Филаретовича. Хотя ее ожидали, но она пришла как-то неожиданно, и не всем удалось проститься с ним в виду ночного времени. Я счастлив тем, что мне удалось видеть его пред смертью, и я здесь перед лицом покойного, пока еще не скрыла его от нас крышка гроба, повторяю данное ему еще при жизни обещание содействовать посмертному изданию одного из его трудов...»⁵⁴

При всей справедливости и проникновенности сказанных у гроба историка речей, с прискорбием следует констатировать, что все последние десятилетия власть придержащие и силы, враждебные к наследию Е.Ф. Орловского, не жалели усилий для уничтожения в сердцах гродненцев памяти о нем. Но пришли, слава Богу, и другие, более уважительные к родной истории, времена. В начале 2001 года преподаватели и студенты исторического факультета Гродненского госуниверситета обратились в горисполком с просьбой об установлении мемориальной доски на здании бывшей Гродненской мужской гимназии известному историку, краеведу и педагогу, а также о переиздании его труда «Гродненская старина». В обращении поклонников Е.Ф. Орловского высказывались уверенность, что установление памятной мемориальной доски в честь Е.Ф. Орловского и издание его трудов будет не только выражением его заслуг, но и актом гражданского покаяния. Дело в том, что деревянный крест, временно установленный в 1913 году на могиле гродненского летописца (в будущем планировалось установление историку достойного памятника) в годы первой мировой войны был варварски уничтожен, а местонахождение могилы затеряно. Поэтому памятная доска на здании бывшей мужской гимназии должна стать тем местом, куда смогут приходиться «благодарные гродненцы, чтобы почтить светлую память своего земляка».

Городские власти с пониманием отнеслись к ходатайству преподавателей и студентов исторического факультета об установлении мемориальной доски на здании бывшей мужской гимназии по улице Советской известному историку и краеведу, автору ряда исследований по истории Принеманского края, Е.Ф. Орловскому. В своем ответе современным гродненским историкам власти пообещали, что «данный вопрос может быть рассмотрен в рамках финансирования областной программы мероприятий по подготовке к празднованию 200-летия основания Гродненской губернии». Хочется надеяться, что память об Е.Ф. Орловском будет восстановлена и ждать этого придется недолго.

*У ИСТОКОВ ЖЕНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГРОДНО.
Лекарь «с отличием» Константин Семенович Кемарский (1847-1922).*

В 1775-1781 годах в Гродно делала свои первые шаги Гродненская медицинская академия. Однако несколько десятков лекарей, подготовленных в ее стенах, к середине XIX века уже ушли по возрасту от активной медицинской практики. С этого времени на смену им пришли выпускники российских медицинских академий и университетов. Между тем, их высокий профессиональный уровень не давал должных результатов по причине отсутствия рядом медицинских кадров среднего звена. Во второй половине XIX века в гродненских больницах, госпиталях и лазаретах остро чувствовалась нехватка фельдшеров, акушеров или так называемых повивальных бабок. Согласно словарю Владимира Даля, «повивать» - это значит укутывать, пеленать новорожденного младенца, а повивальщицей, повитухой, повивалкой называли в старину приемщиц родов, акушеров; чаще всего ими были женщины пожилого возраста, отсюда - повивальные бабки, хотя ими могли быть и молодые женщины. В 1875 году губернский врачебный инспектор А.Ф. Рейпольский обратился к губернатору А. Е. Зурову с ходатайством об открытии в Гродно школы повитух. Последний поддержав, его стал «стучаться» выше в Петербург. Летом 1876 года пришло долгожданное разрешение, а осенью при участии «Общества врачей Гродненской губернии», президентом которого стал Рейпольский, начался набор в вышеозначенную школу. Параллельно проводились и занятия для учениц в арендованном врачебным инспектором частном здании. 9 апреля 1877 г. директором учрежденной в Гродно повивальной школы и заведующим созданного при нем родильного отделения министр внутренних дел назначил Константина Семеновича Кемарского - выпускника Харьковского университета 1873 года, успевшего уже три года поработать там же ординатором при акушерской клинике.

Человек, получивший по окончании университета звание лекаря «с отличием», а также имевший практический акушерский опыт сразу же по прибытии в Гродно энергично взялся за налаживание в школе должного учебно-педагогического процесса и родовспомогательной службы. Школа была рассчитана на 20 казеннокоштных учениц и на неограниченное количество мест для тех, кто мог платить за свое обучение. Ученицы набирались в школу преимущественно из сельской местности, по возрасту они не должны были быть моложе 18 и старше 30 лет. Все они должны были уметь читать и писать. В 1878 году после двух лет обучения состоялся первый выпуск повитух. Большинство из них были казеннокоштными, а это значило, что эти выпускницы обязаны были три года отрабатывать бесплатное обучение на селе. Благодаря этой системе, уже через пять лет врачебное отделение Гродненского губернского правления сумело заполнить все вакантные штатные должности повитух. Начальство вполне справедливо узрело в этом и заслуги директора школы Кемарского. За небольшой промежуток времени из титулярного советника (1882 г.) он был произведен в коллежские асессоры (1882 г.), а в 1887 году за выслугою лет стал коллежским советником. 15 мая 1888 года директор и лекарь получил свой первый орден Св. Станислава 3-й степени. Параллельно с директорствованием Кемарский с 1877 г. являлся штатным врачом Гродненской мужской гимназии, здесь же по вольному найму преподавал уроки по физиологии человека. В годы русско-турецкой войны он исполнял обязанности ординатора Гродненской окружной лечебницы и Гродненского военного госпиталя. Вместе с другими членами «Общества врачей», Кемарский оказывал медицинскую помощь раненым и больным воинам русской армии, прибывавшим в город с полей сражений железной дорогой.

В 1883 году директор школы повитух вместе с губернским врачебным инспектором начали ходатайствовать перед властями о преобразовании названной школы в фельдшерско-акушерскую. Планировалось, что после реорганизации школа

сможет заниматься также переподготовкой отставных ротных фельдшеров, готовить для общин Красного Креста сестер милосердия. Вскоре были разработаны проекты устава и учебных программ для такой школы, но по ряду причин, включая такие как «преждевременность», «отсутствие средств» и т. д., начальство не поддержало на практике начин прогрессивных лекарей. Но Кемарский не сдавался, делая все, что способствовало реорганизации и расширению школы. В 1896-1897 годах за успехи по службе он был награжден серебряной медалью в память царствования императора Александра III, орденом Св. Станислава 2-й степени, а в 1900 году «в связи с 35-летием беспорочной службы» ему был пожалован орден Св. Владимира 4-й степени. Этот орден вручался ему накануне 25-летнего юбилея Гродненской школы повитух. Осенью 1901 года, выступая с отчетным докладом на торжественном собрании, посвященном этой дате, К.С. Кемарский отметил, что за прошедший период в школе было подготовлено 281 повитухи, в том числе за казенный счет - 198 и собственный - 83, что полностью удовлетворяет потребности Гродненской губернии в названных кадрах. Юбилейный доклад директора был напечатан в Гродненской губернской типографии отдельной брошюрой. 6 декабря 1901 года ему был вручен орден Св. Анны 2-й степени.

В 1908 году в связи с очередной угрозой распространения в губернии эпидемии холеры К.С. Кемарский организовал на базе школы повитух курсы по подготовке санитаров. После сдачи курсанты получили свидетельства, которые давали «право занять место общественного санитаря с определенным жалованием». К этому времени благодаря высокому профессионализму К.С. Кемарского популярность школы среди молодежи значительно возросла, показателем чего явилась тенденция к увеличению числа своекоштных учениц; оно постепенно превысило количество тех, кто учился за счет государственной казны. Все это позволило реализовать врачу и педагогу свою давнюю мечту. В 1910 году школа повитух была преобразована в центральную акушерско-фельдшерскую, которая должна была готовить медицинские кадры среднего звена для Гродненской, Виленской и Ковенской губерний. В связи с этим прием в школу был увеличен до 60 мест, а время обучения - до 4 лет. За период с 1901 по 1914 год из стен школы вышло около 350 специалистов.

Помимо директорствования и преподавания в школе, Кемарский одновременно заведовал и родильным отделением при ней. Десять больничных коек были клинической базой обучения будущих повитух-акушеров практическим навыкам по приему родов и уходу за новорожденными и роженицами. За время существования отделения при школе здесь получило бесплатную медицинскую помощь около 5 тысяч беременных и больных женщин. Ближайшей помощницей Константину Семеновичу в родильном отделении с 1879 по 1885 годы была надзирательница акушерка и повивальная бабка Татьяна Александровна Некрасова приехавшая в Гродно со свидетельством Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Она была - очень дружна с их сестрой директора Марией Семеновной Кемарской. На кладбище их могилы рядом.

Много лет, начиная с 1901 года, К.С. Кемарский служил штатным врачом Гродненской женской Мариинской гимназии. За свое внимание к здоровью ее учениц он был награжден юбилейным знаком ведомства императрицы Марии. Доктор и педагог принимал деятельное участие в интеллектуальной и общественной жизни города. Будучи человеком истинно верующим, он являлся постоянным членом Гродненского православного Софийского братства. В членах этого общества состояла и жена доктора Александра Ивановна Кемарская (1857-1904). У них была дочь Валентина (родилась в 1881 году). В формулярном списке доктора за 1904 год было записано: «вдов, дочь замужем и живет в доме отца, дом каменный, одноэтажный».⁵⁵

В 1915 году в связи с угрозой немецкой оккупации Гродненская акушерская школа была эвакуирована в Калугу, где ее неизменному директору пришлось разворачивать ее работу на новом месте. Там в 1919 году и состоялся последний выпуск школы. После

закрытия ее К.С. Кемарский вернулся в ставший родным ему город. Здесь он и умер 17 октября 1922 года на 75 году жизни. Надгробие, установленное над могилами супругов Кемарских - одно из творений мастерской Б. Шишкевича. Оно расположено недалеко от входа на кладбище, налево, от главной аллеи. Было бы логично и справедливо, чтобы имя К.С. Кемарского было присвоено Гродненскому медицинскому училищу, ибо он стоял у истоков женского среднего образования в городе Гродно.

*«ЗАБОТЯСЬ О ФИЗИЧЕСКОМ ЗДОРОВЬЕ ЛЮДЕЙ, ОН ПЕЧАЛОВАЛСЯ И ОБ ИХ
ДУШАХ...»*

***Василий Васильевич Кошелев (1856-1925) - народный доктор и
общественный деятель.***

Сразу же за Свято-Воскресенской кладбищенской часовней, чуть правее запущенной металлической беседки, в зарослях кустарника и молодых побегов деревьев, отпугивающая непроходимость которых усиливается еще и ржавой чугунной оградой, находятся могилы ранее широко известного в Гродно и губернии семейства Кошелевых. Наиболее значительной фигурой среди ее членов, несомненно, был доктор медицины. Гродненский губернский врачебный инспектор Василий Васильевич Кошелев.

В фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в г.Гродно хранится дело, в котором запечатлены основные вехи жизни доктора. Оно озаглавлено следующим образом – «О переводе Эстляндского губернского врачебного инспектора В.В.Кошелева из г. Ревеля (ныне Талина. - В.Ч.) в г.Гродно». Из послужного списка, составленного на нового чиновника в Гродненском губернском правлении следовало, что «доктор медицины, советник В.В. Кошелев, исполнявший до приезда в г. Гродно должность Эстляндского врачебного инспектора, родился 21 декабря 1856 года, православный, имеет ордена Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, серебряную медаль в память царствования императора Александра III-го и почетный знак Российского общества Красного Креста, родился в семье священника. В 1880 году окончил Харьковский университет в звании уездного врача, после чего был направлен в г. Россиены Ковенской губернии на должность городского врача. Через год, в феврале 1881 года, он был, перемещен в местечко Климовичи Могилевской губернии на должность уездного, а затем и городского врача». Неизвестно, в силу каких (служебных или семейных) коллизий в 1891 году В.В. Кошелев служил сельским врачом 1-го участка Рогачевского уезда той же губернии, но уже со следующего года, благодаря новому епископу Могилевскому и Мстиславскому Иринею (Орде), он становится ординатором Могилевских губернских богоугодных заведений (лечебниц, приютов для младенцев и старцев) и параллельно врачом при Могилевской духовной семинарии. С этого времени, на протяжении всех 1890-х годов шел интенсивный рост мастерства этого лекаря: и в семинарии, и в сиротских домах, а также среди старцев - везде он был своим «народным доктором». Накопленный в ходе постоянной врачебной практики опыт стал для Кошелева

солидным фундаментом для написания научного исследования по проблемам профилактики эпидемических заболеваний, за которое 19 мая 1901 года ученым советом Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии он был удостоен ученой степени доктора медицины.

2 августа 1901 года Кошелев был назначен помощником Таврического губернского врачебного инспектора. Здесь его усилия по санитарному просвещению населения были отмечены Главным управлением Российского общества Красного Креста получением права на ношение почетного знака этого общества. 7 марта 1903 он становится исполняющим обязанности Эстляндского губернского врачебного инспектора, а где-то через год, в феврале 1904 года он был перемещен на эту же должность в город Гродно. Относительно семейного положения нового чиновника в служебном формуляре Кошелева имеется запись: «Женат на девице Юлии Устиновне Крживицкой, имеется сын Евгений, родившийся 9 декабря 1886 года; жена и сын – православные».⁵⁶

Гродненский период организационно-медицинской деятельности губернского врачебного инспектора В.В. Кошелева был наиболее успешным и плодотворным. Хотя складывался вначале он совсем непросто в силу необходимости проведения ряда медицинских мероприятий, связанных с началом русско-японской войны. Медицинское освидетельствование резервистов, сбор пожертвований на нужды армии и флота, развертывание применительно к военным условиям госпиталей и лазаретов - всем этим активно занимался врачебный инспектор. В этой кропотливой и каждодневной работе Кошелев был не один. Большую помощь ему оказывало местное православное духовенство во главе с епископом Никанором Каменским, а также члены Гродненского православного Софийского братства. В свою очередь доктор Кошелев постоянно участвовал в напутственных молебнах в дни отправки с железнодорожной станции Гродно военных эшелонов на Дальний Восток, принимал значительные усилия по скорейшему открытию строящегося в городе Свято-Покровского храма-памятника в честь поминовения воинов Гродненского гарнизона, павших на полях Маньчжурии.

В «Памятной книжке Гродненской губернии на 1905 год» имеются сведения и о других сторонах деятельности Кошелева. Помимо своих прямых инспекторских обязанностей, он являлся директором детского приюта Гродненского Благотворительного общества, членом санитарно-исполнительной комиссии Общества врачей Гродненской губернии. Последнее действовало здесь, начиная с 1869 года. К моменту переезда Кошелева в Гродно это медицинское общественное объединение переживало свой естественный кризис: рост количества врачей в губернии, расширение круга медико-санитарных проблем и т.д. требовали новых направлений и форм работы, слома системы кулуарных заседаний. В этой связи Кошелев отдавал предпочтение созыву и проведению съездов сельских врачей с широким привлечением к участию в них всех слоев гродненской, общественности. Такие съезды успешно прошли в городе в 1904 и 1911 годах. Странники традиционных камерных и корпоративных методов работы, разумеется, были этому не довольны, свалив впоследствии на реформатора всю вину за то, что Общество врачей Гродненской губернии к 1913 году постепенно прекратило свое существование. На самом же деле то, что произошло, было естественным процессом в развитии общества, а усилия самого Кошелева, как свидетельствуют современники, были своевременными и имели положительный эффект. Состоявшийся в 1904 году в Гродно по его инициативе второй съезд сельских врачей губернии основное свое внимание уделил анализу состояния сельской медицины и положению здесь медицинского персонала. Как констатировал сам съезд, это положение было достаточно тяжелым: лечебниц и медицинских работников катастрофически не хватало, а потому население продолжало заниматься самолечением или обращаться к услугам знахарей. Под руководством Кошелева съезд выработал немало дельных предложений по улучшению медицинского обслуживания сельского населения. Подтверждением тому могут быть грамотные

действия медицинской службы губернии в 1910 году, когда большинство ее территории оказалось во власти чумы и холеры. Как свидетельствует печать тех лет «людские потери от эпидемии были самыми минимальными в истории Гродненской губернии». Весной 1911 года, после длительного перерыва, вызванного неприятием высшими инстанциями предложений второго съезда, по инициативе губернского врачебного инспектора состоялся третий съезд сельских врачей. В его работе приняло участие около 30-ти врачей. Съезд высказался за скорейшее устройство в губернии 40 медицинских участков. В первые три года после завершения съезда из намеченных к открытию семи лечебниц было открыто шесть, что свидетельствовало о значительных усилиях Кошелева по выполнению решений данного съезда.

6 декабря 1911 года гродненский губернатор В.Н. Борзенко представил В.В. Кошелева к награждению орденом Св.Владимира 4-й степени «за особенные усилия и труды по борьбе с холерной и чумной эпидемией в Гродненской губернии в 1910 году». 13 марта 1912 года высокая грамота доктору Кошелеву «за отлично-усердную и ревностную службу на медицинском поприще» была в торжественной обстановке вручена. В упомянутом архивном деле доктора имеется и грамота, подтверждающая факт вышеупомянутого акта.

В марте 1914 года врачебным инспектором Кошелевым было возбуждено ходатайство перед начальством о созыве четвертого съезда сельских врачей. Основной причиной для этой инициативы послужило обновление на две трети количественного состава сельских врачей губернии. Цель и программа планируемого съезда практически ничем не отличались от предыдущих. Однако материальные затруднения, а затем и первая мировая война помешали проведению очередного съезда.

В «Памятной книжке» Гродненской губернии за 1915 год перечислены, кроме забот о здравоохранении, другие стороны деятельности врачебного инспектора. В частности, здесь упоминалось, что Кошелев являлся также членом Гродненского епархиального училищного совета, членом местного управления Российского общества Красного Креста, членом правления Благотворительного общества, членом попечительского совета Гродненской биржи сестер милосердия, членом правления ссудно-сберегательной кассы чинов Гродненской казенной палаты, членом правления кассы взаимопомощи православного Софийского братства и одновременно председателем Совета упомянутого братства. В это время семейство Кошелевых проживало на Полицейской улице (ныне улица К. Маркса) в доме Лисовского.

К началу первой мировой войны братская и благотворительная деятельность В.В.Кошелеву становится главной душевной и физической его заботой. Забота о раненных и покалеченных войнах сиротах и других жертвах войны, вопросы эвакуации и беженства – всем этим занимался народный доктор. В нашем распоряжении нет документов, характеризующих работу Кошелева в г.Калуге, куда было эвакуировано Гродненское губернское правление после отступления русской армии от Гродно, но нет никаких сомнений, что по-прежнему энергичный доктор был в гуще самых разнообразных хлопот о судьбах гродненцев.

Не приняв советской власти, измучившись вместе с домочадцами от голода, холода и других лишений гражданской братоубийственной войны, супруги Кошелевы принимают решение, о возвращении в Гродно, ставшее к этому времени уездным польским городом, к могиле умершего здесь в 1909 году единственного 25-летнего сына Евгения. Множество, казалось не преодоленных препятствий, пришлось преодолеть им, пока в конце 1922 года они не ступили на ставшую им родной гродненскую землю. Но и здесь положение бывших российских чиновников было не лучшим, чем в Советской России. Там их унижали и репрессировали по социальному признаку, т.е. как «бывших», а здесь на «кресах восточных» - по национальному, как виновников былой, якобы антипольской политики царских властей. В обстановке национального и религиозного гнета тех лет

большинство русских людей в Польше стало объединяться вокруг основанного в 1924 году в Варшаве профессором медицины М.В.Сониным Русского Благотворительного Общества (РБО). Это объединение на территории тогдашней Польши имело свыше 20-ти отделений. В 1925 году в Гродно городские отделение РБО возглавил доктор медицины В.В.Кошелев. Его лидерству в означенном объединении способствовало не только личное знакомство с профессором Сониным, понимание целей и задач общества, но и деловые качества гродненского доктора. Несмотря на солидные годы Кошелева, горожане ценили его за инициативу и мудрость, былой опыт работы на посту председателя православного Софийского братства, а также за широкую популярность в народе. По словам его ближайшего соратника А.В. Наумюка, «Кошелев и в годы польского владычества продолжал заботиться о физическом здоровье людей, печаловался об их душах».

РБО не являлось политической организацией, устав ее содержал лишь культурно-просветительские и благотворительные цели: открытие разнообразных кооперативов, школ, детских домов, сбор средств среди русского населения на эти цели. Такие сборы, причем не только деньгами, но и вещами, продуктами для последующей раздачи нуждающимся членам общества, проходили под контролем доктора Кошелева почти ежемесячно. При отделении Гродненского РБО имелся приют для детей-сирот в возрасте от трех до шестнадцати лет. В первый же год основания в нем содержалось около 30 детей, но в последующее годы их число возросло до 50 человек. Их обучение проходило в городских польских школах, но в стенах приюта дети говорили только на русском языке.

Правление общества во главе с В.В.Кошелевым предпринимало неоднократные попытки открыть в Гродно школу для так называемого русского меньшинства (великоросов, малоросов и белорусов), но из-за противодействия властей они заканчивались безрезультатно. Центром культурной жизни РБО была его библиотека. Заведовал ею эрудит, полиглот и книголюб Н.А. Червяковский, родители которого до революции были активными деятелями Софийского братства. За пользование библиотекой общества читатели вносили скорее символическую плату. В постоянном лектории при библиотеке читались лекции и проводились дискуссии по самым актуальным вопросам жизни русских людей вне России. Много говорилось о русской истории, литературе и искусстве. Ежегодно гродненское отделение РБО отмечало «День русской культуры» приуроченное ко дню рождения А. С. Пушкина. К этому знаменательному событию в Гродно издавалась газета-однодневка (название ее в разные годы менялось – «Зорница», «Наш день», «Русский день» и др).

В программе «Дня» традиционно присутствовала постановка спектаклей по произведениям А.С.Пушкина, А.Н. Островского, А.П.Чехова и др., организация концертов художественной самодеятельности. Под Новый год для детей членов общества устраивались Рождественские елки. В каникулярное время проводились походы и экскурсии по историческим местам Гродненщины.

Канцелярия Гродненского РБО размещалась в помещении архиерейского дома (ныне. ул. Горького, дом № 2), которое по инициативе В.В.Кошелева силами членов общества было капитально отремонтировано. В год образования объединения в РБО состояло около 180 членов: впоследствии число его членов значительно возросло.⁵⁷ К сожалению, порадоваться достижениям общества в будущем В.В.Кошелев не смог. Сердце народного доктора и общественного деятеля остановилось поздней осенью 1925 года на 69 году жизни. За год до него ушла из жизни его супруга. Хоронили Кошелева все русские жители Гродно. На постаменте его памятника было выбито известное библейское изречение: «Помяни Господи егда приидеши во Царствие Твое».

Гродненский губернский архитектор и инженер Николай Венедиктович Романов (1863-1927)

Вплоть до начала XX века экономическое развитие г. Гродно серьезно сдерживалось отсутствием постоянного сообщения между центральной частью и занеманской, так называемым Форштадтом. Существовавший с начала 1860-х годов железнодорожный мост в этом плане практически был не в счет, ибо обеспечивал только движение товарных и пассажирских поездов. Общение же жителей города, живших по обе стороны Немана обеспечивалось лишь посредством лодочников-перевозчиков, да парома. О том, что такое гродненский паром, хорошо рассказал Всеволод Крестовский в своих «Очерках кавалерийской жизни»: «Паро-ом!.. ге-ей! Да-вай жи-ве-я па-ро-ом! - рупором приставив руки к губам, звучно падает вахмистр голос на тот берег.

- И -де-ет - протяжным откликом доносится к нам из тумана с середины реки - и вот минут через десять, выплывая из белесоватой мглы темной массой, паром неуклюже и медленно причаливает к берегу.

- Переправа повзводно. Первый взвод вперед, шагом - марш!

Люди спешно двинулись к парому.

- Не жмись! Не напирай! Куды вас, дьяволы, всех разом поперло! - распорядился и хлопотал ротмистр. - Вводи в порядке поочередно, но лошадь дистанции, по одному!.. Да осторожнее! Под ноги гляди! Ставь коней рядом, головами в поле, к воде, задом к середине!.. Да без суеты! Потонешь! Не бойсь, никого не забудем, всех возьмем!.. Ну? Готово, что ли?

- Готово!

- Ну, отчаливай с Богом! Господь с вами!..

И паром, как-то скрипя и кряхтя, грузно и тяжело отчаливает от берега и уплывает в редешую мглу тумана. С реки слышно, как иногда тревожно топнут о настил парома конские копыта и вслед за тем резко и коротко взвизгнут сердитые жеребцы.

- Но-о, ты! Держись тут еще, кусайся! Я те покусуюсь! - доносится сердитый голос солдата, прикрикнувшего на повздоривших коней.

Паром придет обратно не ранее, как минут через двадцать, а то и через полчаса. Переправа - дело довольно скучное, потому что, пока последовательно перевезутся все четыре взвода, пройдет по крайней мере часа полтора времени, в течении которых сиди себе на берегу и, что называется, жди погоды. Скучно. Смотришь рассеянно на скучающих и потому понуривших головы коней, и на топчущихся с холоду солдатиков, на возы и фурманки, которые скопляются все более и которым долгонько-таки придется дожидаться своей очереди на пароме... »

Сюжет замечательный в историко-литературном произведении, охватывает лишь маленький эпизод из жизни уланского полка, отправляющегося на маневры, а вот что творилось на пароме не ранним зимним утром, а весной - летом - осенью, да еще в базарные дни или в церковные праздники. Думается, что под пером бытописателя рассмотрение неудобств, связанных с гродненским паромом, могло бы занять значительно большее число страниц, чем у Крестовского. Проклятия в адрес парома и его владельцев были на устах у всех гродненцев от мала до велика.

Одним словом, в начале 1903 г. разговоры о необходимости постройки через Неман грузо-пешеходного моста стали серьезной заботой

гродненского губернатора П.А. Столыпина и всего его распорядительного комитета. В 1906 г., после получения необходимых средств и разыскания толкового подрядчика (им оказался варшавский предприниматель Рудский) работы по сооружению моста по проекту инженера Полозовского начались. Мост был необыкновенный, так как

строился на двух кессонах, закладываемых в грунт на расстоянии пяти саженей от речного дна. На строительство моста вместе с подходами - подъездами было выделено 800 тысяч рублей, не считая безвозмездно отпущенной городом земли, причем 300 тысяч рублей было дано из земских сумм и 500 тысяч рублей - военным ведомством. Все работы по сооружению моста велись под наблюдением Гродненской войсковой комиссией, председателем которой был князь Бегильдеев.

Следует заметить, что военное ведомство первоначально предполагало строить мост против военных лагерей, которые располагались на далеком расстоянии от центра города. Естественно, что горожане, как могли противостояли этим планам. Большую роль в отстаивании их интересов сыграл авторитетный в городе человек, бывший управляющий Гродненской контрольной палатой, председатель правления Православного Софийского братства М.К.Стояновский, который в особом представлении государственному контролеру доказывал необходимость постройки моста ближе к центру города. Ближайшим сподвижником Стояновского в этом межведомственном споре был гродненский гражданский инженер и архитектор Николай Бенедиктович Романов. В конце-концов эта точка зрения на строительство кессонского стратегического моста восторжествовала. В ходе трехлетнего его сооружения Н.В. Романов вложил немало сил, дабы мост не только соединил две части города, но и чтобы подъездные пути к нему (на Фордштат, а также соединительные ветки по направлению к Лидскому шоссе) были как можно удобнее. Помимо всего, как архитектор он хотел, чтобы и сам мост украсили город на Немане.

Летом 1909 г. начались испытания нового моста, которые проводились под наблюдением известного профессора – мостовика Белелюбского. Они состояли в том, что через мост были пропущены три тяжелые артиллерийские батареи; вместе с ними прошли по мосту и его строители. Испытания прошли вполне успешно, и 24 июля 1909 г. столь необходимый городу мост в торжественной обстановке был открыт. Но и после этого шло внимательное ежедневное наблюдение за его состоянием и эксплуатацией на протяжении целого года. Наконец, 9 ноября 1910 г. император Николай II «за отличные результаты при постройке Петровско-Николаевского моста через реку Неман в городе Гродно объявил Высочайшую благодарность его Императорского Величества всем членам Гродненской Войсковой Строительной Комиссии, а также представителю Гродненского губернского распорядительного комитета гражданскому инженеру, статскому советнику Романову за отличное исполнение возложенных на них поручений по постройке названного моста». Высокую благодарность, запечатленную в «Правительственном Вестнике» (1910 г., №251), Н.В. Романов воспринял не только как должное, но и как оценку его многолетней работы на архитектурно-строительном поприще в Гродненской губернии.

Николай Бенедиктович Романов родился 6 апреля 1863 года, происходил он из обер-офицерских детей, т. е. из лиц, отцы которых выслуживали дворянство до их рождения вероисповеданий православного. После окончания в 1887 году Института гражданских инженеров в Петербурге со званием «гражданский инженер» и правом на чин X класса, он был направлен служить младшим инженером строительного отделения Гродненского губернского правления. В 1886-1889 году Романов был утвержден в чине коллежского секретаря и за выслугу лет произведен в титулярные советники. В октябре 1890 года он был назначен младшим архитектором строительного отделения, а уже через два с половиной года, 23 марта 1893 года, он получил высокую должность Гродненского губернского архитектора. Трудно перечислить, что только не возводилось в Гродненской губернии в те годы под руководством ее главного зодчего. Объектом его пристального внимания были не только правительственные, но военные и церковные заказы. Их качественное выполнение было главным профессиональным кредо Н.В.Романова, и все это было отмечено начальством. Награды сыпались на него подобно дождю. В 1894 году

из кабинета императора Александра III ему была пожалована золотая булавка с изумрудом, в 1895-м году - орден Св. Станислава 3-й степени, а в 1897 году он был не только произведен в надворные советники, но и получил из кабинета молодого императора Николая II золотые часы с цепочкой, а также серебрянную медаль в память о правлении императора Александра III на Александровской ленте. 1 января 1900 году ему был пожалован орден Св. Анны 3-й степени. 12 февраля в связи со смертью гродненского губернского инженера В.Ф. Небольсина (1892-1900) на Н.В. Романова было возложено временное исполнение и его обязанностей.

Спустя полгода, в мае 1900 году, Романова неожиданно для него освобождают, ото всех ранее занимаемых высоких должностей «за назначением на должность старшего инженера по дорожной части Гродненского губернского распорядительного комитета». С этого времени главной заботой Романова становятся губернские мосты и дороги. В «Гродненской старине» Е.Ф. Орловского среди результатов этого периода Деятельности архитектора и инженера почему-то упомянуты лишь такие отдельные факты: «15 августа 1901 года открыт и освящен каменный Губернаторский мост через Городничанку. Стоимость

моста - 22000 рублей. Работы производились под наблюдением гражданского инженера Н.В. Романова». И еще: «1 января 1902 года исполнилось столетие Гродненской губернии, выделенной из состава губернии Литовской. Столетие было отпраздновано с большой торжественностью. К этому торжеству было приурочено торжество открытия Гродненского народного дома (ныне городской Дом культуры по ул. Дзержинского), выстроенного на средства попечительства о народной трезвости...» Орловский, сожалению, не говорит здесь о том, кто строил народный дом. Но эти сведения имеются в энциклопедическом справочнике «Архітэктурa Беларусі» (Мн., 1993): «Гродненский народный дом, памятник гражданской архитектуры начала XX века. Построен в Гродно (современная улица Дзержинского) в 1904 года в соответствии с проектом инженера Л. Лангада и архитектора Н. Романова. Кирпичное 1-этажное симметричное здание со слегка вынесенными вперед боковыми крыльями имеет сложную конфигурацию плана, где часть более высокого объема со зрительным залом на 350 мест отодвинута вглубь. Треугольный фронтон, фигурные карнизы и аттики, богатство декоративной пластики (горизонтальный руст, обрамление оконных и дверных проемов разных форм, пилястры по углам) придают зданию красочность. Внутренняя планировка отвечала предназначению: здесь была библиотека с читальным залом, комнаты для занятий кружков». Разумеется, что сегодня это здание по сравнению с современными Дворцами культуры (например, Текстильщиков, Химиков, «Юность») выглядит несколько приземленными, старомодными, но внутренняя планировка, интерьеры, акустика и в наши дни позволяют бывшему народному дому быть, образно говоря, в строю. В этом конечно же немалая заслуга Н.В. Романова. В последние годы он был произведен в коллежские, а затем в статские советники, на него вторично, но временно, возлагали обязанности губернского инженера, после чего опять следовало возвращение к ставшей уже привычной должности старшего дорожного инженера. В 1911 году Романова награждают орденом Св. Станислава 2-й степени, а в 1913 году ему предоставляется право ношения на груди медали в память 300-летия Дома Романовых. Однофамилец государя - императора, между тем, особенно не злоупотреблял этим вполне заслуженным правом.

С началом первой мировой войны Н.В. Романов был откомандирован в 1-й район военно-дорожных работ, а затем в распоряжение начальника военно-дорожного управления Северного фронта. Его славной обязанностью там было строительство и восстановление разрушенных в ходе боевых действий дорог. По отзывам военного начальства в прифронтовой полосе он проявил себя с самой лучшей стороны. В связи с обострившейся хронической болезнью 1 апреля 1916 года старший дорожный инженер был откомандирован в распоряжение Гродненского губернского распорядительного

комитета⁵⁸. Потом была эвакуация внутрь страны, печальное созерцание своего любимого детища - взорванного моста через Неман, вновь возвращение в ставший родным город Гродно. Здесь в 1927 году, на 63-м году жизни и остановилось сердце Н.В. Романова. Похоронен он неподалеку от своей матери Романовой Александры Григорьевны, скончавшейся в 1908 году в возрасте 67 лет. Рядом покоится священники Лечицкие, а также генерал М.А. Савицкий, бывшие, как и Н.В. Романов, активными членами Гродненского православного Софийского братства.

«ГРОДНЕНСКИЙ СВЯТО-ПОКРОВСКИЙ ХРАМ - ПАМЯТНИК БЫЛ ЕГО ЛЮБИМЫМ ДЕТИЩЕМ...»

Военный инженер-строитель Иван Евграфович Савельев (1866-1951)

Каждого, кто посещает главный православный храм в г.Гродно Свято-Покровский собор - не может не восхищаться его внешними архитектурными достоинствами, делающими его подобным кораблю в открытом море, а также внутренним убранством, важными элементами которого являются мемориальные доски, установленные на стенах против входа в храм. Одна из них, совсем новая, хранит для потомков имена гродненцев, погибших далеко от дома, в Афганистане, в 1979-1989 годах. А совсем рядом от нее расположены две белые мраморные доски, на которых запечатлены имена воинов Гродненского гарнизона (26-й артбригады, 101-го Пермского, 102-го Вятского, 103-го Петрозаводского и 171-го Кобринского пехотного полков), которые пали на полях сражений в годы русско-японской войны 1904-1905 годов. Именно им, этим воинам, сложившим голову за Отечество на Дальнем Востоке и обязан храм-памятник, своим рождением. Его появление в центральной части города за предельно сжатые три года было ярким подтверждением тому что гродненцы глубоко чтят заветы своих православных предков: строить своим погибшим братьям такие памятники, в которых бы в единстве и взаимодействии сочетались функции церкви, памятника, музея и мемориала.

Для того, чтобы узнать кто воплощал на практике задуманное жителями города, достаточно взглянуть еще на одну памятную доску, размещенную на левой от входа стороне Покровского собора: «Храм сей сооружен в 1904-1907 гг. для войск Гродненского гарнизона а царствование императора Николая II, в епископство епископа Гродненского и Брестского Михаила, при протопресвитере военного и морского духовенства Желобовском, командующем войсками Виленского военного округа генер. от инфант. Крживицком, начальнике инженеров того же округа генер. лейтен. Александрове, начальнике Гродн. инж. дистанции полковнике Кайгородове и производителе работ по сооружению храма инженер-капитане И.Савельеве. Храм освящен в честь Покрова Пресв. Богородицы 30 сентября 1907 года».

Строили храм-памятник как гражданские, так и военные строители. Строили с любовью, а потому и качественно, и красиво. Проект его был разработан в инженерном управлении Виленского военного округа архитектором Н.М.Прозоровым, всем же строительством руководил гродненский инженер-капитан Иван Егорович Савельев (1866-1951). Имеющиеся в нашем распоряжении скупые исторические сведения позволяют осветить лишь некоторые вехи его жизни и созидательной деятельности. И.Е.Савельев происходил из семьи потомственных дворян. Родился он в г. Могилеве, учился в местной мужской гимназии, а затем в Михайловском военно-инженерном училище в Петербурге. Это военное заведение было одним из лучших в России. В нем учились многие выдающиеся военные деятели и полководцы России. Известно, что окончил его и

Ф.И.Достоевский. Савельев учился в училище хорошо, увлеченно, рассчитывая в будущем полностью посвятить себя искусству фортификации. Однако в реальной жизни, уже по окончании училища, подпоручик, а затем инженер-капитан И.Е. Савельев занимался не только строительством крепостных и оборонительных сооружений, но и других объектов военного ведомства на территории г. Гродно и губернии. Здесь, начиная с 1896 года, он строил военные склады, пакгаузы, казармы... Одним словом строил все, что требовала от него служба. Однако вершиной его строительного мастерства стала Свято-Покровская церковь. По некоторым данным, после завершения работ в Гродно, военный строитель руководил возведением подобных же церквей в Двинске (Даугавпилсе) и в Сувалках. Однако гродненский храм остался для Савельева, образно говоря, любимым детищем, а сам город, где он много и хорошо строил, остался близким его сердцу и родным. В городе над Неманом он остался жить навсегда, переживая вместе с ним и дружной семьей все его радости и печали. Завершение работ над Покровской церковью, его освящение 30 октября 1907 года было огромным праздником как для горожан, так и для строителей. Постройка войсковой церкви в стиле римской базилики обошлась городу в 157972 рубля, в том числе земельный участок под строительство в 35413 рублей. Большую помощь верующим в получении участка под храм оказал бывший гродненский губернатор П.А. Столыпин. Значительные усилия в его создание внесли члены Гродненского православного Софийского братства и местного церковно-археологического комитета. Большую роль в превращение гарнизонной церкви в музей и мемориал сыграли гродненские историки и краеведы – Е.Ф. Орловский, Д.М. Милютин, Д.Н. Кропотов, Н.Р. Диковский, И.В. Корчинский, Л.М. Солоневич и др. Мраморные мемориальные доски были любовно изготовлены в мастерской, основанной Б. Шишкевичем. Но больше всех радовался своему детищу его строитель Савельев. Из ранее никому неизвестного военного строителя, он превратился в популярного и уважаемого в городе человека. В значительной степени способствовало этому и издание И.Е. Савельевым брошюры «Войсковые гарнизонные церкви в г. Гродно и Сувалках» (Гродно, 1907). В этой неизвестной пока нам брошюре ее автор высказал профессиональное и чисто человеческое отношение к объектам, к строительству которых он имел непосредственное отношение. Предметом особой гордости Савельева была церковная колокольня. Ее высота (вместе с крестом) составляла 18 с половиной саженьей. На ней было размещено 9 колоколов общим весом около 485 пудов. Самый большой из них весом 300 пудов, а следующей по весу – 109. Колокола, вместе с их установкой обошлись православным города в 8807 рублей. Нововведенный храм-памятник был передан под попечение 101-му Пермскому полку.

Современная историко-архитектурная литература дает следующую характеристику этому савельевскому творению: «Памятник архитектуры ретроспективно-русского стиля. В основе храма внутренний 3-нефовый объем с 5-гранной апсидой с боковыми ризницами. На главном фасаде создан вертикальный акцент – 10-метровая 8-гранная шатровая колокольня с маковкой. Ее фланкируют небольшие шатры с маковками. Над алтарной частью возведен невысокий четверик с красным 5-купальем. Ризницы завершены шатрами с маковками. Три входа на фронтальном фасаде разрешены 2-колонными рундуками и высокими крылечками. Вытянутые боковые фасады на двух ярусах ритмично расчленены прямоугольными оконными проемами в богатых «теремных» листьях, простенки крапированы широкими лопатками в ширинках. Архитектура храма имеет насыщенное декоративное убранство, заимствованное из древнерусской церковной архитектуры - кокошники, ширинки, витые колонки, внушительные сандрики, килеподобные бровки арочных оконных проемов. Бело-ковровое декоративное покрытие фасадов живописно выделяется на кирпичном коричнево-красном фоне стен, полихромию обогащает зеленый цвет крыш и шатров, охристая окраска куполов. В декоре фасадов использованы дыньки.

Внутреннее 2-цветное пространство храма разделена 12 столпами, переброшенными через них аркадами на 3 нефа, перекрытыми плоским потолком с плафонами, расписанными орнаментом в виде древнерусской текстовой вязи. По периметру зал опоясан внушительным профилированным карнизом, стены расписаны. Пол кафельный с орнаментированным рисунком. Притворы перекрыты крестовыми соединениями. Резные головные и боковые деревянные иконостасы выделяют апсиду, имеют коричневую тонировку и позолоту; их силуэт формируют 3-лопастевые килеподобные фронтоны, лукообразные головки. Над входом выступает консольная галерея хоров».

В 1910 году семейное счастье Савельевых было омрачено смертью 6-летней дочери Надежды. Красивый памятник с эпитафией «Покойся, дорогая Надюша», установленный на могиле любимой дочери убитыми горем родителями, прекрасно сохранился и до наших дней. В последствии Савельевым пришлось пережить еще не одну беду: первая мировая война, революция, полуэмигрантское существование в условиях «демократического» Польского государства. Единственное, что спасало в ту нелегкую пору, это посещение построенного своими руками храма, да поддержка со стороны членов Гродненского отделения Русского Благотворительного общества (РБВ). Жили Савельевы в собственном скромном деревянном доме по Саперной улице. Ныне этого дома (улица Дзержинского, 16) уже не существует, на его месте лет десять назад расположилась... оборудованная остановка городского транспорта. Нелегко жилось Савельеву и в советское время. Негативное отношение к религии и церкви строитель гродненского храма переживал очень тяжело, ибо это отношение невольно переносилось и на него. Нищенская пенсия, подозрительное отношение к прошлому «бывшего царского офицера» негативно отражалась на общем состоянии всего семейства. Умер создатель Гродненского Свято-Покровского храма-памятника (ныне собора) 14 августа 1951 года в возрасте 85 лет от инсульта. В 1964 году не стало его сына Владимира. Была у военного строителя еще и дочь Лидия, но о ее судьбе нам ничего неизвестно.⁵⁹

Место, где похоронен Иван Евграфович Савельев и его старшая дочь, малолетняя Надюша, находится почти сразу же за Свято-Воскресенской часовней в окружении некогда великолепной чугунной ограды. Красивое гранитное надгробие дочери и простой металлический крест на могиле отца... Обе могилы ухожены, значит гродненцы помнят и ценят упокоившихся в них людей.

СЕЯТЕЛЬ РАЗУМНОГО, ДОБРОГО, ВЕЧНОГО...

Словесник Петр Иванович Ковалевский (1883-1966)

Могила ученого-филолога и педагога Петра Ивановича Ковалевского находится в центральной части кладбища, недалеко от того места, где ее главная аллея тремя неширокими дорожками вдруг расходится в разные стороны. Если пойти вправо, то нельзя не заметить за общей скромной оградой строгих в своей красе памятников, установленных еще в начале XX века (а между ними – более современное надгробие в форме книги). Под ним и похоронен Петр Иванович Ковалевский. Имя и добрые дела этого замечательного человека до сих пор помнят в Гродненском государственном пединституте, а ныне университете, в котором ему довелось потрудиться уже на закате своей жизни. Университетские старожилы отмечают его выдающиеся способности в

области любимой науки филологии, исключительную доброту и душевность, а также ту удивительную деликатность в общении со всеми людьми, которая была характерна для лучшей части старой отечественной профессуры. Собственно профессором Петр Иванович не был, более того, он не имел даже ученой степени, но независимо от этого все преподаватели и студенты, знавшие Ковалевского, считали его профессором. Да, и с фотомедальона, что имеется на памятнике на нас смотрит удивительно тепло и доброжелательно человек с классической внешностью ученого. Однако не только внешность выдавала в Ковалевском его принадлежность к давно ушедшим временам развития отечественной культуры и науки. Дело в том, что все то, чем гордился он в своей исследовательской деятельности, было создано именно в ту дореволюционную пору. Впрочем, кто он, откуда родом и как складывался его творческий путь?

В своей автобиографии, составленной в апреле 1941 года и озаглавленной по латыни (*Curriculum vitae*), П.И. Ковалевский писал: «Я родился 13 июня 1883 года в одном из сел бывшей Виленской губернии (село Собакенцы, ныне деревня Первомайская Щучинского района Гродненской области. - В. Ч.), где мой отец был народным учителем. Детство мое прошло в местечке Свислочи бывшей Гродненской губернии, куда отец переехал сразу же после моего рождения, получив там место учителя «образцовой школы» при учительской семинарии. Мать моя также вначале была народной учительницей, но затем с увеличением семьи, оставила эту работу. Десяти лет я поступил в Гродненскую мужскую гимназию, где учился хорошо и освобождался от платы за обучение. Жил я у бабушки, вдовы фельдшера.

В 1901 году я окончил гимназию с серебряной медалью и был принят стипендиатом в бывший Петербургский историко-филологический институт на отделение русского языка и словесности. Здесь я тоже учился хорошо и постепенно втягивался в научно-исследовательскую работу. Последние два года пребывания в институте работал под руководством профессора И.И. Холодняка над кандидатским сочинением на тему из области фольклора. На IV курс был привлечен директором института, академиком В.В. Латышевым, к участию в составлении академического «Словаря русского языка»; эту работу я продолжал и по окончании института, в течение пяти лет. Моя фамилия среди фамилий других участников этого издания значится в предисловиях к выпускам, изданным с 1905 по 1910 год. Во время летних каникул под руководством профессора С.К.Булича я собирал по академической программе особенности фонетики и морфологии белорусского языка. Наконец, по предложению профессора Б.А. Тураева я, будучи студентом V курса, вместе с одним из товарищей перевел с русского языка на латинский древнюю рукопись, найденную профессором Тураевым в Абиссинии. Перевод понадобился для помещения этого памятника в заграничном журнале, издававшемся на латинском языке. Приняв участие в студенческой забастовке 1905 г., я окончил институт на полгода позже, чем полагалось, получив при этом в аттестате пониженную оценку по «поведению». Последнее не помешало мне получить место преподавателя лишь только потому, что я, как стипендиат, обязан был прослужить не менее шести лет по направлению министерства. В январе 1906 г. я был назначен преподавателем русского языка в I-ю Полтавскую гимназию. Педагогическая работа меня вполне удовлетворяла, и я постоянно накапливал опыт. По совместительству работал в женской гимназии, где в VIII (педагогическом) классе преподавал педагогику, методику русского языка, руководил педагогической практикой, а также преподавал латинский язык, введенный как факультативный предмет по моему ходатайству.

Систематизируя накопившийся опыт, я составил в 1910-1912 годах учебные пособия, выдержавшие три издания – «Свод правил русского правописания», рекомендованный Ученым Комитетом Министерства народного просвещения к употреблению в школах (см. «Журнал Министерства народного просвещения» за 1911 г.),

а также «Сборник произведений русской словесности для заучивания наизусть в средних учебных заведениях».

В 1914 г. я был переведен во 2-ю Полтавскую гимназию, где преподавал русский и латинский языки, а после февраля 1917 г. был ее директором. Когда под натиском советских войск белые начали отступить, я вместе с другими служащими в начале декабря 1919 года был эвакуирован в Крым. Дорогой заболел сыпным тифом, был привезен в Феодосию и помещен в госпиталь. После сыпного тифа я перенес возвратный тиф и выздоровел только к весне 1930г. Самым горячим моим желанием тогда было возвратиться в Полтаву, особенно ввиду того мерзкого окружения, в котором я очутился, но это было тогда невозможно. Я числился прикомандированным к Феодосийской гимназии, но ни там, ни в Севастополе, куда вскоре переехал, не мог получить работы.

Осенью 1920 г., со взятием Крыма советскими войсками, я дал знать о себе оставшейся в Полтаве семье и стал хлопотать о пропуске для возвращения домой. Однако пропуска мне не выдавали. Поступив на учет при Севастопольском наробразе, я с декабря 1930 г. был привлечен к работе в нем: сначала работал во внешкольном отделе, затем был назначен преподавателем народного политехникума и, наконец, заведующим школой – десятилеткой имени Кропоткина.

В мае 1921 года появилась возможность получить пропуск, чем я не замедлил воспользоваться. Возвратившись в Полтаву, я с 15 мая стал работать учителем в 17-й трудовой школе, а в сентябре был назначен заведующим «Домом дефективного ребенка». В марте Дом этот был закрыт. Работать в школе я не хотел, т.к. не мог примириться с безусловно обязательным в то время комплексным методом обучения. Поэтому воспользовавшись сделанными мне предложением, я поступил в организованную тогда контору Госстраха в качестве секретаря и проработал там до ее ликвидации в 1928 г. После этого я решил возвратиться к педагогической работе, но выпав из поля зрения наробраза за время службы в Госстрахе, я не мог получить постоянной работы и выполнял временную в различных школах города (2, 5, 10, 16, 17-й). Наконец, в начале 1930 г. я был назначен на постоянную работу в 5-ю трудшколу, по совместительству работал также во 2-й, а с 1-го июня 1931 г. перешел на службу в медтехникум,

С открытием в Полтаве медицинского института, я по совместительству преподавал в нем латинский язык, затем три года работал в сельскохозяйственном институте, а с 1937 г. перешел на службу в Полтавский педагогический институт. Здесь я и работаю до настоящего времени, стараясь в меру своих сил содействовать возможно лучшей подготовке педагогических кадров, столь необходимых нашей социалистической родине, и передаю накопленный мною за четверть века педагогический опыт молодому поколению советских педагогов».

Приведенный выше документ, отражающий не только дух тогдашнего беспокойного времени, но и довольно шаткое во всех отношениях положение его автора, разумеется, нуждается в комментариях, главных из которых состоит в том, что ушедший вместе с белыми на юг Ковалевский, в условиях политических репрессий предвоенных лет, постоянно находился под подозрением, а потому его обращение к таким фактам своей биографии, как участие в студенческой забастовке 1905 г., в принудительной эвакуации в Крым, вместе с употреблением ставшей уже привычной коммунистической риторики о желании быть полезным «нашей социалистической родине», являются ничем иным как средством самосохранения. Вполне естественно, что ни о каких серьезных занятиях Ковалевским в те годы не могло быть и речи. Поэтому остановимся лишь на анализе конкретных фактов автобиографии педагога, почерпнутых из разных исторических источников.

Родители Петра Ивановича происходили из крестьян Гродненской губернии, тянувшихся к знаниям и лучшей светлой жизни. Известно, что после выхода на пенсию

отец И.П.Ковалевского - Иван Игнатьевич служил волостным писарем. По его инициативе и непосредственном участии 6 августа 1899 г. была основана Свислочская общедоступная библиотека. Первоосновой для ее развития стала семейная библиотека Ковалевских. Заведуя публичной Свислочской, Иван Игнатьевич успешно занимался не только пополнением ее фонда, но и пропагандой книжных знаний. Не покидал своей заботы о любимом детище он и тогда, когда перебрался в начале XX века в губернский город Гродно. Здесь в 1913 году он серьезно заболел, а в 1916 году ушел в мир иной. Сразу после этого Свислочская публичная библиотека осиротела, а ее книжный фонд по завещанию основателя был передан Свислочской учительской семинарии. Памятник Ивану Игнатьевичу, а также умершим еще раньше его родственникам – отчиму фельдшеру Александру Терентьевичу Зайцеву (1862), матери Вере Ивановне (1906) установила при помощи родственников и друзей библиофила его жена Мария Александровна, умершая и похороненная тут же в 1931 году.

Как вспоминает Петр Иванович, учился он в Гродненской мужской гимназии успешно. Своей тяге к учению он был обязан прекрасным учителям: историку Е.Ф.Орловскому, словеснику И.И. Остроумову и директору гимназии Н.А. Глебову. Все они были выпускниками Петербургского историко-филологического института, а потому нет ничего удивительного, что Петр Ковалевский решил пойти по стопам своих любимых учителей. Вероятно, совершенно не случайным является и факт постоянной помощи Ковалевскому-студенту со стороны институтских профессоров. Известно, что директор историко-археологического института академик Б.В.Латышев (1855-1921), выдающийся исследователь древностей Северного Причерноморья, «один из первых эпиграфистов не только русских, но и западноевропейских» также учился в Гродненской мужской гимназии и окончил ее в 1872 году с серебряной медалью. Он любил Гродно, и это усиливало внимание директора к способному студенту-земляку. Связан с Гродненской губернией был и выше упоминавшийся профессор Б.А.Тураев (1868-1920) - один из основоположников российской школы истории и филологии древнего Востока. Он родился в Новогрудке, здесь прошли и навечно остались в памяти детские годы ученого. Тураев уже тогда предвидел успешную научную карьеру Ковалевского. Имели связи с Белоруссией также и другие профессора института (И.И.Холодняк, С.К.Булич, Ф.Ф. Зелинский), оказавшие позитивное влияние на формирование научных воззрений П.И.Ковалевского.

Аттестат об окончании Петербургского историко-филологического института (преимущественно с отличными оценками по всем дисциплинам), дававшими Ковалевскому все права кандидатов университета с правом преподавания русского языка словесности и древних языков в гимназиях, подписали директор В.В.Латышев, инспектор С.И.Середонин и ученый секретарь Ф.Ф.Зелинский. Свидетельством высокой профессиональной подготовки П.И.Ковалевского было прекрасное владение не только русским, греческим и латинским языками, но и такими как - французским, немецким, сербским, болгарским, польским, украинским, белорусским. В последние годы своей жизни ученый преподавал в Гродненском пединституте древнеславянский (церковнославянский) язык.

Будучи человеком науки, далеким от всякой партийности, Петр Иванович с первых дней работы в Полтавском пединституте зарекомендовал себя как профессионал высочайшего класса. Это подтверждали не только лекции, которые он читал студентам, но и исследования такой актуальной и мало разработанной в те годы темы как «Русские числительные и их синтаксические функции». Успешно справлялся Ковалевский и с обязанностями заведующего кафедрой русского языка. На этом основании ученый совет Полтавского пединститута в апреле 1941 года возбудил ходатайство перед Высшей аттестационной комиссией СССР о присвоении П.И.Ковалевскому ученого звания доцента без наличия ученой степени. Однако то, что было вполне доступным «выдвиженцам от сохи и станка» оказалось совершенно недостижимым для представителя

«старой буржуазной школы». И. уже в конце мая 1941 года ВАК возвращает в ректорат Полтавского пединститута его ходатайство за талантливого работника, как неприемлемое для положительного разрешения. Горечь от такого решения вскоре ушла для Петра Ивановича на второй план в связи с начавшейся войной.

Вот что писал об этом периоде жизни ученый и педагог в своей автобиографии (вернее, в дополнении к ней) в октябре 1948 года, приступив к работе в Гродно: «Как только началась Отечественная война, я эвакуировал всю свою семью в г.Ульяновск, где тогда находилась моя дочь. Сам я остался в Полтаве, намереваясь эвакуироваться вместе с пединститутом, в котором тогда еще проходили занятия. Осуществить это намерение мне не удалось, так как эвакуация г. Полтавы (в сентябре 1941 года), вследствие бурного развития военных действий, происходила в невозможных для меня условиях: я мог только выйти пешком из Полтавы, что было для меня недоступно из-за болезненного состояния и преклонного возраста. После нескольких неудачных попыток погрузиться в какой-нибудь эшелон, я вынужден был остаться в городе и провел там все время оккупации, вплоть до октября 1943 года.

С занятием Полтавы немцами я был взят биржей труда на учет как педагог, но долгое время оставался безработным, так как школы не открывались. Испытывая материальные затруднения, я еще больше страдал морально, осознавая всю унижительность своего положения среди врагов моей Родины, будучи к тому же свидетелем всевозможных их бесчинств и бесчеловечного обращения с советскими людьми. Сильно угнетала меня и разлука с семьей, о которой я не мог иметь никаких сведений. За все время оккупации мне удалось поработать преподавателем латинского языка около полугода в фельдшерской школе, а после ее закрытия в зубоврачебной. После освобождения Полтавы в октябре 1943 года от гитлеровцев и с возобновлением занятий в пединституте, я снова был принят на работу, которая продолжалась три с половиной месяца. Семья моя возвратилась в Полтаву в мае 1944 года. В 1947 году я был откомандирован в распоряжение Министерства Просвещения Украины. От последнего я получил уведомление, что использовать меня на работе в вузе оно не может за отсутствием вакансий и рекомендовало заняться педагогической работой в средней школе. Этому совету я не последовал, так как отвык от занятий с детьми, и работа в средней школе была бы для меня не по силам чисто физически. В 1948 году я по домашним обстоятельствам переехал в г.Гродно и получил работу в педагогическом институте, где был принят на должность старшего преподавателя русского языка.

Следует заметить, что под «домашними обстоятельствами» скрывалось не только естественная потребность Ковалевского продолжить вузовскую работу, в которой ему было отказано в Полтаве по причине его нахождения на временно оккупированной немцами территории, но и то, что Гродненщина была его родиной, здесь он учился, здесь находились милые его сердцу могилы родственников. Нельзя не учитывать и того, что опытному педагогу было уже 65 лет. Для большого усиления мотивации переезда в Гродно по семейным обстоятельствам Ковалевский в личном листке по учету кадров назвал местом своего рождения уже не село Собакенцы, как это было на самом деле, а г.Лиду Гродненской области. Простим Петру Ивановичу, оказавшемуся в конце 40-х годов в тяжелом материальном и духовном положении, эту так называемую кривду. Ее наивность была настолько очевидна, что дирекция Гродненского пединститута, нуждавшаяся в опытных профессионалах-словесниках, каким, несомненно, был соискатель на эту должность, по-видимому, на эту графу документа совершенно не обратила внимания.

Несмотря на бытовые и прочие неудобства, П.И.Ковалевский работал в Гродненском пединституте творчески и с полной отдачей. Неслучайно, уже в 1952 году он был назначен заведующим кафедрой русского языка, а в 1958 году руководством Института был представлен для награждения значком отличника народного образования БССР. В характеристике на ученого, подписанной заместителем директора института

Л.Н.Дроздом и секретарем партбюро Г.А. Мартиросовым, были такие слова: «Серьезная научная подготовка, многолетний педагогический опыт и исключительно добросовестное отношение к работе позволили ему обеспечить высоконаучное качество лекций и практических занятий по русскому языку. Требовательный к себе и студентам он обеспечивает подготовку высококвалифицированных учителей средней школы. Исключительно отзывчив, много внимания уделяет оказанию помощи молодым преподавателям института, выпускникам и вообще учителям школ области и города. П.И.Ковалевский много времени уделяет научной и методической работе, им написано ряд статей в центральные журналы и областную газету. Несмотря на возраст и большую академическую занятость, он принимает активное участие в общественной жизни института. Вполне заслуживает награждения значком отличника народного образования БССР»⁶⁰.

К сожалению, как и в безуспешном деле о присвоении П.И.Ковалевскому звания доцента, так и в вопросе о награждении его значком отличника народного образования свою негативную роль сыграли предвзятость, подозрительность и идеологизированный подход к оценке профессионализма талантливейшего ученого и педагога. Наградами он опять был обойден, но в сердцах людей осталась светлая память о человеке, учителе и словеснике с большой буквы. В 1961 году Ковалевский был уволен с работы, а спустя пять лет, он с чувством исполненного долга, тихо, по-православному ушел в мир иной. Царствие ему небесное.

Итак, наше исследование о гродненском православном некрополе подошло к своему завершению. Достигнута ли его цель, полностью ли решены поставленные задачи? Об этом судить читателям. Следует, однако, признать, что по ряду причин проведение нами теоретических и практических изысканий было делом нелегким. И все же, несмотря на все препятствия, определенные результаты получены. Во-первых, удалось выявить и обобщить достаточно скудные материалы, относящиеся к теме; установить места древнейших православных захоронений в границах города Гродно; дать ответ на вопрос о времени основания и основных вехах развития старейших гродненских кладбищ; определить на них территорию захоронений конца XVIII- начала XX веков и насколько это было возможно установить имена гродненцев, нашедших здесь в указанный период свою последнюю земную пристань. Во-вторых, в ходе наших публикаций в периодической печати ряда очерков, посвященным, как известным, так и преданным забвению гродненцам, значительно вырос интерес горожан к т.н. «кладбищенской теме». Часть из них выразила готовность принять непосредственное и практическое участие в приведении в должный порядок мест захоронений, в ремонте и восстановлении наиболее пострадавших памятников и надгробий. У автора данного исследования появились добровольные помощники из числа городских старожил, священнослужителей и студентов. Участие последних в этом деле особенно радует: это значит, что начатый нами процесс возрождения одного из направлений православно-церковного краеведения, несомненно, получит свое дальнейшее развитие. Уверен, что пройдет еще совсем немного времени, и на свет Божий появятся новые труды о гродненском некрополе, достойные памяти наших православных предков.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Солоухин Владимир. Чаша //Наш современник, 1997, №7, с. 17-18.
2. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч., Т.4. – М., 1951. – с 350.
3. См. подробнее: Седов Леонид. Пестрая душа. Об отношении с смерти // Родина, 1991, №1. – с. 63-67.
4. Монгайт А.Л. Погребения, похороны, кремация // БСЭ, Т. 20 – М., 1975. – с.93. БСЭ, Т.13. – М., 1973. – с. 372-373.
5. См. подробнее: Кротов Яков. Не говори с тоской: их нет...// Родина, 1990, №9. – с. 72-75; Царькова Т.С. «Жанр эпитафий свято чтя...» (к диалектике отношений с другими жанрами)// Русская литература, №3. – с. 106-114.
6. Даль Владимир. Толковый словарь великорусского живого языка, Т. II, - М., 1975. – с. 115.
7. Канатов В.И. Кладбище // БСЭ, Т.12. – М., 1973. – с.260; Червяковский Е.О. В помощь пастырям и в назидание пасольным. Сборник церковных поучений. Выпуск V. – Варшава, 1928. – с. 97-99.
8. Федюнин В. Экологические мины – в наследство внукам?// Православная Москва, 1996, №6. – С. 6; Ращупкин А., За кладбищенской оградой // Вечерний Гродно, 2001, № 44. – с. 2.
9. Начала теории православного кладбищенского хозяйствования. – М., 1995. – с. 47-48.
10. См. подробнее: Черепица В.Н. Церковное краеведение // Белорусская Нива, 1999, № 188-189. – с. 3; он же. Нравственное и патриотическое в традиции Православия. // Сборник документов V Свято-Евфросиньских педагогических чтений. – Мн., 1999. – с. 39-52; он же. Церковное краеведение: опыт, настоящее, перспективы// Гродненская правда, 2000, №20. – с. 3; он же. Царкоўнае кразнаўства // Настаўніцкая газета, 2000, № 34 – 35. – с 2; он же. Царкоўнае кразнаўства: вопыт, праблемы, перспектывы// Православие и школа на рубеже тысячелетий. Сборник докладов VI Свято-Евфрасиньевских педагогических чтений. – Минск, 2000. – с. 34-40.
11. При написании этого раздела автор основывался преимущественно на выводы капитального труда Н.Н. Воронина «Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932 -1949)». – М. , 1954. С. 236.
12. Епископ Иосиф (Соколов). Гродненский православно-церковный календарь или Православие в Брестско-Гродненской земле в конце XIX века. – Воронеж, 1899. – с. 551.
13. Крестовский В.В. Кровавый пух, кн.2. – М., 1995. – с . 175; Черепица В.Н.
14. Орловский Е.Ф. Гродненская старина. Часть I. Гродно. - Гродно, 1910. – с. 42.
15. Цит. по: Н.Н. Воронин. Древнее Гродно, - с. 80.
16. Там же, с. 81-85.
17. Орловский Е.Ф. Гродненская старина, - с. 91.
18. История родов русского дворянства (составитель П.Н. Петров). – СПб., 1886; переиздание – М., 1991. – с. 338-340.
19. История Польши, Т. I. – М., 1956. – с. 335.
20. История родов русского дворянства, - с. 339.
21. Епископ Иосиф (Соколов). Гродненский православно-церковный календарь..., - с. 557.
22. Орловский Е.Ф. Гродненская старина, - с. 106.
23. Там же, с. 264.
24. См.: Памятная книжка Гродненской губернии на 1883 год. – Гродно, 1882. – с. 258; Pamięć Grodna 1919 –1939. Informator Wystawy. Luty – kwiecień 1999. – Warszawa, 1999.
25. Rozmus I., Gordziejew I. Cmentarz Farny w Grodnie. 1792-1939. – Krakow, 1999. – s.9.

26. Афанасьева Т. Из рода Ланских // Гродненская праўда, 29 жніўня 1996 г.
27. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г. Гродно, ф. 17, оп. 1, д. 521, лл. 24, 116 – 116 об, 118-119; далее – НИАБ в г. Гродно.
28. НИАБ в г. Гродно, ф. 17, оп. 1, д. 521, л. 120.
29. Зная о существовании этой мраморной плиты по ряду исторических источников прошлого века, я был приятно удивлен, когда совсем недавно увидел, что на своем месте она находится и в настоящее время, за что приношу свою сердечную признательность служащему в Свято-Марфинской кладбищенской церкви отцу Илие, любезно показавшему мне эту достопримечательность храма.
30. НИАБ в г. Гродно, ф. 97, оп. 1, д. 40, лл. 1-2.
31. Там же, лл. 16-18, 21, 54.
32. Там же, л. 117.
33. Там же, лл. 83-84, 93.
34. Кулагін А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі. Энцыклапедычны давенік. – Мн., 2001. – с. 62-63.
35. Гродно. Энциклопедический справочник. – Мн., 1986. – с. 18.
36. НИАБ в г. Гродно, ф. 125, оп. 1, д. 70, лл. 33-33 об.
37. Там же, ф. 17, оп. 1, д. 459, лл. 1-1 об.
38. Сведения о захоронениях этого периода получены от В.Г. Корнелюка.
39. См.: Черепица В.Н. Очерки истории православной Церкви на Гродненщине. Часть I. – Гродно, 2000. – с. 59-67.
40. Цит. по: Rozmus I., Gordziejew I. Smentarz Farny w Grodnie, - s. 82.
41. Арцеміеў Г.М. Нёман у агні // Памяць: Гістарычна-дакументальная хроніка горада Гродна. – Мн., БелЭН, 1999. – с. 431.
42. См.: Rozmus I., Gordziejew I. Smentarz Farny w Grodnie, - s. 55-82.
43. См. подробнее: Кобак А., Пирютко Ю., Чудиновская Т. Как спасти нам Некрополь? По материалам анкеты Ленинградского отделения Советского фонда культуры // Наше наследие, 1990, № 11. – с. 121-138.
44. Бакцінееў Ш. Ланской Сяргей Мікалаевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, Т.4. – Мн., 1997. – с. 332-333; Афанасьева Т. Из рода Ланских // Гродненская праўда 26 жніўня 1996; она же. Герой 1812 года // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка горада Гродна, - с. 172-174.
45. См. подробнее: Православный вестник, апрель – июнь 2000 г., - с.6-10; НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 6, д. 709, лл. 96-97.
46. См. подробнее: Черепица В.Н. Дай нам руку в непогоду: Деятели русской культуры XIX - начала XX веков и Гродненщина. - Гродно, 1997. – с. 53-63; он же. Преодоление времени. – Мн., 1996. – с. 170-174.
47. Крестовский В.В. Очерки кавалерийской жизни. - М., 1998. – с. 3-6, 173-180, 233.
48. Цішчанка І.К. Да народных вытокаў. Збіранне і вывучанне беларускага фальклору 50-60-я гады XIX ст. – Мн., 1986. – с.82-83. Саламевіч Я. Дзімітрыеў Міхаіл Алексеевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, Т. 3, - Мн., 1996. – с. 232; Батракова К.П. Дзімітрыеў Міхаіл Алексеевіч / Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка горада Гродна, - с. 236.
49. НИАБ в г. Гродно, ф.1, оп. 14, д.983, лл. 12-15.
50. Зуборев Л.И. Крик буревестника: Историко-документальная повесть о М. Горьком и Богдановичах. – Мн., 1989. – с. 22-50; Чарапіца В.Н. Са скарбніцы кніжных паліц. – Мн., 1994. – с. 33-34; Нікіпорчык А. “Быць можа я не скончу жыць...”// Гродзенская праўда, 28 красавіка, 2001.
51. Ник. Ив. Б-ий. Антон Николаевич Шумович (некролог) // «Гродненские епархиальные ведомости», 1900 № 1-3, с. 7-8; Кулжинский Г. Воспоминания об А. Н. Шумовиче // Гродненские епархиальные ведомости, 1900, № 39, 40, 43, 49 – 52; Отчет Гродненского

- православного Софийского братства за 17-й год существования братства с 1 января 1898 по 1 января 1899 г. – Гродно, 1899. – с. 29 – 38.
52. Цішчанка Е.М., Ігнатовіч Ф. И., Саўка Е.А. Таварыства ўрачоў Гродзенскай губерні // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка горада Гродна, с. 256-257; Ігнатовіч Ф.И. Съезды врачей Гродненской губернии и их роль в развитии здравоохранения // Историко-медицинские памятники и здравоохранение Гродненщины. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 500-летию Ф. Скорины. – Гродно, 1990. – с. 45-47; здесь использованы также «Памятные книжки Гродненской губернии» за 1875-1907 годы.
53. См.: Чарапіца В.Н. Са скарбніцы кніжных паліц. – Мн., 1994. – с. 32-43; он же. Преодоление времени. – с. 98-104; он же . Михаил Осипович Каялович. История жизни и творчества. – Гродно, 1998. – с. 151-185.
54. «Гродненские епархиальные ведомости», 1913, № 11.
55. ГосцеўА.П. Ігнатовіч Ф.И. Кемарскі Канстанцін Сяменавіч // Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка горада Гродна, - с. 258-259; НИАБ в г. Гродно, ф.2, оп. 37, лл. 2-7.
56. НИАБ в г. Гродно, ф. 9, оп. 2, д. 959, лл. 21-37, 43-46.
57. См. подробнее: Черепица В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине, - с. 175-181.
58. НИАБ в г. Гродно, ф. 2, оп. 37, д. 1330 , лл. 1-6.
59. См. подробнее: Черепица В.Н. Преодоление времени, - с. 161-170; Орловский Е.Ф. Гродненская старина, - с. 337-338; Савельев И.Е. Войсковые гарнизонные церкви в городах Гродно и Сувалках. – Гродно, 1907. – с. 21; Кулагин А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі, - с. 63.
60. Раздел написан на основе личного дела П.И. Ковалевского, хранящегося в текущем архиве Гродненского госуниверситета, а также благодаря воспоминаниям о своем наставнике академика Костюка М.П. и доцента Ковкеля И.И.
- Часть примечаний и ссылок на использованные источники дана непосредственно в тексте монографии.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕЧНОМ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)	3
Об уходе в мир иной	3
ТАК, НАВЕРНОЕ, СЕЮТ ЗЕРНА.....	5
МОГИЛА, В СУЩНОСТИ, ДОМ.....	6
НЕ ГОВОРИ С ТОСКОЙ: ИХ НЕТ.....	7
Суть кладбищенского кризиса	8
Нужна ли обществу история кладбищ?	11
ГЛАВА I. ПРАВОСЛАВНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ И КЛАДБИЩА ДРЕВНЕГО ГРОДНО.....	13
ГЛАВА II. ГРОДНЕНСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ КЛАДБИЩА КОНЦА XVIII –	
НАЧАЛА XX ВЕКОВ	20
Православное кладбище (улица Антонова, ранее Иерусалимская)	20
Православное кладбище (переулок Победы)	38
Православные захоронения на Гродненском военном кладбище (улица Белуша)	39
ГЛАВА III. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИТЕЛЯХ Г.ГРОДНО И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ	
МЕСТНОГО ГАРНИЗОНА, ПОХОРОНЕННЫХ НА ГОРОДСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ	
КЛАДБИЩАХ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ.....	41
ГЛАВА IV. ИМЕНА НА НАДГРОБИЯХ.....	59
Сергей Николаевич Ланской (1774-1814)– герой 1812 года	59
Епископ Игнатий Железовский (1800-1872)	60
Даниил Иванович Джаксон (1828-1871)	62
Михаил Алексеевич Дмитриев (1832-1873) – этнограф, фольклорист и педагог.....	66
Мать поэта Мария Афанасьевна Богданович (Мякота) -1869-1896	67
Антон Николаевич Шумович (1821-1893)	70
Осип Павлович Демьянович (1821-1893).....	70
Александр Федорович Рейпольский (1835-1907).....	75
Евстафий Филаретович Орловский (1862-1913).....	77
Лекарь «с отличием» Константин Семенович Кемарский (1847-1922)	95
Василий Васильевич Кошелев (1856-1925) - народный доктор и общественный деятель	97
Гродненский губернский архитектор и инженер Николай Бенедиктович Романов (1863-1927)	101
Военный инженер-строитель Иван Евграфович Савельев (1866-1951).....	104
Словесник Петр Иванович Ковалевский (1883-1966)	106
ПРИМЕЧАНИЯ.....	112
ИЛЛЮСТРАЦИИ	116

Монография

Черепица Валерий Николаевич

Гродненский Православный Некрополь
(с древнейших времен до начала XX века)

Ответственный за выпуск Линкевич В.Н.

Редактор Тягушина С.И.

Компьютерная верстка Гербедь Ю.В.

Художественный редактор Дембицкая Н.В.

Фотографические работы Сорокин В.И.

Учреждение образования

«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Лицензия ЛВ №96. Адрес: г. Гродно, ул. Ожешко, 22.

...Думается, что даже мысленное обращение к мудрому приветствию древних: *momento mori* ! (помни о смерти), весьма актуально в любом возрасте. И чем раньше задумаются о его смысле люди – тем лучше, и тем более наполненной и целеустремленной в желании приносить добро себе и ближним станет человеческая жизнь.

...Места захоронений многому учат, ибо они содержат в своем внешнем облике и материальном состоянии массу информации об историческом прошлом края. Причем, не только в области социально-экономической, политической, но и житейско-бытовой. Кладбище в определенном смысле есть достаточно объективный слепок всего многообразия жизни нашего народа.

Профессор В.Н. Черепица.